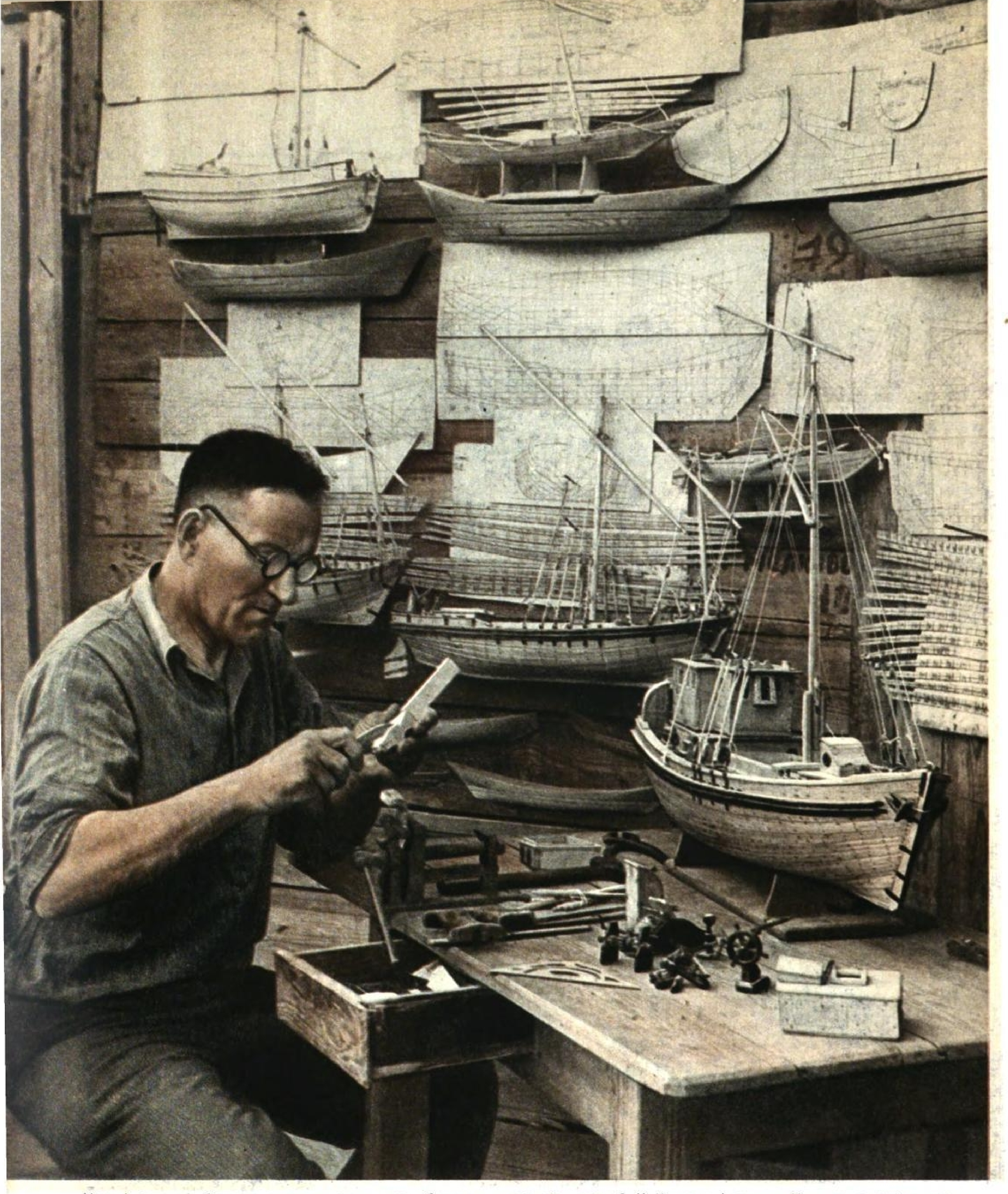

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Иван Алексеевич Курышев двадцать восемь лет работает на судоверфи имени С. М. Кирова в Астрахани. Ныне он старший мастер. Дома у Курышева много моделей рыболовных судов, которые он делает по рабочим чертежам.

Фото А. Заплетина.
Из почты «Огонька»

На первой странице обложки: Зимняя дорога на Енисее.

Фото В. Токорева.

На последней странице обложки: Албания. Окрестности города Шкодера.

Фото Я. Рюмкина.

ОГОНЁК № 48 (1537) 25 НОЯБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

С 15 по 18 ноября 1956 года в Москве состоялись переговоры между Делегацией ЦК КПСС и Правительства Советского Союза во главе с Первым Секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и Делегацией ЦК ПОРП и Правительства Польской Народной Республики, возглавляемой Первым Секретарем ЦК ПОРП Владиславом Гомулкой.

Во время этих переговоров, проходивших в обстановке сердечности и дружбы, в духе взаимопонимания и откровенности, делегации обменялись мнениями по вопросам развития и укрепления советско-польских взаимоотношений, а также по важнейшим проблемам современной международной обстановки. В Кремле было подписано советско-польское Совместное Заявление, в котором подведены основные итоги четырехдневных переговоров. На снимке: в Кремле. После подписания Заявления товарищи Н. А. Булганин, Владислав Гомулка, Н. С. Хрущев и Юзеф Циранкевич обмениваются рукопожатиями.

Фото А. Новикова.

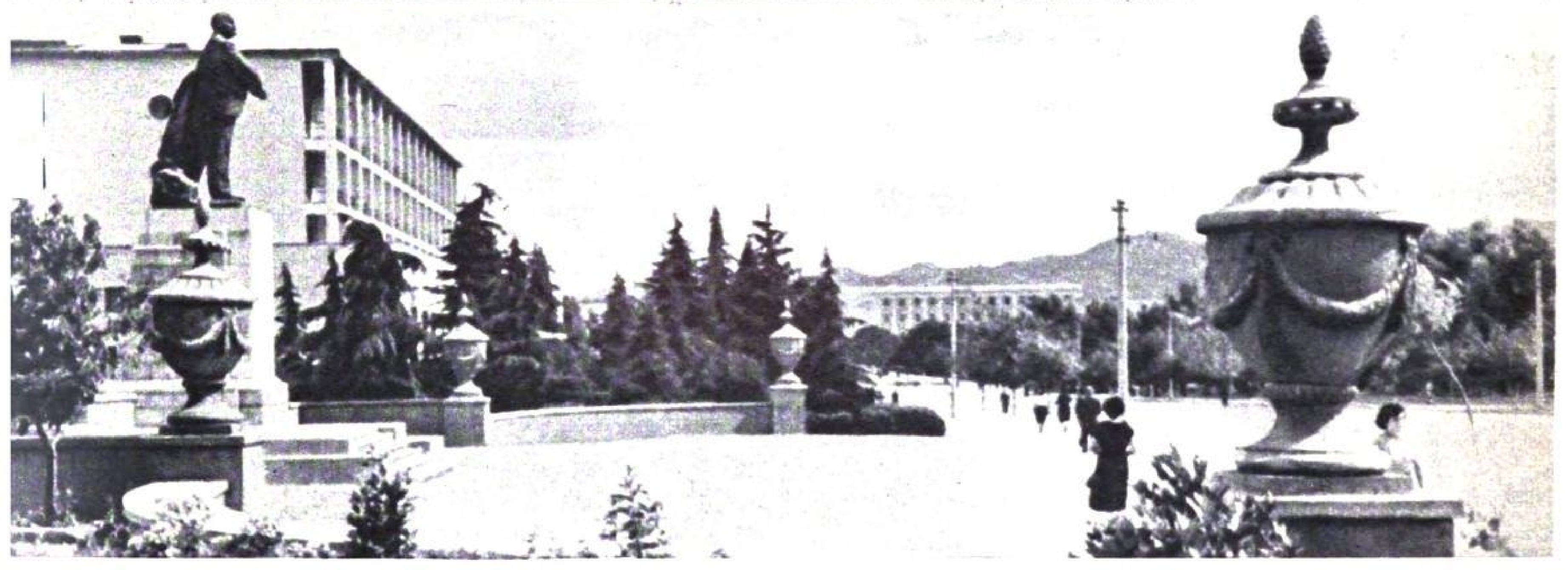
В эти дни советские люди принимают дорогих гостей — членов делегации Всекитайского собрания народных представителей, прибывших в Советский Союз по приглашению Верховного Совета СССР. Делегацию возглавляет заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей мэр города Пекина товарищ Пын Чжэнь.

Посланцы великого китайского народа были приняты Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР П. П. Лобановым и Председателем Совета Национальностей В. Т. Лацисом, ознакомились с достопримечательностями Москвы и предприняли поездку по стране. На снимке: китайские гости в Кремле.

Фото М. Савина.

Албанские нефтепромыслы.

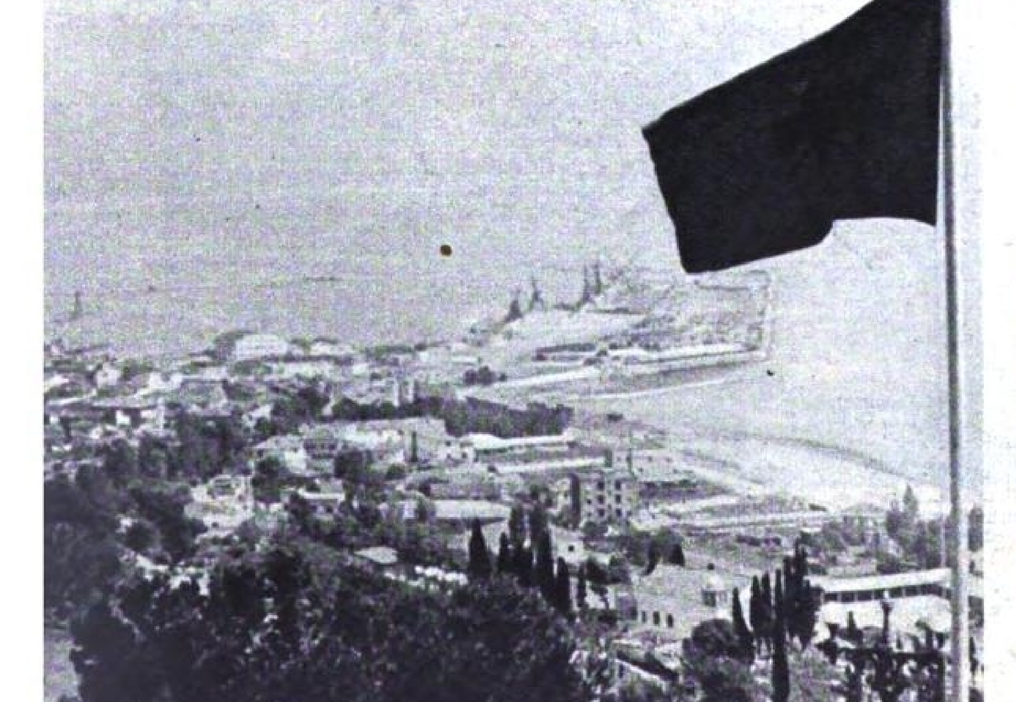
Тирана.

СВОБОДНОЙ АЛБАНИИ—ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Фото Я. РЮМКИНА и И. ТУНКЕЛЯ
Специальные корреспонденты «Огонька».

29 ноября албанский народ отмечает национальный праздник — День освобождения. В 1944 году в этот день албанский народ обрел независимость, свободу, счастье. Прошедшие с тех пор двенадцать лет были годами бурного роста промышленности, подъема сельского хозяйства, расцвета национальной культуры. Албанский народ уверенно идет по социалистическому пути.

Порт Дуррес.

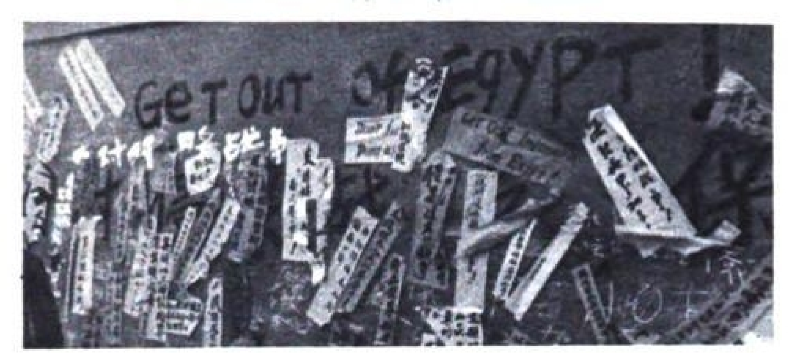

На ежегодном празднике — встрече бывших партизан — в горном селении Пезе.

ПРЕКРАТИТЬ АГРЕССИЮ В ЕГИПТЕ!

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Листовки и лозунги, наклеенные демонстрантами на стены вокруг здания английской миссии в Пекине.

Фото В. Кассис.

Англо-франко-израильская агрессия взволновала китайский народ. Митинги протеста прокатились по всей стране.

До сих пор в Пекине высокий каменный забор у здания, где расположена канцелярия поверенного в делах Англии в Китае, заклеен броскими плакатами, рисунками, карикатурами, исписан лозунгами, воззваниями на китайском и английском языках. Здесь и черная фугасная бомба, перечеркнутая красным крестом, и сапог, сбрасывающий агрессора с египетского берега, и мощный кулак под носом растерявшегося израильского вояки. Эта расцвеченная яркими плакатами стена забора, протянувшегося на целый квартал, напоминает о бурной многотысячной демонстрации, которая подходила к этому забору со знаменами и требовала прекращения агрессии. До сих пор плакаты, лозунги «Руки прочь от Египта!» можно видеть на трамваях, на автобусах и даже на трехколесных велосипедах рикш.

Китайский журналист образно сказал мне об англичанах:

— Поднятый тяжелый камень они уронят на свои ноги.

В городе Чамдо (Тибет) во время митинга один из ораторов вспомнил, что шесть лет назад англичане умертвили «живого будду» Гэда.

— Теперь,— сказал он,— они убивают египтян. Мы энергично протестуем.

Семидесятилетний мулла по фамилии Саддык и только что вернувшийся из Египта Мохаммед Ади, выступая в городе Кульдже, сказали, что агрессия англо-французов против Египта — провокация против мусульман всего мира.

В Пекине в последнее время созданы Китайский народный комитет поддержки Египта и Общество китайско-египетской дружбы. Они призваны возглавить всенародное движение помощи египтянам.

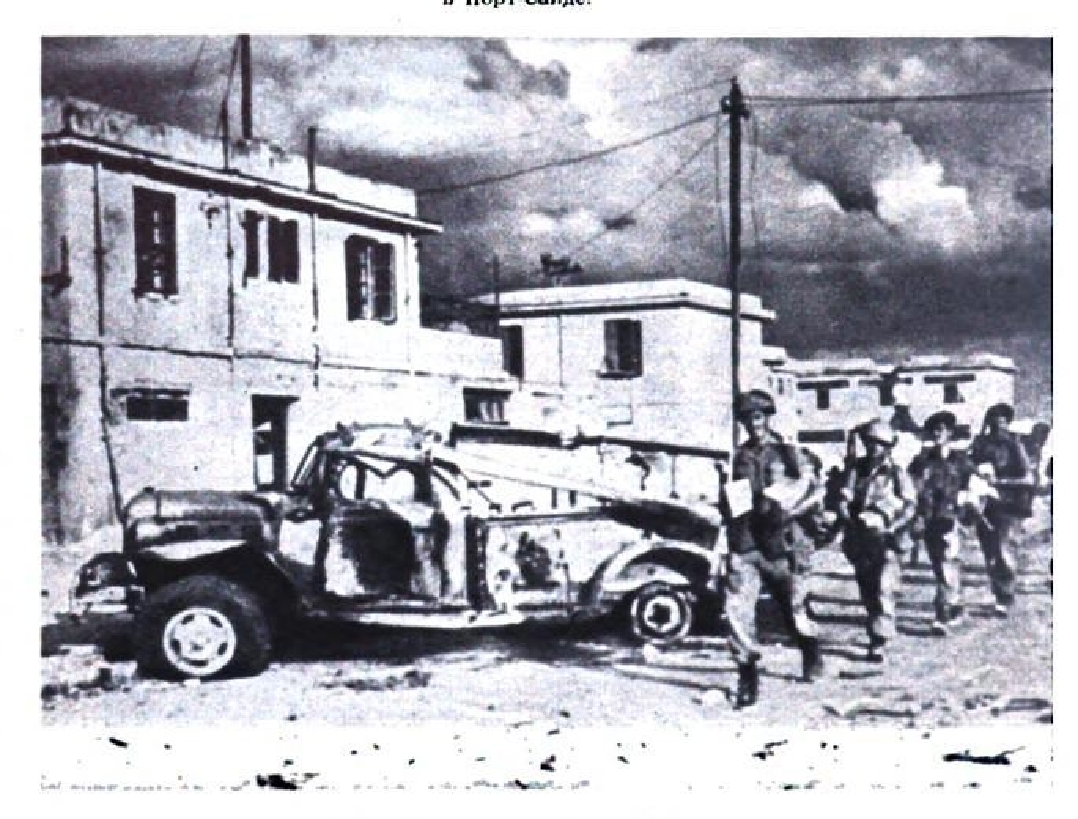
Рабочие Шицзиншаньского металлургического завода заявили о желании взять оружие и ехать добровольцами в Египет. Железнодорожники Чунцина согласны работать в Египте — на транспорте; в городах Шанхае и Чанша в ряды добровольцев записалось более двух тысяч медицинских работников. Повсюду студенты изъявляют желание вступить в добровольческие отряды. Учащиеся средней школы при Пекинском педагогическом институте предложили начать сбор средств для постройки истребителя «Китайская молодежь».

Китайский народ всячески помогает египетским братьям. Пищевой комбинат в Тяньцзине обработал и отправил в Египет более 10 тысяч бараньих туш и 200 тонн говяжьих туш. Отгружено 6 тысяч тонн бобов, чай, хлопковое масло. Из Аньшаня в Египет отправлена партия проката и более тысячи тонн высококачественной стали. Китайский народ полон решимости до конца, до победы помогать братскому египетскому народу в его борьбе с агрессорами.

Пекин, ноябрь.

Часть разрушенного англо-французской бомбардировкой арабского квартала в Порт-Саиде.

Войска интервентов в Порт-Саиде.

Против американских военных баз

В японском городе Сунакава, недалеко от Токио, американское военное командование решило расширить военно-воздушную базу. Но жители Сунакавы решили по-другому. Пятитысячная демонстрация горожан выразила энергичный протест против плана расширения американской базы. Этот протест поддержали и жители Токио.

Власти послали против демонстрантов две тысячи полицейских. Сотни демонстрантов получили ранения и увечия. Но японцы добились своего: их движение заставило американцев отказаться от расширения военной базы.

На снимке: полицейские атакуют демонстрантов в Сунакаве.

СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ—ГОСТИ ПРЕЗИДЕНТА ИНДОНЕЗИИ

Самолет Голландской авиационной компании доставил в столицу Индонезии Джакарту группу советских летчиков гражданского воздушного флота — Алексея Алексеевича Свистунова и его экипаж: второго пилота Н. Д. Лаврова, штурмана Е. М. Кириллова, бортмеханика В. А. Леонова, бортрадиста В. М. Ионова и бортпроводницу А. А. Бобровскую.

Самолет «ИЛ-14», на котором обычно летает Свистунов, был предоставлен в распоряжение президента Сукарно, когда он гостил в Советском Союзе. На этом самолете президент путешествовал по нашей стране, летал в Белград, Вену и Прагу. По окончании полетов Сукарно поблагодарил летчиков и пригласил их к себе в гости. Приглашение получил и Иван Дмитриевич Полосухин — опытный летчик, обеспечивавший безопасность полетов президента.

Президент встретил гостей тепло и радушно, как старых знакомых. За столом он поднял бокал за здоровье советских людей.

— К таким настоящим друзьям,— сказал президент,— особенно подходит наша индонезийская поговорка: «От глаз далеко, но от сердца близко».

По приглашению президента гости в течение двух недель знакомились со страной, осматривали ее достопримечательности.

Летчики возвратились на родину, полные впечатлений, исполненные глубокого уважения к трудолюбивому и свободолюбивому народу Индонезии.

РАЗГОВОР НА СТРОЙКЕ

Януш ПШИМАНОВСКИЙ и Веслава КОПАНСКА

Фото Зигмунда Гамского.

Когда пишешь о каком-либо отдаленном городе, то делаешь это для того, чтобы читатель, не выходя из дома и не покупая железнодорожного билета, мог увидеть самое интересное и самое характерное в этом городе. Но вы хорошо знаете, советские друзья, что города, как и люди, растут, меняются, становятся красивее. Это в особенности относится к городам лагеря мира и демократии, где все общественные блага принадлежат народу. Так происходит и у нас, в Варшаве.

Лет семь назад, желая показать вам польскую столицу, мы наверняка пригласили бы зас на трассу Восток — Запад, а в 1952 году повели бы вас на площадь Конституции с ее сверкающими новыми зданиями. Сегодня же, чтобы узреть и почувствовать лик современной Варшавы, нам с вами обязательно надо пойти на заводы или на строительные площадки на Белянах, где сооружаются жилые дома.

Но вот подходит трамвай № 15. Прекрасно! Значит, едем на Беляны!..

Издалека ничего особенного как будто и нет: лес кранов, длинные красные стены возводимых корпусов. Улицы еще не замощены, всюду выбоины и колеи от сотен грузовиков, но такое зрелище никого в Варшаве не удивляет. Не удивит оно и вас, дорогие товарищи москвичи: в Москве ведь таких строек куда больше!..

Но подойдем поближе. Ну, конечно, здесь применяется крупноблочное строительство. Людей на стройке не так уж много, а работа идет споро.

Однако и это не самое интересное и характерное для столицы Польши конца ноября 1956 года. Нет, не зря же мы пришли с вами сюда.

Обращаемся к бригадиру:

— Можно вас на минутку, товарищ?

— Пожалуйста.

— Простите, ваша фамилия и имя?

— Станислав Росиконь.

— Приятно, познакомимся... Давно на этом деле?

— Я в Варшаве строю дома вот уже сорок лет...

— Срок немалый!.. Не расскажете ли нам в таком случае, что нового в вашей работе?

— А вот, судите сами: несколько месяцев назад у нас, скажем, один этаж возводили двенадцать человек, а теперь за тот же период времени — только семь! Да и качество много лучше...

На этой стройке по инициативе рабочих недавно применена комплексная бригадная система работы. Она пущена в ход, несмотря на протесты некоторых работников Главного строительного управления, которые лишь пост-фактум утвердили ее. Бригады заключают договоры на выполнение работ по целой части здания и обусловливают с дирекцией сроки исполнения. Никто теперь не ходит без дела, никто не решается давать низкое качество. Снизилась стоимость работ, уменьшился расход материалов и одновременно почти вдвое повысились заработки.

С энтузиазмом, как свое родное дело, приняли строители, как и весь рабочий класс Польши, программу дальнейшего социалистического строительства, изложенную в решениях VIII пленума ЦК ПОРП.

— Можно не сомневаться: мы сумеем построить социализм в народной Польше! — спокойно и уверенно говорит нам член бригады Росиконя товарищ Чеслав Кавка.— Новую пятилетку составляла и обдумывала почти вся страна. Стоит до седьмого пота работать, но сделать все солидно и крепко, по-рабочему!..

Чеслав Кавка окидывает взглядом стройку и продолжает:

— Есть еще у нас и такие, которые не больно верят, что мы справимся... Но они поверят!, можете не сомневаться... Есть и такие, что злобствуют и держат камень за пазухой... Вот я после работы дежурю еще в отделении рабочей милиции. Стоим на страже, чтобы никакой черт из-за океана не вздумал стать поперек нашего пути. И могу вам гарантировать,— заключает, поднимая на нас глаза, Чеслав Кавка,— мы зорко следим, чтобы никакой гад не повредил нашей вечной дружбе с Советским Союзом — дружбе двух суверенных, независимых братских государств... Так и напишите в Москву!

Варшава.

Чеслав Кавка.

Бригадир Станислав Росиконь.

Центральная улица Мельбурна 2-я Бекстрит.

Жаркие дни в Мельбурне

А. СОФРОНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

На XV Олимпийских играх в Хельсинки судьба свела меня с австралийскими гребцами. Мы беседовали в их комнате о результатах игр. Австралийцы высоко отзывались о советских гребцах. Один из них сказал:

— Приезжайте в Мельбурн, будем рады вас видеть в Австралии.

Прошло четыре года. Мельбурн — накануне открытия XVI Олимпийских игр. Советские спортсмены расположились в олимпийской деревне. Написать это просто, но не так-то просто было преодолеть тысячи километров, отделяющие Мельбурн от Москвы.

Из бирманской зимы в австралийское лето

21 час чистого лёта отделяет Мельбурн от Рангуна. Когда мы прилетели в столицу Бирмы и вышли из самолета, нам показалось, что кто-то сразу обернул нас в мокрые горячие простыни. Бирманцы спрашивали нас:

— Как вам нравится наша зима?..

Стоило пересечь экватор, и оказаться на южной оконечности Австралии, как мы услышали вопрос:

— Как вам нравится наше лето?

Бирманская зима провожала нас 35° в тени, австралийское

Польские спортсменки в Мельбурне. Слева направо: Анна Войташек, Урсула Фигвер, Элижбета Кшеснnска и Геновефа Минницка.

лето встречало 15° на солнце. Редкие лучи пробивались сквозь тучи, нависшие над Мельбурном.

И все-таки здесь тепло

Мы прибыли в Мельбурн в девять часов вечера. Голубое море огней радужно сверкает под крыльями. Самолет приземляется.

Спортсменов ведут в таможенное отделение, где происходит несложная процедура. И вот они уже в открытом зале. Проходят к автобусам через тесный коридор. Тянутся детские ручонки с блокнотами: оставьте автограф. Матери благодарно улыбаются: спасибо.

Автобусы идут в олимпийскую деревню. Рядом с ними мчатся легковые автомобили. Люди, сидящие в них, приветливо улыбаются нам. Я смотрю в окно автобуса и вспоминаю беседу с гребцами в Хельсинки. Они говорили правду: австралийцы радушно встречают советских спортсменов. Здесь, кажется, действительно наступает лето: с каждым днем становится теплее.

В олимпийской деревне

В этой деревне нет огородов и садов. Вероятно, они когда-нибудь появятся. Будет это, наверно, очень скоро. Как только кончатся Олимпийские игры и временные хозяева покинут эти уютные дома, квартиры будут проданы постоянным хозяевам. Но и временные хозяева — спортсмены — чувствуют себя здесь хорошо.

Рано утром к советским спортсменам пришли в гости американские пятиборцы. Во взаимных приветствиях не было и капли торжественности. Встретились американские и советские боксеры. На этот раз они были без перчаток.

Официальная форма готовится для парада, а сейчас спортсмены ходят друг к другу в гости запросто, в тренировочных костюмах. С каждым днем они все больше узнают друг друга.

Все газеты печатают большие портреты Нины Пономаревой. Нина на тренировках, Нина раздает автографы, Нина беседует с американскими спортсменами...

Побывали в гостях у наших спортсменов и австралийцы. Спортсмены обменялись подарками. Было сказано много дружеских слов. Австралийские пловцы, являющиеся одними из лучших в мире, пришли в бассейн на тренировку к советским пловцам, чтобы поделиться опытом. Кто-то из наших спортсменов шутя спросил:

— Как же вы не боитесь раскрывать свои секреты перед соревнованиями?

Австралийцы ответили:

— Что вы! Для нас большая радость — поделиться тем небольшим опытом, который нам удалось накопить.

Незнание языков не мешает взаимному общению. Сердечно улыбаются советским спортсменам японцы. Многие из них старательно произносят слово «здравствуйте». Везде на улицах олимпийской деревни, во всех ее 842 домах кипит жизнь, завязываются знакомства, возникают дружеские беседы.

В этой деревне по утрам не кричат петухи. Однако жители деревни просыпаются рано. Автобусы подвозят спортсменов к местам тренировок.

Руководители делегаций с каждым днем становятся все более озабоченными. Как строгие родители, смотрят они за спортсменами: не простудился ли кто, не озяб ли? Ведь впереди горячие дни Олимпийских игр.

Счет большой, но это ничего не значит

Я думаю, что многие тысячи московских болельщиков завидовали нам, стоявшим на Мельбурнском ипподроме и наблюдавшим товарищескую встречу футбольных команд Австралии и Советского Союза.

Почти целый день шел мелкий дождь. Шел он и во время матча, на котором присутствовало 7—8 тысяч зрителей. Футбол в Австралии еще мало популярен, так что такое количество зрителей, да еще в дождливую погоду, можно считать проявлением большого интереса. На второй минуте в ворота команды Австралии влетел первый мяч. На третьей минуте Лев Яшин, не торопясь, вынул мяч из своих ворот, забитый со штрафного удара в «девятку». На пятой минуте счет стал 2:1 в пользу советских футболистов и потом быстро увеличивался.

Общий итог игры — 15:1. Но, к чести хозяев поля, надо отметить: играли они с полным напряжением сил до последней минуты. Много трудных мячей взял смелый австралийский вратарь. Игра была в полном смысле товарищеской.

24 ноября советские футболисты встречаются с командой Федеративной Республики Германии уже не в товарищеском, а в официальном матче, и игрокам одной из двух команд придется, согласно неумолимому закону Олимпийских игр, пересесть на трибуну в качестве зрителей. А пока можно согласиться с мельбурнским телевизионным комментатором, который, хорошо оценивая игру советских футболистов, заявил, что не будет пытаться загадывать на будущее. Как говорят футболисты: мяч круглый, а поле ровное...

На торжественной церемонии поднятия флага в советском квартале олимпийской деревни.

А что же в Мельбурне!

В эти последние предолимпийские дни Мельбурн жил под знаком бесконечного притока туристов — забиты все гостиницы, улицы города заполнены пестрой, разноязычной толпой. По вечерам веселая игра огней набрасывает на вас со всех сторон разноцветные кольца — эмблему Олимпийских игр. В витринах магазинов рубашки, носки, галстуки, шляпы, трости, зажигалки, трубки, конфеты, печенье, шоколад помечены пятью кольцами. На фотовитринах выставлены снимки спортсменов разных стран. Уже съехались в Мельбурн многие тысячи журналистов, радио- и телекомментаторы, фоторепортеры и кинооператоры. Скоро с предельной нагрузкой заработают телетайпы, радио и телеграф, сообщая миру имена победителей, секунды, метры, километры... Какую бы температуру ни показывали на улицах градусники, на стадионе и на спортивных площадках Мельбурна наступают жаркие дни.

Мельбурн, 19 ноября.
По телефону.

Немецкий тренер Герд Михаэль (слева) беседует с советским тренером Г. Коробковым.

Советский метатель молота Анатолий Самоцветов во время тренировки берет старт вместе с немецкими спортсменами Мольнердом Поршке, Юргеном Кулем и Вальтером Оберсте.

Дневник ОГОНЬКА

ОНИ БУДУТ МЕТАЛЛУРГАМИ ИНДИИ

В Советский Союз прибыли на производственную практику индийские специалисты. Будущих металлургов и коксохимиков Индии тепло встретили в Жданове на «Азовстали».

Первое знакомство с гигантским заводом произошло в доменном цехе. Когда не хватило запаса слов, друзья не растерялись: они продолжали беседовать с помощью словаря.

А вот практиканты попали в мартеновский. Здесь, у пышущих зноем печей, представителям солнечной Индии немного непривычно, но зато и не так уж жарко.

Тысячи сложнейших механизмов и приборов, установленных на заводе, представили большой интерес для индийских механиков.

На этом снимке вы видите (слева направо) Прасада, Игбала, Кришнамурти, Нарасимхана, Рао и Нарояна. Они улыбаются: практика проходит хорошо.

Фото М. Медуховского.

Каждую неделю — этаж

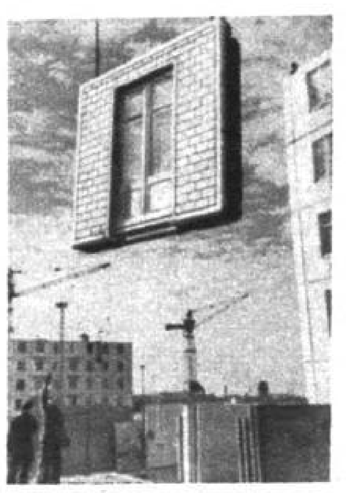
На этой стройке по Ивановской улице в Ленинграде не слышно грохота, почти не видно рабочих. Нигде нет ни кирпича, ни цемента, ни камня. Да что камня! На всей огромной площадке не сыщешь ни одного гвоздя. Нет и строительных отходов. Женщины в белых фартуках шагают с метлами по асфальтированным тротуарам будущего квартала и следят за чистотой.

...Стрела мощного передвижного крана несет панель и останавливается над собираемым домом. Монтажники примеряются, придают панели на весу нужное положение. Короткий взмах руки Ивана Бегуна — и деталь точно по оси примыкает к прежде установленной. Теперь очередь за сварщиком Владимиром Гульницким. Он должен скрепить две панели, внутри которых имеются металлические стержни.

На углу перекрытия этажа одиноко маячит маленькая будочка. Это конторка мастера. На столике чертежи, на полках инструмент. Отсюда, как на ладони, виден не только весь этаж, но и панорама стройки всего квартала, развернувшейся на семи с половиной гектарах. Чтобы ветер не снес конторку, ее прикрепили тросами. Когда заканчивается монтаж этажа, кран поднимает конторку мастера выше. Так и путешествует она с этажа на этаж. И это происходит довольно часто, так как десять рабочих, собирающих дом, успевают смонтировать за неделю целый этаж.

Мы наблюдали, как собирали два дома. Весь процесс монтажа длился 48 дней, а полный цикл с отделкой и сдачей к заселению — 76 дней!

К. ЧЕРЕВКОВ

Кран поднимает панель — часть готовой стены дома.

С этажа на этаж путешествует конторка мастера.

Фото Б. Уткина.

Памятник И. В. Бабушкину

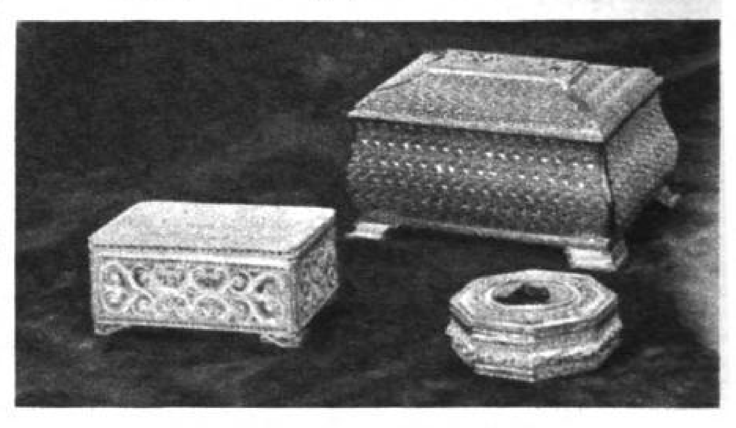
В селе Бабушкино (бывшее Леденгсное), Вологодской области, где родился и провел детские годы Иван Васильевич Бабушкин, открыт памятник рабочему-революционеру.

На гранитном постаменте установлен бюст, ниже которого надпись:

«Иван Васильевич Бабушкин. 1873—1906».

Фото Н. Едемского.

Золотых дел мастера

Филигранные и резные шкатулки.

Фото Г. Санько.

На черном бархате драгоценные изделия особенно красивы: украшенные самоцветами ковши, ларцы, вазы, изящные броши, кольца, кулоны с вставками из горного хрусталя, корундов, хризолита, топаза, аметиста. Кажется, что это музейные вещи, взятые из Оружейной палаты.

Однако, рассматривая великолепные золотые и серебряные изделия, мы видим вмонтированные в них рисунки сегодняшней Москвы, современный пейзаж. Это эскизы подарков к Всемирному фестивалю молодежи, которые будут сделаны комсомольцами-ювелирами.

Мы выходим из отдела готовой продукции Московской ювелирно-алмазной фабрики треста «Русские самоцветы» и идем по цехам. Под лучами ламп дневного света поблескивают горки серебряных и золотых, пока еще не отделанных вещей. Две девушки щипчиками берут крошечные кусочки серебряной проволоки, сгибают их, нанизывают, зажимают — они изготовляют тонкие серебряные цепочки. На других столах припаивают к кольцам оправу для камней, монтируют различных форм броши, браслеты, кулоны.

На фабрике работает в основном молодежь.

Закрепщик Виктор Колобулин производит окончательную операцию — сажает драгоценный камень в оправу броши или кольца. Возле молодого мастера лежат различные инструменты — тонкие пилки, своеобразные штихели. Кольцо сажается в мастику, чтоб не повредилась его полированная поверхность. Затем закрепщик берет самоцвет, подгоняет гнездо в оправе и закрепляет драгоценный камень.

Мастерами золотых дел были отец, дед, прадед одного из ювелиров фабрики, Сергея Михайловича Овчинникова. В Оружейной палате хранится филигранное серебряное платье русской императрицы, сплетенное русскими умельцами, среди которых был и предок Сергея Овчинникова. Сергей Михайлович тоже увлекается филигранью. Интересно, что этот вид ювелирного искусства достиг своего совершенства именно в России, и сейчас наши филигранные изделия славятся во всем мире.

Николай Михайлович Тоскин сам разрабатывает рисунки и изготовляет ювелирные и художественно-уникальные изделия. Более полугода трудился мастер над филигранным, украшенным двумя тысячами самоцветов ковшом.

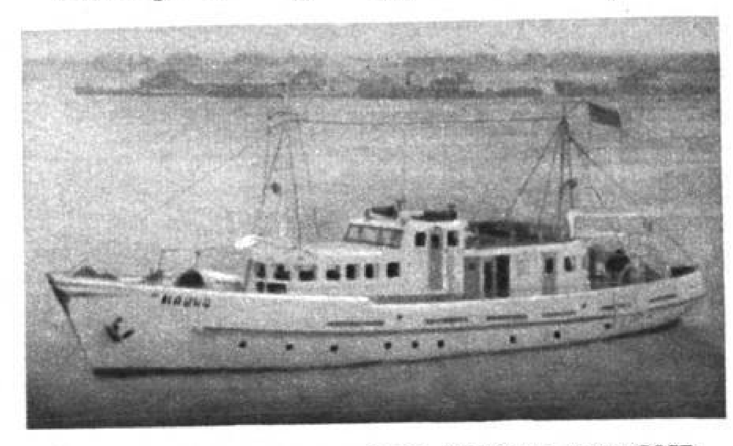
Недавно закончил уникальную шкатулку молодой мастер Леонид Орлов. В серебряном корпусе мастер пропилил 28 тысяч отверстий; на крышке — гравированное изображение Московского кремля. Этой изящной, отделанной нежной бирюзой шкатулкой гордится фабрика.

В кладовой фабрики лежат камни: золотистые топазы, зеленоватые хризолиты, густо-фиолетовые аметисты, синие сапфиры, меняющий свой цвет чудесный александрит...

Многие изделия московских ювелиров не раз демонстрировались на международных выставках и заслужили высокие отзывы. Советские мастера золотых дел хранят и продолжают славу русских ювелиров, издавна заслуживших мировое признание.

И. ИЛЬИЧЕВА

«Наука» уходит в море

Одно из экспедиционных судов Академии наук СССР.

Во время предстоящего Международного геофизического года Академия наук СССР и различные ведомства организуют около двадцати пяти экспедиций, в том числе шесть морских.

— В связи с расширением морских научных исследований значительно пополняется флот Академии наук,— рассказал нам главный инженер Отдела морских экспедиционных работ академии В. А. Полюшкин.— По заданию академии на одном из южных заводов построено новое судно, «Наука», предназначенное для проведения комплексных экспедиционных работ. Это теплоход водоизмещением 103 тонны. Дизель мощностью в 300 лошадиных сил позволяет кораблю развивать скорость до 11 узлов. На судне — гидрохимическая, микробиологическая и ихтиологическая лаборатории.

Капитаном «Науки» назначен молодой, но уже опытный штурман дальнего плавания Г. Н. Григорьев, до этого плававший возле Камчатки, на Белом и Баренцовом морях. Молодой капитан сейчас заочник четвертого курса Московского университета.

Второе новое судно, «Академик Ковалевский», передано одному из старейших научных учреждений, основанных по инициативе Миклухо-Маклая,— Севастопольской биологической станции имени А. О. Ковалевского — и в ближайшее время отправляется в первый рейс. В содружестве с учеными Болгарии, Румынии и других стран будут вестись также ихтиологические, биологические и гидробиологические наблюдения. Руководитель экспедиции — директор Севастопольской станции профессор В. А. Водяницкий.

«Академик Ковалевский» имеет пять лабораторий, до сорока суток он может находиться в море без захода в порты.

Глубоководное якорное устройство позволяет становиться на якорь в открытом море на глубинах до 2,5 тысячи метров.

Помимо этих кораблей и широко известного «Витязя», в исследованиях, связанных с Международным геофизическим годом, примут участие и другие новые корабли Академии наук СССР. Сейчас строятся суда «Михаил Ломоносов» и «Океан», которые будут иметь радиолокаторы и особые палубы для вертолетов.

В исследовании морей и океанов в общей сложности принимает участие свыше 30 судов, принадлежащих институтам Академии наук СССР.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Радость Росарио Аскона

Двадцать лет Росарио Аскона была оторвана от своей дочери Ольвидо и сына Рекаредо. Сколько слез она пролила, сколько бессонных ночей провела, тоскуя о детях! В течение десяти лет она даже не знала, живы ли они, что делают, где живут. Ее поддерживали лишь добрые вести, шедшие в Испанию из Советского Союза, о других испанских детях. Но что с ее детьми, с ее Ольвидо и Рекаредо? Об этом никто не знал.

Наконец она решилась написать письмо в СССР. Это было сопряжено с риском: узнают власти — спуска не дадут. Но куда писать? Она не знала адреса...

И все же написала. Для безопасности она подписалась «подругой». Адрес был необычный: «Россия. Москва. Ольвидо Иольди». И все же письмо дошло по назначению. В один прекрасный день его получили в детском доме, где жила Ольвидо. Она поняла сразу, что письмо от матери, несмотря на подпись: «Твоя подруга».

Теперь Росарио узнала о жизни своих детей. Они не только живы и здоровы, они учатся и воспитываются так хорошо, как не могла бы это сделать она в Испании. И все же боль разлуки не утихала.

В 1937 году вместе с другими испанскими детьми прибыли в Советский Союз восьмилетняя Ольвидо и одиннадцатилетний Рекаредо. Они воспитывались в детских домах. Во время войны эвакуировались в Самарканд и Миас, а когда кончилась война, снова возвратились в Москву. И всюду, где бы они ни были, учились. Рекаредо окончил сначала техникум, а затем и Институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Потом Росарио Аскона получила весть, что в их семье появился еще один инженер — муж Ольвидо: Висенте. Росарио решила, что она вместе с мужем Мигель-Мауро должна поехать к детям и жить вместе с ними.

Наконец план был составлен: они поедут к сестре в Уругвай и уже оттуда, если получат разрешение, в Советский Союз. Но им пришлось прожить в Уругвае несколько лет, пока они скопили деньги на столь далекий путь...

Ольвидо (в центре) с матерью, отцом и сыном Мигелем.
Фото Я. Рюмкина.

И вот мечта осуществилась: наконец они в Москве! Автомобиль понес их с вокзала на юго-запад столицы, где вблизи высотного здания университета вырос новый район. Машина остановилась у подъезда одного из домов, который называют ДНР — Домом научных работников. Здесь, в квартире Елизаветы Аркадьевны Пащенко, с нетерпением ожидали приехавших.

— Вот мама...— Ольвидо показала на свою мать.— И вот мама...— продолжала Ольвидо, обнимая Елизавету Аркадьевну.

— Сразу две мамы! Не слишком ли много, Ольвидо?! — рассмеялся отец и, вынув карманный словарь, сказал по-русски: — Здравствуйте!

Но Ольвидо была права: Пащенко относилась к ней по-матерински. Когда Елизавета Аркадьевна работала переводчицей в детском доме для испанских ребят, она очень привязалась к Висенте и стала для него матерью. Как родную дочь приняла она и его жену Ольвидо.

Елизавета Аркадьевна радушно встретила дорогих гостей из Испании. Первые дни они и жили у нее, а затем переехали к дочери. Теперь Ольвидо уже не маленькая, какой они ее помнили, теперь она сама мать — ее сына зовут Мигель.

Вскоре мать увиделась и с Рекаредо, который приехал из МТС, где работает главным инженером.

Я. ЯКОВЛЕВ

Ташкентский телецентр

Высоко над улицами столицы Узбекистана — Ташкента — трепещет на ветру алый флажок на вершине башни — антенны телецентра. Строители соорудили изящное и удобное здание. Стены большой, в 325 квадратных метров, студии украшены кружевом резьбы по ганчу, малая студия одета в золотистый дуб.

Монтажем сложной аппаратуры руководили москвичи. Ленинградцы изготовили первый образец нового студийного оборудования восьмиканальной системы и прислали специалистов для настройки приборов. Молодые инженеры телецентра проходили практику в Харькове.

Смонтированный в Ташкенте ультракоротковолновый передатчик с частотной модуляцией будет передавать в эфир две радиовещательные программы. Со стадионов, из цехов предприятий, с полей колхозов передачи будут идти через передвижную телевизионную станцию с тремя камерами.

На улицах столицы республики, в городе химиков Чирчике, в Янги-Юле и колхозных селах, опоясывающих Ташкент, на крышах домов появились телевизионные антенны.

Н. СОЛОВЬЕВА

Неделя финских фильмов

Финские гости в Москве, среди работников советского искусства.
Фото Л. Портера (ТАСС).

В шести городах Советского Союза — Москве, Ленинграде, Петрозаводске, Риге, Таллине, Вильнюсе — заканчивается неделя финских фильмов.

На экранах кинотеатров в эти дни зрители увидели новые финские фильмы: «Прекрасная Иннери», «Правосудие», «За спичками», «Дерзкая девчонка», «Соперницы».

По приглашению Министерства культуры СССР в нашу страну прибыла делегация деятелей финского киноискусства.

Солнечная баня

У входа в эту баню не продают билетов. К ней не подвозят топлива. Котельной здесь нет и в помине, но горячая вода всегда в изобилии.

Воду для бани согревают... щедрые лучи туркменского солнца. Вода поступает из резервуаров в трубы, которые уложены на выкрашенных в черный цвет железных листах, наглухо закрытых сверху стеклом. Поглощаемое темной поверхностью солнечное тепло нагревает до 150 литров воды в час.

Почти круглый год нет отбоя от желающих воспользоваться благами солнечной бани, расположенной на окраине Ашхабада, по соседству с лабораториями Института физики и геофизики Академии наук Туркменской ССР.

Да и сама гелиобаня является собой одну из лабораторий института. Здесь ученые проводят опыты по использованию солнечного тепла в народном хозяйстве. По примеру опытной установки, созданной учеными, скоро начнут строиться солнечные бани и душевые как в самом Ашхабаде, так и в других городах республики: на площадях, скверах, стадионах. Для экспедиций, работающих в жарких краях, по образцу гелиобани конструируются походные кухни с кипятильниками, использующими солнечное тепло.

С. МЕСЯЦЕВ

Научные сотрудники Института физики и геофизики Академии наук Туркменской ССР измеряют коэффициент полезного действия солнечной бани.

Фото В. Темина.

ПИСЬМА ИЗ ВЕНГРИИ

12 ноября в Венгрию приехал известный французский писатель, главный редактор газеты «Юманите» Андре Стиль. Ниже мы публикуем сокращенный перевод его корреспонденций, опубликованных в «Юманите» с 14 по 17 ноября.

Андре СТИЛЬ

Что больше всего характерно сейчас для улиц Будапешта, больше даже, чем следы разрушений,— это густая толпа людей, вновь спешащих на работу. Улицы черны от народа. Три дня тому назад они были почти пусты.

Работа возобновляется почти всюду. Из-за разрушений, нехватки транспорта и сырья положение в Будапеште труднее, чем в провинции. На периферии жизнь вошла в норму. Крестьяне доставляют все больше продовольствия населению столицы...

Правда все больше побеждает. Взрыв фашистских зверств пробудил многих трудящихся. Всюду слышишь рассказы о злодеяниях, возмущающих совесть всех честных людей. Сейчас я имею возможность остановиться только на некоторых фактах.

Вот, например, зверское убийство Шандора Сиклаи, старого революционного бойца, участника Октябрьской революции в 1917 году, Венгерской Советской Республики 1919 года, войны в Испании в 1936 году. Банда негодяев ворвалась в его квартиру, где он находился вместе со своим отцом. Они убили и его и старика. Был убит товарищ Имре Мезё, долгое время живший политэмигрантом во Франции и Бельгии и тоже сражавшийся за народ Испании. На заводе имени Вильгельма Пика фашистские молодчики схватили беспартийного активиста Иштвана Чойона и члена партии Якоба Сава и заставили их глотать горящие сигареты.

С того времени, как начались эти неслыханные зверства, уже невозможно было не видеть, куда реакционеры хотели вовлечь народ. Люди стали понимать, что уже с самого начала движение направляют контрреволюционные силы, и не при помощи своих фашистских лозунгов, за которыми, как они хорошо знали, народ не пойдет, а используя для маскировки лозунги, которые были популярны.

Факты не оставляют в этом никакого сомнения. Вся манера руководства вооруженными действиями, когда мятежники атаковали радио, телефон и другие стратегические пункты, со всей очевидностью показала, что шла реализация настоящего военного плана, выработанного под руководством опытного штаба, в основном состоявшего, очевидно, из бывших хортистских офицеров. Так, например, размещение пулеметных гнезд мятежников в районе кинотеатра Корвин, вблизи одной из крупных военных казарм в Будапеште, свидетельствовало о диспозиции, разработанной знатоками дела. Отступление контрреволюционных вооруженных банд, выгнанных из города, также было проведено в организованном порядке. Все они уходили в северном и северо-западном направлении, и это дает основание думать, что штаб мятежников находился в Эстергоме, бывшей резиденции кардинала Миндсенти.

Едва ли нужно приводить такой общеизвестный факт, что шесть тысяч уголовных преступников были освобождены мятежниками, снабжены оружием и занялись «по-своему» борьбой за свою «свободу». Оружие раздавалось также членам партии мелких сельских хозяев перед зданием этой партии.

Уже со 2 ноября по зданию парламента стали расхаживать бывшие венгерские жандармы в своих шляпах, отделанных перьями. Газета «Непсабадшаг» писала: «У дверей парламента среди рабочих блуз появились вынутые из нафталина мундиры бывших офицеров и меховые манто. Кулуары парламента заполнились крупными помещиками, владельцами акций и хортистскими офицерами». Накануне возвращения в Будапешт советских войск «Скрещенные стрелы» уже организовались в партию и готовили к выпуску собственную газету «Вирадат».

Теперь известны и такие факты. В Мишкольце граф Коложвари, бывший хортистский офицер, прибывший прямо из Мюнхена, выступил по радио с речью, магнитофонная запись которой сохранилась. Он призывал к созданию правительства, враждебного социалистическому строю, и заверял, что это правительство получит помощь, включая военную, от западных стран. Этот хортист требовал арестовать 30—40 тысяч передовых рабочих.

Один из главных акционеров текстильной фабрики в Дьёре, Нандор Цейтен, прислал телеграмму, что выезжает, чтобы вступить во владение своим предприятием. На цементном заводе в Бельде бывший владелец Дебрентер объявил рабочим, что отныне они будут работать на него. В городке Тет бывший руководитель «Скрещенных стрел» Баумгартнер издал объявление о восстановлении этой организации и создал «трибунал» для самочинной расправы над коммунистами...

Жестокостям реакционеров удивляешься меньше, когда узнаешь, кем являлись главари мятежа и каковы были их методы.

Одним из них был некий Я. Дудаш, хорошо известный как фашистский журналист периода войны. В 1944 году Хорти, чувствуя приближение конца, послал для переговоров с советским командованием делегацию в составе пяти человек. Дудаш значился в ней под вывеской «коммуниста» (!). Улучив момент, он даже проник в 1945 году в партию. Позже, на муниципальных выборах в октябре, он уже фигурирует в Будапеште в качестве кандидата... по списку партии мелких сельских хозяев. Вскоре он был разоблачен и заключен в тюрьму за свою хортистскую деятельность во время войны.

Этот авантюрист вновь появляется на сцене 23 октября. 2 ноября он собрал нескольких западных журналистов и представился им как «будущий министр иностранных дел». И действительно, фашист требовал себе этот пост в правительстве Имре Надя.

Собрав банду, он послал своих молодчиков для захвата здания министерства иностранных дел. Дудаш, силой заставивший выдать ему из Госбанка 1 миллион форинтов, раздавал без счету деньги, а также награбленную в магазинах одежду всем, кто соглашался взять винтовку или гранату. Проникнув в здание министерства иностранных дел, бандит перерыл сверху донизу документы. Но в своих замыслах он не смог пойти дальше: он был арестован на месте преступления.

Другой примечательной фигурой является Бела Кираи, бывший офицер хортистского штаба, находившийся в последние годы в заключении за шпионаж и ставший одним из «стратегов» контрреволюционного мятежа...

По мере того, как увенчивались успехом энергичные усилия правительства Кадара по возрождению нормальной жизни в стране, контрреволюция делала все более отчаянные попытки приспособиться к новой обстановке. На некоторых автобусных линиях движение было прервано небольшими группами вооруженных фашистов, угрожавших расправой водителям и пассажирам. Был обстрелян поезд на пригородной линии Будапешт — Будафок. Стреляли в рабочих, ремонтировавших электросеть на линии Лёринцы.

На станции Сеп Илона фуникулера Сабадшаг рабочие подверглись нападению вооруженной банды, угрожавшей забросать их гранатами, если они будут продолжать работу. Такой же случай имел место и на заводе МАВАГ.

Используя методы запугивания, фашисты пытаются играть на чувстве неуверенности, которое существует после тяжелых дней, пережитых страной. Они нагло предвещают «неизбежность» интервенции против Венгрии армий западных стран, полицейских сил ООН. Они угрожают всем приступившим к работе новыми дикими расправами. Надо быть здесь, на месте, чтобы понять, почему после недавних дней белого террора такие угрозы еще могут оказывать влияние.

Одна из маскировок реакционеров, которая тоже становится все более прозрачной, — это их маскировка под «рабочих вождей». Не следует забывать, в каких условиях создавались на предприятиях временные рабочие советы. Часто они бывали далеки от того, чтобы представлять большинство рабочих предприятия. Они создались без выборов, на митингах, оцепленных теми, кто с оружием в руках сражался против народной власти,— на митингах, в которых порой принимала участие лишь незначительная часть рабочих. Так, на заводе Ланг на таком митинге присутствовало из 2 800 рабочих всего 40 человек. На заводе имени Жака Дюкло в Уйпеште «рабочий совет» возглавил бывший эсэсовец. Такие вот «советы» препятствовали и еще препятствуют возобновлению работы на некоторых заводах вопреки воле большинства рабочих.

Каждый успех в снабжении города, восстановлении транспорта, пуске заводов приобретает в эти дни огромное значение. Рабочий класс понимает это все более отчетливо. Провокации и насилия реакционеров получают на заводах все больший отпор. Рабочие судостроительной верфи имени Георгиу-Деж сегодня на собрании заявили, что если завтра утром мятежные элементы появятся у завода, то рабочие поступят с ними как полагается. Рабочие большого завода оптики МОМ в 12-м районе Будапешта в письме, адресованном правительству, потребовали больше твердости в отношении зачинщиков насилий и беспорядков, энергичного подавления действий, направленных против социалистической власти.

Сейчас нет никакого сомнения, что большинство рабочих не только согласны возобновить работу, но энергично добиваются этого. Иначе говоря: если ныне контрреволюционеры еще в состоянии вредить, то свою преступную игру они уже проиграли...

Сейчас многие офицеры венгерской армии отдали себя в распоряжение правительства, чтобы восстановить порядок. Уже сформировано два полка офицеров-добровольцев, которые патрулируют по улицам. Янош Кадар обратился к рабочим заводов Будапешта с призывом посылать лучших своих людей для участия в вооруженных силах, поддерживающих порядок. С помощью сотен телефонных звонков население помогает отрядам офицеров обезоруживать и арестовывать бесчинствующих фашистов и передавать их в руки органов юстиции.

В своей беседе с представителями рабочих, которая состоялась вечером 14 ноября, председатель правительства Янош Кадар отметил, что все лица, совершившие преступления и другие заслуживающие наказания действия, будут осуждены, но что правительством не было и не будет совершено ни одного акта произвола. Он опроверг распространяемую реакционерами всех стран басню о «высылке» венгров в Советский Союз. Он показал затем, что контрреволюция не открывает, конечно, своего лица, а прячется за так называемыми «социалистическими» и «революционными» лозунгами, ибо тот, кто в настоящее время заявит, что хочет восстановить капитализм, разоблачил бы себя в глазах масс.

Янош Кадар подчеркнул, что в настоящее время задача заключается в защите народной власти и если бы не помощь Советской Армии, в стране могли бы быть восстановлены капитализм и фашистский террор...

Сегодня вечером я услышал сообщение о том, что рабочие крупнейшего завода Чепель решили приступить к работе.

Рембрандт ван Рейн. 1606—1669. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. 1668—1669.

Государственный Эрмитаж.

«Огонек». 1956.

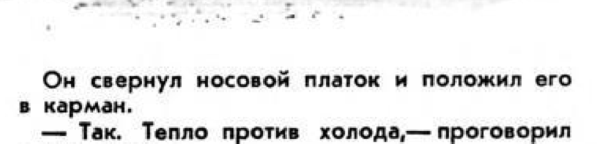
Герард Терборх. 1617—1681. БОКАЛ ЛИМОНАДА. 50-е годы XVII века. **Государственный Эрмитаж.**

Тепло против холода

Из цикла «Рассказы о далекой стране»

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки А. ВАСИНА.

Я повстречался с этим рослым парнем однажды ночью,— думается, это было зимой 1934 года. Я стоял у дверей бакалейной лавки в маленьком, захолустном поселке, милях в пятидесяти от ближайшего города, и высматривал, не попадется ли попутная машина. Дождь лил как из ведра, и холод стоял собачий.

Я переминался с ноги на ногу, полузамерзший, и ругал лавочника. Он уговорил меня поискать счастья в стороне от большой дороги. В поселке, утверждал он, всегда найдется работа для живописца вывесок. За целый день я не получил ни одного заказа и теперь томился в этой дыре — шансов поймать до утра проезжий грузовик у меня было не больше, чем у самого Бэкли[1]. А мне надо было спешить: я уже давно отбился от дома и забрался нивесть в какую глушь.

В тот год я скитался по северо-востоку, писал вывески для магазинов. Лавочники были так же бедны, как я, и дела у меня шли из рук вон плохо. И все-таки мне удалось, недосыпая по ночам, сколотить два десятифунтовых билета.

Я стоял под дождем и прикидывал в уме: затратить несколько шиллингов на ночевку или прикорнуть где-нибудь под навесом на товарной платформе? И тут подкатил на старой легковой машине этот парень.

Он высунул нос из-под брезентового верха и спросил:

— Ждешь попутной в город, приятель?

Вздрогнув от неожиданности, я схватил свой старый чемоданишко, бросил его на заднее сиденье, а сам уселся рядом с водителем.

— Я видел, когда ехал сюда в поселок, что ты все высматриваешь машину,— объяснил он.— И вот подумал: заберу его, если еще застану, на обратном пути.

Это был большой, громоздкий человек, не очень молодой, но совсем не старый. На нем плотно сидел толстый поношенный пиджак, шея была укутана шарфом, на руках перчатки, а старая шляпа надвинута на самые глаза.

Не только он сам, но и его разболтанный самоход показались мне почему-то очень уютными и приветливыми. Машина была из той рухляди, какую можно было в эти годы кризиса приобрести за бесценок, а потом убивать все свободное время на то, чтобы поддерживать в ней жизнь. Косой дождь хлестал со стороны водителя, и я заметил, что мой малый набросил второй брезент на крышу машины, чтобы уберечься от потоков воды.

— Большое спасибо,— сказал я.

— Не за что. Я ведь знаю, что значит мокнуть на проезжей дороге. Ты, видать, продрог, как бы не схватил простуду.— Он перегнулся назад и вытащил из кузова потертый коврик.— Вот, закутайся получше,— пробормотал он и снова круто повернул машину к правой обочине дороги.

Дождь заливал ветровое стекло, свет в фарах был не сильнее, чем в одну свечу. Мой спутник вел машину, наклонившись вперед, и, крепко вцепившись руками в баранку, напряженно вглядывался в колеблемую ветром сетку дождя.

— Ничего не опасайся больше, чем простуды,— предостерег он тоном знающего человека.— Я ездил в поселок к сестре, ребенок занемог у нее, флю[2] в сильной форме, должно быть, малыш простудился. Да и сам я, видно, поймал насморк, проснулся вчера утром — холод во всем теле...

Как бы в подтверждение своих слов он вытащил из кармана пиджака огромный носовой платок.

— Мне везет насчет простуды,— сказал я.— Со мной это редко случается.

— А вот со мной часто,— ответил парень.— Только она недолго держится у меня, простуда.

— Ты что же, принимаешь патентованные лекарства?

— Упаси боже!— воскликнул он с негодованием.— У меня от простуды есть собственное средство. Я вообще не любитель медицины.

— Это верно,— поддержал я.— По-моему, надо дать простуде самой пройти.

— Вот уж нет! Не советую,— возразил он серьезно.— После простуды бывают всякие... как их там... осложнения. Это — дело опасное.

— Да, конечно, микроб гриппа может вызвать и разные другие заболевания.

— Простуда — она больше от озноба, а не от микробов, если хочешь знать мое мнение,— сказал верзила тоном, не терпящим возражений.

Я где-то читал, что грипп вызывается инфекцией, но не был твердо уверен в этом. И потом — этот парень прихватил меня с собой по собственному почину. Я решил не настаивать на своем.

— Вот я и говорю: видно, напал на меня где-нибудь озноб,— продолжал мой знаток простудных заболеваний.— Проснулся вчера утром — нос весь заложен, в голове боль, как от гнилого зуба, ломота во всем теле. Ну, я сразу принялся за свое старое средство.— Он расправил носовой платок и мощно высморкался.— Слышишь? Уже очищается. Средство у меня верное, лучше всякого лекарства.

— Да,— вежливо поддержал я.— Видно, это — хорошее средство, раз грипп проходит за одни сутки.

— Лучшего средства нет на свете. Вчера в обед говорю хозяину (я ведь уборщиком работаю в гостинице): «Схватил сильную простуду, хочу уйти пораньше, полечиться старым своим способом — тренерским натиранием...»

— Тренерским натиранием?!— воскликнул я.

— Ну да, тренерским...— Мое удивление явно забавляло его.— Вечером позвал я к себе одного дружка, и он мне сделал натирание. Потом я надел шерстяное исподнее и шерстяную фуфайку и лег спать. Вся простуда вышла за ночь — и делу конец. Тут простое дело: тепло против холода, ничего больше.

Он свернул носовой платок и положил его в карман.

— Так. Тепло против холода,— проговорил я неуверенно.

— Эге. Тепло против холода, в этом вся загвоздка,— заключил мой спутник.

— Понимаю,— повторил я.— Тепло против холода.

Я искоса поглядел в полутьме на моего соседа: он невозмутимо и сосредоточенно вел машину. Дождь попрежнему швырял брызгами в ветровое стекло, вода просачивалась даже на щиток с приборами, грязь фонтанами летела из-под колес, когда старая колымага подпрыгивала на ухабах. «Забавная птица этот парень!»— подумал я про себя.

— Некоторые принимают аспирин и пьют чай с лимоном перед сном,— заметил я как бы между прочим, решив продолжать разговор.

— Аспирин не годится,— сердито ответил верзила.— И всякие другие микстуры, которые они там расхваливают по радио... Тепло — вот главное. Все дело в тепле против холода. А в жидкости, которой тренеры натирают спортсменов, очень много тепла.

— Тренерское натирание — и... все?— воскликнул я, ошеломленный, все еще не зная, смеяться мне или нет.

— Ну, не совсем. Я добавляю туда эвкалиптового масла, немного оливкового и еще коечто по собственному соображению — это все вещи, в которых много тепла. Однажды, когда я работал в гостинице в Фернтри-Галли... [3]— он все так же сидел, наклонившись над рулем, и зорко вглядывался в дождливую ночь,— ...там, в гостинице, часто останавливался один парень, коммивояжер какой-то большой каучуковой фирмы. С ним приключился забавный случай. На передней открытой веранде сидело за столиками много народу. Ночь была душная, все поснимали пиджаки. И я тоже пристроился в углу и слушал, как этот тип заливался соловьем насчет лечения болезней. Чистый всезнайка! Потом он еще толковал насчет того, какое большое будущее у каучу-

[1] Английский путешественник, заблудившийся в австралийских зарослях. (Прим. автора.)

[2] Инфлуэнца.

[3] Городок недалеко от Мельбурна.

ка, и о всяких международных делах, и о скачках, и о многом другом. Послушать его — профессор по всем наукам, хотя, думается, неплохой малый, только силен трепаться. Такой заговорит даже чугунный горшок. Ну, ладно. На дворе сильно похолодало, и все, вижу, надели пиджаки, кроме этого каучукового коммивояжера. Я подумал: парень обязательно схватит простуду, если не побережется.

— И что же получилось? — спросил я.

— Ясно, схватил. Утром смотрю — нет его за завтраком. Поднимаюсь к нему в комнату, стучу. «Войдите»,— говорит. Я вхожу. Вижу, совсем плох. Стонет, охает, весь в поту, сморкается. «Что случилось?» — спрашиваю. «Не знаю,— отвечает,— но мне совсем скверно». «А помните, вы сидели ночью на веранде без пиджака? И не надели его, когда стало холодно, а?» «Да,— говорит,— как будто так и было». «В том-то и штука,— говорю я ему.— Но ладно, я вас поставлю на ноги». Тут я отправился вниз и принес мое старое доброе лекарство.

— И что же, помогло? — поинтересовался я.

— Я тер его и тер, пока он не стал красен, как рак, с ног до головы. Когда я кончил, ему вроде стало лучше, но сам я выбился из сил. «Есть у вас шерстяное белье?» — спрашиваю. «Нет». Тогда я ему одолжил кое-что из своего. «Хотите позавтракать?» — говорю. «Нет аппетита». «Обязательно надо подкрепиться!» И я принес ему двойную порцию яичницы с ветчиной. Через два дня он был здоров, как стеклышко!..

«У моего верзилы не все дома»,— решил я про себя окончательно.

— И знаешь,— продолжал он как ни в чем не бывало,— однажды я тем же способом — тепло против холода — вылечил одного человека от воспаления легких.

— Почему бы и нет? — пробормотал я, еле удерживаясь от смеха.

— Да,— сказал мой спутник гордо.— Этот малый тоже жил у нас в гостинице. Встал однажды утром с сильным ознобом... Я уложил его в кровать, мигом притащил мое натирание. Он тоже не хотел есть, но я его заставил. Я ведь не верю этим врачам, они все думают, что простуду можно вылечить голодом...

— Значит, и этот больной поправился?

— Поправился. Через два дня вышел на работу.

— А ты уверен, что у него было воспаление легких?

— А как же! Воспаление легких, в точности. Я все подробно рассказал одному доктору — о том, как больной себя чувствовал, и врач подтвердил: воспаление легких. Только врач не поверил, что я его вылечил моим способом,— добавил верзила огорченно.

«Можно понять доктора»,— подумал я. Я согрелся под теплым ковриком, и мне хотелось теперь узнать как можно больше о моем врачевателе.

— Ты, видать, кое-что понимаешь в первой медицинской помощи? — спросил я.

— Да, немного учился этому делу. Видишь ли, я уж лет десять во время спортивных сезонов работаю тренером в футбольных клубах. Могу вправить вывих, помочь при растяжении связок, сделать искусственное дыхание, когда парня сшибут с ног. Учился и натираниям тоже. Я массажист.

— Наверное, приятно заниматься всем этим?

— А как же! Это — мое любимое дело.

— Тебе бы врачом быть,— заявил я.

Он посмотрел на меня с подозрением: не насмехаюсь ли я над ним?

— Быть врачом — хорошее дело,— задумчиво проговорил парень.— Лечить больных, делать операции и тому подобное... Помогать людям, когда они захворают, или вот еще раненым... В молодости как-то человеку не до этого. А потом учиться было уже не по карману...

— Да, очень жаль,— сказал я.

Его простая искренность была трогательна, но я чувствовал, что в словах моих все-таки звучит нарочитая серьезность, как в разговоре с ребенком.

— Странное дело, почему это люди так боятся крови? — продолжал он.— Случись какое несчастье, сразу поднимают панику и не знают, что делать, пока явится врач. Я всегда имею при себе мою аптечку и мое натирание тоже. Все у меня там, под задним сиденьем...

Он не успел договорить, как в тусклом свете фар прямо перед машиной возникла фигурка вымокшей от дождя женщины. Парень рванул на себя ручной тормоз и крепко выругался. Потом он выскочил из машины, а я все никак не мог отворить дверцу с моей стороны.

— Слава богу! Слава богу, что вы подъехали! — истерически кричала женщина.— Мой муж... он умирает! Машина перевернулась... Вон он лежит, там... уже больше часа...

Наконец-то я справился с дверцей, сбросил с себя коврик и побежал сквозь дождь к тому месту, где мой верзила уже сидел на корточках над распростертым телом мужчины. Рядом, уткнувшись в придорожный кювет, лежала на боку сильно помятая машина. Женщина, по виду жена фермера, была уже не первой молодости. Платье на ней промокло до нитки, она дрожала всем телом и что-то бормотала в беспамятстве. Руки ее были выпачканы в крови, кровь была и на лбу, но, должно быть, сама она не пострадала при аварии.

Я опустился на колени рядом с моим широкоплечим спутником. Он внимательно осматривал раненого при свете факела, который прихватил с собой из машины. Мужчина лежал в луже крови, пальто жены было подложено ему под голову. Видать, он был очень плох. Он был без сознания, только слабо стонал и конвульсивно вздрагивал.

Мне тоже бывает не по себе при виде ран и крови, но я невольно подтянулся, видя, как мой парень методически осматривает пострадавшего. Он проверил пульс, прильнул ухом к груди и выслушал сердце, ощупал лежащего с ног до головы. Делал он все это уверенно, весь углубившись в исследование.

— Скорей, скорей за доктором! — послышался сквозь шум дождя голос женщины.

Мой спутник молча поглядел на нее.

— Идите, садитесь в мою машину,— сказал он твердо.— Этот человек потерял много крови. Он требует серьезного ухода, ясно?

Я поднялся и повел упирающуюся женщину к машине.

— Мы доставим ему врача как можно скорее,— говорил я, стараясь ее успокоить.

Но она вырвалась и, плача, побежала назад к мужу.

— Не трогайте его, у него, кажется, проломлен череп! — услышал я ее крик.

Верзила так же молча встал и отвел ее к нашей машине.

— Череп у него цел, миссис, позвольте уж мне знать. Но я должен оказать ему первую помощь, а уж потом отвезу к врачу. Садитесь на переднее сиденье, миссис, а мы положим вашего мужа на заднее, дайте срок.

Она подчинилась, продолжая плакать.

— А не лучше ли сразу к врачу? — подал я голос.

— Он умрет в дороге. Из него кровь хлещет ручьями. Тяжелая рана в правом бедре, сломаны ребра и правая нога. Но голова цела, слава богу. Я остановил кровотечение, а сейчас дам ему маленько тепла, а то он совсем окоченел... Если не сделать этого, ему крышка.

Я уже почти забыл наш предыдущий разговор, но мысль о том, что этот полоумный вздумает натирать раненого своей тренерской мазью, пронизала меня, как острой иглой.

— Но ты... уверен? — спросил я беспомощно.

— А как же! Только так и можно его спасти.

Прежде чем я мог сказать хоть слово, он подтащил меня к человеку, похожему больше на бесформенную груду окровавленного тряпья.

— Он еще жив... Умеешь ты водить машину?

— Да. Но с этой твоей колымагой...

— Ладно, она ходит, как молодая... Теперь послушай: мы перенесем его сейчас на заднее сиденье. Ты поведешь машину, а я пока полечу его. До поселка мы доберемся в каких-нибудь полчаса. Иначе не выручить этого парня. Бери-ка его подмышки.

Я повиновался. Верзила побежал к машине, вытащил мой чемодан и переложил на переднее сиденье.

Мы отнесли слабо стонущего человека в машину. Укладывая раненого на сиденье, я заметил на полу кабины сумку с аптечкой и бутыль с какой-то жидкостью. «Тренерское натирание,— подумал я.— О боже милостивый!»

Каким-то чудом мотор еще не заглох. Разворачивая машину, я с ужасом подумал о том, к чему может привести медицинская помощь, которую сейчас примется оказывать умирающему мой парень.

Женщина как будто немного успокоилась; она сидела, выпрямившись, как в столбняке. Я обливался пòтом, но старательно вел машину в сторону поселка. Избегать толчков, держаться правой стороны — это занимало все мое внимание и волю. Вдруг я услышал громкий стон и обернулся на мгновение. Мой малый снял с раненого брюки и исподнее и при свете факела накладывал повязки. Женщина не решалась посмотреть туда. Вдруг она стиснула мою руку.

— Скорее! Ради бога, скорее!

— Да, нажми немного,— отозвался верзила.— Если нажать, она дает двадцать пять миль.

Потом я услышал бульканье и новый стон. «Он дал раненому глотнуть водки»,— подумал я.

Стоны становились громче, мой лекарь продолжал накладывать повязки. Мы обогнули какие-то холмы, и вдали замелькали слабые огоньки поселка. Я снова обернулся назад... Верзила — помоги мне боже! — втирал свое снадобье в ноги и бока раненого.

— Давай сюда коврик! — крикнул он.— Там есть еще один — скатанный. Давай и его!

Я с трудом выполнил это распоряжение. Когда мы доехали до окраины поселка, я не мог удержаться и опять бросил взгляд назад. Верзила теперь укутывал ноги пациента в коврик. Потом он, кажется, снял с него остальную одежду, набросил на него свой пиджак и...— нет сомнения! — принялся яростно растирать своим лекарством руки и шею раненого. Наконец, он влил в рот больному еще глоток водки, потом снова продолжал растирание. Женщина показала мне дом врача, и я затормозил у входной двери.

— Ступайте, позовите доктора, миссис,— сказал мой парень.

Фермерша взбежала на крыльцо. Мы вдвоем подняли раненого на руки. Вышедший навстречу врач велел нести его прямо в операционную, там мы положили неподвижное тело на высокий стол. Жена фермера была в полуобмороке, какая-то женщина занялась ею.

Врач тут же выпроводил нас из операционной. Только теперь я заметил, что верзила мой был весь измазан кровью и дрожал, как осиновый лист, в своей полотняной рубашке. Мы молча уселись в прихожей. Прошло бесконечно много времени, или так нам показалось. Потом в дверях появился врач. Фермерша бросилась к нему.

— Как он, доктор? Он не умрет? Он...

— Думаю, что все обойдется,— сказал врач.— Повреждения тяжелые, но, мне кажется, он выкарабкается из беды благополучно. Кто-то остановил кровотечение, снял с раненого мокрую одежду и предотвратил опасное охлаждение тела. Этот человек спас жизнь вашему мужу.

Жена фермера бросила благодарный взгляд на моего сурового спутника, но не успела сказать ни слова: он поспешно выскочил за дверь.

Когда мы усаживались в машину, он сказал:

— Ты слышал? Доктор говорит, я спас ему жизнь. Я-то хорошо знал: раз кровь остановлена, остается одно — тепло против холода.

Я молчал. Запуская мотор, он добавил:

— Мне придется завернуть в гостиницу, переодеться в сухое. А потом отвезу тебя в город. Не миновать мне простуды, но это ничего. В бутылке еще осталось немного моего лекарства.

В конце концов мы добрались до города. Все это было много лет назад, я больше не встречал странного моего спутника. Но часто я невольно вспоминаю о нем, об этом простом человеке, которому, по всей справедливости, следовало бы быть врачом, а не уборщиком при гостинице.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

В патрульном полете.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. ТЮФЯКОВА.

Уже третий час самолет патрулирует над лесными чащобами Урала. Внимательно всматривается вниз летчик-наблюдатель Георгий Васильевич Чубаров. Возможно, что и сегодня, как и вчера и уже несколько дней, в лесу все будет в порядке. Но определен, как здесь говорят, высокий класс пожарной опасности, и патрульный полет обязателен.

И вот вдали — подозрительный белый дымок. Он стелется низко над лесом. Курс на дымок, и вскоре все становится ясным. Горит сухая лесная подстилка. Надо действовать...

Почти шестьдесят миллионов гектаров лесных массивов Урала и Сибири охраняет от огня Уральская авиационная база Министерства сельского хозяйства СССР. Не проходит и дня, чтобы из ее отделений, расположенных в Тюмени, Свердловске, Тобольске, Кургане и во многих других населенных пунктах, не подымались патрульные самолеты с пожарными-парашютистами. Квадрат за квадратом «прочесывают» они с воздуха.

Дым над тайгой — сигнал большой опасности. Сбрасываются предупреждающие вымпелы в ближайшие от места пожара поселки. Воздушным пожарным приходится приложить немало труда и проявить подлинное мужество, чтобы справиться с огненной стихией.

Скупые строки оперативного донесения отмечают умелые действия парашютистов Ярковского отделения Валентина Трофимова, Георгия Дмитриева, Евгения Сырьева и их товарищей.

В таежных лесах Карбанского лесничества возник пожар. Как обычно, он начался с того, что загорелась лесная подстилка. Сильный, доходивший до восьми метров в секунду ветер гнал огонь все дальше. Пожар быстро превратился в верховой, распространился по густому сосновому молодняку. Запылали кроны деревьев. Пламя захватило уже больше двадцати гектаров леса, все расширялось и угрожало большими бедствиями. Бороться с ним с помощью ранцевых огнетушителей бесполезно. Решено было применить взрывчатку.

Парашютисты один за другим покинули самолет и приземлились на небольшом болоте, невдалеке от места пожара. Сюда же были сброшены ящики с взрывчаткой. На пути приближающегося огня парашютисты проложили минированную полосу. И когда пожар приблизился к цепи зарядов на 7—8 метров, парашютисты подожгли огнепроводные шнуры. Загремевшие одновременно тридцать взрывов слились в сплошной грохот. Тонны земли подняло в воздух. Сильной взрывной волной было сбито пламя, а землей присыпана горевшая лесная подстилка. Путь огню прегражден.

На следующий день, совершая патрульный облет, наблюдатели не обнаружили дыма. Пожар был полностью ликвидирован.

Дым над лесом не всегда означает пожар. Нередко он выдает нарушителей пожарной безопасности: кто-то в лесу неосторожно зажег костер, на лесосеках заготовители сжигают порубочные остатки. И тогда словно небесный часовой вырастает возле костра спустившийся с самолета парашютист, составляется акт, и нарушители вынуждены платить штраф.

Немало прыжков в погоне за нарушителями пожарной безопасности совершили парашютисты Уральской базы. И это принесло свою пользу: меньше пришлось тушить лесных пожаров.

Воздушные хранители леса ведут также лесопатологическую разведку — наблюдение за санитарным состоянием лесов. Лесной вредитель иногда бывает не менее опасен, чем лесной пожар. Опытные воздушные наблюдатели по едва заметным признакам: изреженности кроны, изменению окраски деревьев — обнаруживают вредителей. Тогда парашютисты высаживаются вблизи зараженного места и берут пробу. Вот возвратились на базу из очередного рейса парашютисты Александр Володин и Александр Коровин. По указанию летчика-наблюдателя А. Березовской они высадились на подозрительный участок и теперь, с трудом выбравшись из глухой чащи Ялуторовского лесхоза, доставили на базу несколько изъеденных веток. Анализ показал, что на них опасные вредители — шелкопряд-монашенка и листовертка. Чтобы спасти лес, применили воздушное опыление специальными химикатами.

Дружный, сплоченный коллектив трудится на Уральской базе авиационной охраны лесов. Уже более десяти лет работают здесь лесными летчиками-наблюдателями супруги Анастасия Гавриловна и Виктор Викторович Березовские. Пять тысяч часов, свыше шестисот тысяч километров налетали они вдвоем над лесами Урала и Сибири. На счету каждого из супругов более тысячи обнаруженных и локализованных лесных пожаров. Недавно Виктор Березовский заочно окончил лесотехнический институт и получил диплом инженера.

Рядовыми парашютистами пришли на базу после увольнения из армии Василий Бугаев и Георгий Ковалев. Здесь они закончили десятилетку, затем учились на курсах летчиков-наблюдателей. Теперь оба — опытные лесные летчики-наблюдатели.

Большинство пожарных-парашютистов проходили службу в воздушно-десантных частях Советской Армии и после увольнения полюбившееся им парашютное дело сделали своей профессией.

Но совсем иным путем стала пожарным-парашютистом хрупкая на вид девушка, с которой мы познакомились в Свердловском аэропорте перед ее очередным патрульным полетом. Путь этот начался с истории, которая произошла более двух лет назад в далеком Забайкалье. Девятнадцатилетняя Лиза Тупикова с интересом следила, как с самолета одна за другой отделялись фигуры парашютистов. Они снижались к месту возникшего невдалеке лесного пожара. Вдруг внезапный порыв сильного ветра подхватил парашютистов и увлек в сторону Байкала. Одного из них понесло над озером, и он вынужден был спуститься в воду в двухстах метрах от берега. Запутавшись в стропах и не сумев освободиться от подвесной системы, он начал тонуть. Лиза не раздумывала ни секунды. Схватив нож, она бросилась в ледяную воду. Отличный пловец, Тупикова в одежде быстро добралась до тонувшего человека. Несколько раз ей приходилось нырять глубоко под воду, чтобы обрезать стропы и подвесную систему парашюта. Затем, подхватив потерявшего сознание парашютиста, напрягая все силы, она поплыла с ним к берегу. Так Лиза Тупикова спасла жизнь Анатолию Охапкину.

Лизу наградили ценным подарком, денежной премией, почетной грамотой. О ее замечательном подвиге писали в газетах. Тогда же девушку пригласили на авиационную базу. Лизу очень заинтересовала работа пожарных-парашютистов, и она решила овладеть этой профессией. Вскоре она поступила на курсы парашютистов и полтора года назад совершила свой первый прыжок. Теперь на ее счету уже 34 прыжка с патрульных самолетов на тушение пожаров.

...— Елизавета Охапкина, к самолету! — раздалась команда инструктора.

Оказывается, за последние два с половиной года Лиза переменила не только специальность (она была продавщицей в магазине), но и фамилию. Товарищи по работе любят пошутить: Лиза, мол, себе мужа со дна Байкала достала...

Сигнал, и в патрульный облет лесов поднялся очередной самолет. На его борту люди необычной и отважной профессии — пожарные-парашютисты. Они зорко охраняют лесные богатства страны.

Лиза Охапкина.

АВТОМОБИЛЬ-ВЕЗДЕХОД

Автомобиль пробирался сквозь чащу леса, преодолевая крутые подъемы и спуски. Путь становился все трудней и трудней. Появилось топкое торфяное болото. Но автомобиль упрямо двигался и по этой трясине. Он спустился в лощину. Здесь болото залито водой, словно настоящее озеро. Машина вошла в воду и... поплыла.

Так работает новый автомобиль-вездеход «ГАЗ-47» — один из необходимых участников экспедиции в Антарктиде.

Эта машина внешне больше похожа не на автомобиль, а на танк. У нее нет обычных колес. Их заменили широкие гусеницы с опорными катками, создающими большой дорожный просвет в 400 миллиметров. Поэтому она и стала «вездеходом».

Для плавания по воде металлический корпус ее сделан герметичным, а двери окантованы резиновыми прокладками. Форма и объем корпуса подобраны так, что машина имеет нужное водоизмещение, чтобы удержаться на воде. Но не гребной винт, как у обычной амфибии, заставляет этот автомобиль плавать. Верхняя ветвь гусеницы сгребает воду вперед, она ударяется о щиток и создает тяговую силу. Нижняя ветвь гусеницы отгребает воду назад.

Металлический кузов покрыт тентом с мягкой специальной подкладкой, надежно защищающей от любого ветра и дождя. Вдоль стен устроены откидные сиденья. Комфортабельна двухместная кабина. Весьма удобно размещены рычаги управления. Внутри машины всегда тепло: для поддержания необходимой температуры имеется отопитель.

Автомобилю-вездеходу приходится передвигаться в трудных условиях бездорожья. Он снабжен топором, лопатой, ломом, двуручной пилой, багром и металлическим тросом с крюком для буксировки. Все это снаряжение укреплено скобами снаружи машины, по ее бокам.

Машина-вездеход будет особенно ценным транспортом для работы в суровых условиях Сибири.

А. СМИРНЯГИНА

Фото Р. Лихач.

СОТКАННЫЕ ИЗ ГАЗА...

Георгий **БЛОК**

Природа наградила нас очень скудным и дорогим ассортиментом естественных волокон. Шелк, шерсть, хлопок, лен — вот, в основном, пожалуй, и все. Эти материалы не способны удовлетворить растущие разнообразные потребности современной техники.

Человек вынужден был мириться с этим, пока не накопил солидные познания о строении вещества, пока не возникла надобность в волокнах с необычайными, не существующими в природе свойствами. Ему пришлось искать методы, как дополнить и расширить более чем скромный натуральный набор, найти неожиданные источники сырья.

На первых порах человек выступал в роли подражателя, копировал интересные образцы, подмеченные в природе. Так родились вискозный шелк и другие виды искусственного волокна из древесины; пластические массы — заменители кожи, кости, металла — из битума, шеллака и иных смол; шерсть из сои, молока; спирт из картофеля, а из спирта — каучук.

Именно с каучуком приключилась знаменательная история. В печати приводились высказывания иностранных ученых о том, что советскому искусственному каучуку никогда не дотянуться по качеству до уровня натурального, собранного в тропиках. Заметим, что до того они так же запальчиво предрекали неудачу попыток вырабатывать его в промышленных масштабах. Предсказание не оправдалось: СК — синтетический каучук — наши заводы производят в большом количестве. Тогда под напором фактов скептики поторопились занять новые позиции, но действительность опровергла и эти домыслы. СК не хуже естественного. А теперь зарубежные ученые с жаром обсуждают вопрос и вовсе удивительный: как придать натуральному каучуку некоторые полезные свойства СК, коими тот не обладает, — например, СК не страшны лютые морозы, он почти не «стареет». Можно ли лучше воздать хвалу химикам?!

Угасает древняя слава тутового шелкопряда, поставщика чудесного волокна. Гусеница — привереда, она отнимает уйму времени на выведение, кормление свежими листьями, прежде чем скрутит себе саркофаг-кокон. А он весит всего полграмма.

Подражая шелкопряду, инженеры сконструировали машины, которые пожирают размолотые чурки, готовят искусственное волокно. Один кубометр еловых бревен дает столько же продукции, сколько триста двадцать тысяч коконов. Одна фабрика выпускает больше волокна, чем несколько крупных плантаций шелкопряда.

Производство одного килограмма искусственной пряжи требует в двадцать пять раз меньше затрат труда. А качество, скажем, ацетатного шелка значительно выше натурального. Понятно, почему мировое производство искусственного волокна достигло двух с половиной миллионов тонн, миллиардов метров ткани. Это несоизмеримо больше того, что дают полчища малюток-червей.

Искусственные материалы нуждаются в горах исходного сырья, например, картофеля, гороха. Может быть, это единственный выход? Ничего подобного, утверждают химики. Есть другое сырье, и запасы его велики. Самое важное — стоит оно дешево. Речь идет о каменном угле, нефти, природных и промышленных газах. Они-то и таят в себе неограниченные химические возможности. Надо только уметь разумно изменять строение вещества, без иголок и ниток «сшивать» мелкие молекулы в громадные.

Молекулы-гиганты отличаются совершенно новыми качествами, подобно тому, как многоэтажное здание не походит на кирпичи, из которых оно возведено.

Химические превращения позволили получать множество видов пластических масс с заранее заданными особенностями — каучук, волокно, прочные пленки, высококачественные лаки, краски, клей, ароматические вещества. Они превосходят старые искусственные материалы, полученные из пищевых продуктов. В это с трудом веришь, но факты — снова они! — сломили упорство закоренелых скептиков. Характерно: ученые ведут жаркие споры, сохранится ли в будущем овца как поставщик шерсти. И в том заслуга химиков.

Вот почему в Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану записано: полностью заменить пищевые продукты, идущие на технические цели, синтетическим сырьем, резко повысить использование природных и промышленных газов, отходов многих предприятий.

Вот почему в Директивах перечислены новые виды волокна, такие, как хлорин, анид, лавсан, нитрон. Их выпуск по сравнению с 1955 годом должен в 1960 году возрасти в пять раз.

В лаборатории Всесоюзного института искусственного волокна в городе Мытищи внимание посетителей привлекает небольшая бобина с намотанной на нее серебристо-белой нитью. Ее сделали из смолы нитрон. Нить красива, приятна на ощупь, шелковиста, тонка и упруга.

Прочна ли она? Очень, хотя кажется, рвани ее — и она моментально разорвется. Однако впечатление это обманчиво. Если сплести из этой нити тоненькую цепочку, то даже силачу ее разорвать было бы не под силу.

Кому не приходилось изумляться тонине и крепости паутинки? Века она представлялась ткачу недосягаемой мечтой. А ведь нитрон и другие новые волокна по прочности — просто геркулесы против паутинки.

Рождению синтетических, или, как теперь говорят, химических, волокон предшествовали длительные исследования. Победа долго не давалась в руки. Вся проблема — создание различных кислот, смол, волокна, технологического процесса производства — реша-

лась комплексно. Новые материалы — плод творческого взаимодействия сотрудников Института искусственного волокна, Института элементоорганических соединений Академии наук СССР, Института азота с работниками химической и текстильной промышленности. Содружество теории и практики принесло немалые результаты.

Исходное сырье нитрона и хлорина — промышленные газы, побочные продукты крекинга нефти: нитрона — ацетилен, что пылает голубым факелом при сварке металлов; раньше его использовали для освещения; хлорина — этилен, иногда называемый газом созревания плодов. Если им окуривать зеленые яблоки и груши, лимоны и апельсины, они быстро приобретают необходимую спелость и сладость.

Давнее выражение «соткан из невидимых газов» благодаря настойчивости химиков и технологов обернулось истиной. Конечно, это не значит, что ткацкие станки заправляются баллонами с газом и сразу из него ткут пестрые ткани. До того, как газы станут волокном и попадут на текстильную фабрику, они пройдут ряд «волшебных» превращений.

Ацетилен взаимодействует с синильной кислотой в присутствии катализатора — вещества, которое играет роль швейной машинки: оно воедино и прочно «сшивает» молекулы. При этом образуется акрилонитрил — основа нитроновой смолы. Процесс совершается в особом реакторе при определенном давлении и температуре. Вещество словно сгущается в белый порошок, напоминающий зубной. Это смола полиакрилонитрил.

В экспериментальном цехе института смолу преображают в тончайшие нити. Из бака, куда налит раствор смолы, она устремляется к металлическим фильерам, густейшим ситечкам, продавливается сквозь них и бесконечными нитями выползает наружу. Нити окунаются в ванну, где находится жидкость, вытягиваются. В этот момент прекращается беспорядок среди молекул. Словно повинуясь неслышной команде, они выстраиваются ровными рядами, ориентируются вдоль оси нити, тем самым увеличивая ее прочность.

Затем волокно попадает в своеобразный овальный «утюг», где продолжает вытягиваться, подсушиваться. Тут же его замасливают поверхностноактивными веществами. Последний шаг — гофрировка, завивка и резка на заданную длину. Так получают штапельное волокно. Его как обычно прядут и превращают в ткани.

Примерно столь же сложный путь проходит, прежде чем стать хлорином, и другой газ — этилен.

Есть еще два синтетических волокна — анид и лавсан. Несколько лет назад за границей появилось новое химическое волокно с замечательными свойствами — найлон. Но и сегодня, когда оно широко распространено и не только завоевало прочные позиции на мировом рынке, но зачастую вытесняет самые прославленные материалы, неизвестно, как его делают, каким химическим реакциям подвергают сырье, чтобы изготовить пластические массы и волокно. Сие — секрет фирмы, не предназначенный для обозрения.

Советским химикам пришлось пойти своим путем. Не было недостатка ни в трудностях, ни в неудачах. Долго не давался, например, подбор катализатора. Образно говоря, одной и той же «машинкой» не скрепить молекул нитрона и аналога найлона — анида, у каждого «машинка» собственной конструкции, свои воображаемые иголки и нитки.

Исходное сырье анида — производные каменного угля и нефти — есть в изобилии. Составные части этих веществ в виде порошка загружаются в реактор, где царит высокая температура. Здесь при большом давлении и вакууме порошок в присутствии катализатора преображается в густую, вязкую смолу. Застывая, она становится узкой твердой лентой цвета слоновой кости. На дробилке эту ленту крошат, измельчают. Потом снова знакомые нам фильеры, пройдя через которые растопленное крошево приобретает облик тончайших нитей. Их судьба — прядильная и ткацкая фабрики.

Лавсан — четвертое юное соединение — не похож по своей структуре на синтетический материал анид. Его элементарное звено не вытянуто цепочкой, как у анида, а представляет собой кольцо из шести атомов углерода, в котором нет азота. Такое строение определяет и другие свойства лавсана, например, его шерстистость. Анид же шелковист.

Каждое новое начинание имеет своих сторонников, имеет, к сожалению, и противников. Нашлись такие и у лавсана, волокна, аналогичного иностранной «химической шерсти» — терилену. Одни надменно его игнорировали, другие заявляли, что в нашей стране нет солидной базы терефталевой кислоты — исходного сырья.

Хотите знать, откуда добывают эту кислоту? Тоже из продуктов переработки каменного угля и нефти, запасы которых, как известно, велики. Однако на первых порах кислоту приходилось делать собственноручно, силами лабораторий.

Люди не щадили сил, изобретательности. Волокно получалось плохим, и химики в содружестве с технологами перебрали все звенья сложного процесса производства, чтобы закончить и передать его промышленности, точно так же, как и хлорин, анид, нитрон.

Если эти синтетические волокна имеют за пределами нашей страны себе подобных — разница в названии и методах изготовления, — то есть новое волокно, чисто отечественного происхождения. Его имя — энант.

Вот из шкафа лаборатории Института элементоорганических соединений Академии наук СССР достают несколько склянок. Внутри каждой прозрачная жидкость, и не будь на стекле этикеток с химическими формулами, их легко было бы спутать. В одной склянке метан — болотный газ, соединенный с хлором, — или, как скажет химик, тетрахлорметан. Это — старинное соединение, известное по меньшей мере сто лет.

Зато способность этой жидкости вступать в соединение с этиленом открыта сравнительно недавно. Раньше считалось немыслимым соединить эти вещества, они упорно сохраняли самостоятельность. Все изменилось, когда был найден катализатор, благодаря которому воедино слепляется около десяти мелких молекул этилена с одной молекулой тетрахлорметана, образуя крупную молекулу.

Происходит это в реакторе при большом давлении и температуре лабораторной водяной бани (70—80 градусов). Новое соединение попрежнему остается прозрачной жидкостью, словно оно ничего не испытало. Теперь у нее другое название — тетрахлоралкан.

В свою очередь, ее подвергают воздействию серной кислоты и нашатырного спирта. Жидкость как бы сгущается в белый рассыпчатый порошок. Это аминоэнантовая кислота. Ее расплавляют, а когда она остынет, на дне сосуда появляется твердая роговидная смола, похожая на перламутр. Затем ее нагревают и продавливают сквозь фильеры. Тончайшие нити на ходу остывают и наматываются на бобину. Волокно готово.

Химические материалы универсальны. Они по многим показателям оставляют позади естественные, особенно в технике. Значит ли это, что натуральные и искусственные волокна старого типа отжили свой век? Отнюдь нет. Каждому найдется приложение, у каждого свое место, свое будущее.

Так, например, хлопок еще долго сохранит свою первенствующую роль. В прошлом году его производство на земном шаре перевалило за семь с половиной миллионов тонн. Впрочем, химики и его берут под свое покровительство, поправляют ошибки, допущенные природой. Значительная часть хлопка претерпит «омоложение»: его преобразят в вискозу, в шелк...

Знаете ли вы, что такое разрывные километры? Это длина, при которой волокно разрывается под собственной тяжестью. Измеряется она в километрах. Стальную проволоку можно подвесить на высоте в десять километров до того, как она лопнет, а инструментальную — почти вдвое выше.

Ну, а какой длины достигнет пятерка новых волокон без боязни разрыва? Километров десяти? Намного выше, смело умножайте эту цифру. Нити выдержат, если прикрепить их где-нибудь в стратосфере, на высоте в среднем семидесяти километров.

Веревка, скрученная, скажем, из анида, крепче стального троса равной толщины и раз в десять легче его по весу. На такой веревке в палец толщиной можно поднять железнодорожный вагон, не волнуясь, что она лопнет.

Обычное волокно резко утрачивает свою прочность, если его намочить, — оно как бы размокает. Новые волокна почти так же крепки в воде, как и на воздухе, не боятся кислот, некоторые необычайно устойчивы к температуре и солнечному свету, их исконному разрушителю. Хлопок, натуральный шелк не любят, когда их изгибают. Пятнадцать тысяч изгибов — их предел. Шерсть обладает этим качеством в несравненно большей степени, а химические волокна перешагнули и эту вершину.

Новое волокно многолико, оно подобно то шелку, то льну, то шерсти. Его можно сочетать с естественными, как угодно комбинировать. Делают из него отличные ткани, прочнее, тоньше и теплее шерстяных, красивее, нежнее, эластичнее шелковых, меха, не поражаемые молью, не впитывающие влагу. Сюда относятся различные сорта тканей и трикотажа для верхней одежды, белья.

Надо сказать, что в области производства химических волокон капиталистические страны, в первую очередь Соединенные Штаты и Англия, значительно опередили нас. Там из синтетической шерсти вяжут свитеры, кофты, шарфы, лыжные и купальные костюмы, зимние перчатки, чулки и носки. Такие изделия хорошо моются и не нуждаются в глажке: навсегда сохраняют однажды приданную форму. Шубы, манто, куртки из такого материала красивы, теплее натуральных, мало изнашиваются и стóят неизмеримо дешевле. То же можно сказать о толстых пушистых коврах: их нельзя истоптать. Рыболовные сети не впитывают влаги, не разбухают, не требуют просушки, не гниют, не залепляются липкой икрой.

Новые волокна помогут улучшить качество корда, материала, из которого делают приводные ремни, ленты транспортеров, скелеты резиновых шин. Такой корд лучше переносит ударную нагрузку, а следовательно, очень долговечен.

Не менее удивительны синтетические пленки, прозрачные, упругие, «презирающие» мороз и жару, выходящие сухими из воды, крепкие, как сталь. Эти пленки вытеснят из кино- и фотопромышленности древнюю целлулоидную. Кроме того, им присущи великолепные электроизоляционные свойства, благодаря чему они прокладывают себе дорогу в радиопромышленность.

Синтетическая смола — прекрасный материал для отливки разных ответственных деталей в радиоприемниках, телевизорах, точных измерительных приборах. Она хорошо поддается обработке на токарном, фрезерном и других станках.

Хлорин, лавсан, анид, нитрон и другие синтетические волокна открывают необозримые горизонты перед многими отраслями промышленности, в первую очередь перед легкой. Век разбуженного и покоряемого атома становится также веком многообразных волокон. Им принадлежит будущее.

Сотрудники Института искусственного волокна Г. М. Терехова и Б. В. Петухов исследуют синтетические волокна.

Фото М. Савина.

ЛЕТОПИСЬ МУЖЕСТВА И БОРЬБЫ

И. АГРАНОВСКИЙ, А. СТАРКОВ

«Доктор Антонина» и ее подруги

В тишайшем из уголков Ленинграда, в старом фабричного типа доме, выходящем на набережную реки Пряжки, чьи берега заросли травой, и в переулок со странным названием Упраздненный, живет врач Никифорова. Она живет в этом доме без малого сорок лет, и здешние старожилы помнят Антонину Александровну девочкой-школьницей, затем студенткой-медичкой, затем военным врачом третьего ранга, уходящим на фронт... Ее знают в доме как милую, приветливую соседку. А коллегам по Боткинской больнице она известна как скромный, трудолюбивый врач-анатом. Но ведомо ли и тем и другим, что стоит только их соседке и сослуживице постучать в двери многих квартир Парижа, Праги, Брюсселя, Варшавы, Амстердама, Берлина, Белграда и на вопрос «Кто там?» ответить «Доктор Антонина», как двери эти тотчас же распахнутся и навстречу ей протянутся дружеские руки. Руки тех, кто вместе с ней томился в концлагере Равенсбрюк, куда гитлеровцы сгоняли женщин со всей Европы и который был назван «адом для женщин». К ней протянутся руки тех, кого она врачевала в лазарете — ревире, с кем делилась пайком, койкой, кого прятала от глаз эсэсовцев, кому спасла жизнь. Руки тех, кто сразу после освобождения лагеря советскими солдатами избрал ее не на собрании, не на митинге, а негласно, стихийно «летописцем» Равенсбрюка. Летописцем, который должен поведать миру о гибели тысяч, о муках, принятых узницами двадцати двух национальностей, о великом братстве, рожденном в лагере смерти.

Этому будущему летописцу, советской женщине, врачу, ее подруги и товарки приносили свои воспоминания, которые на ходу, в спешке, в сборах к отъезду отстукивались на машинках, писались огрызком карандаша на клочке бумаги, диктовались приятельнице, лучше владевшей пером. Приносили записные книжки, фотографии, списки жертв, письма, стихи, — словом, самые разнообразные человеческие документы, которые должны были подтвердить эту летопись мужества и борьбы.

И теперь, сидя у себя в комнате за письменным столом, работая над книгой о Равенсбрюке, перебирая свой архив, Антонина Александровна словно бы беседует с подругами.

Говорит со славной Апрошей, как она называла Ефросинью Сергеевну Цепенникову, вместе с которой прошла через лагери военнопленных под Вильнюсом и в Холме, через Майданек и Равенсбрюк. В Майданеке у них, перед тем как выдать им тюремную одежду и номер, отбирали все до гребенки. Апроша сидела в предбаннике, судорожно сжимая в кулаке самое дорогое, что осталось в жизни, — фотографию дочурки, боясь, что и это отберут. И в этот момент Антонина Александровна шепнула: «Подними незаметно ногу», — схватила две ленточки медицинского пластыря и быстро прилепила ими карточку к апрошиной ступне, к подошве. Ефросинья Сергеевна пронесла фотографию через баню. Пронесла и сохранила до возвращения из Равенсбрюка домой. Она сейчас в Барнауле, работает старшей сестрой в родильном доме. А дочка у нее врач.

Говорит Антонина Александровна и с незримо присутствующей в комнате пани Казимирой из Варшавы. Ее бросили в лагерь за то, что трое ее сыновей были «хлопцами з лясу» — партизанами. Она была так измучена в лагере, так слаба, что после освобождения не могла сразу уехать в Варшаву и оставалась в советском госпитале у Антонины Александровны. Как-то она вошла в комнату к Никифоровой с молоденьким бравым военным. Вошла и сразу сказала ему: «Целуй пани ручку. Она моя спасительница...» Это был ее сын, вошедший в Германию с нашими войсками и искавший мать по лагерям.

...На столе бесценный архив. Мы просматриваем его.

Вот самодельный блокнотик в цветистой ситцевой обложке, которая не поблекла от времени. Здесь расписывались, оставляя свои адреса на память, подруги Антонины Александровны, когда после освобождения покидали Равенсбрюк. На первой страничке мелко-мелко расписалась Марта Пауке, немецкая коммунистка из Либенвальда. Тут же размашистая роспись голландки Норы Вальтер. Острым заборчиком расставила буквы чешка Зденка Недведова — дочь профессора-коммуниста Зденека Неедлы и вдова погибшего в Освенциме Милоша Недведа, о котором Юлиус Фучик писал в своем предсмертном репортаже: «Прекрасный, благородный товарищ...» Расписалась Люсьена Вандермотт, бельгийка, Анна Хорват, студентка из Белграда. Итальянка графиня Карла Феретти ди Кастелло тоже расписалась. Графиня, чем-то не потрафившая фашистам и угодившая в лагерь, была сестрой в ревире. Второй сестрой была Анечка Федченко из Донбасса.

Вот переписанные рукой француженки Аделаиды ноты и текст песни, которую заключенные пели тайком: «Нам кажется, что мы живем в клетке посреди пустыни...»

В конверте фотографии, много фотографий, найденных в нарядных «пряничных домиках», в которых жили гестаповцы, надзирательницы, эсэсовские врачи и сестры. Вот вполне идиллическая картинка: счастливый отец семейства, окруженный детьми, украшает елку. Это палач Рандорф, шеф гестапо. Или мирно прогуливающаяся в парке обер-швестер Елизавета Маршалл, старушка с внешностью милой бонны и с душой пантеры. Или средних лет мужчина благопристойной наружности, сидящий в кругу веселой компании за ужином, — доктор Гармс, который рыскал среди трупов в морге в поисках золотых зубов.

И вслед за этими снимками возьмите в руки потрясающий человеческий документ, хранящийся в одной из папок. На глянцевитой бумаге красными чернилами 73 фамилии. Это список «кроликов». Так называли в лагере несчастных женщин, в большинстве своем полек, которых немецкие хирурги-изверги подвергали в «экспериментальных» целях ужасным операциям. Список «кроликов» составила и передала Антонине Александровне варшавянка Христина Иваньска, сама перенесшая подобную операцию и оставшаяся инвалидом. Она составила и список врачей-«экспериментаторов». Их фамилии — Розенталь, Фишер, Герда Оберхаузер. Фамилия Оберхаузер промелькнула недавно в печати. Приговоренная к двадцати годам тюрьмы, она теперь освобождена боннскими властями, видимо, за «недостаточностью» вины...

В отдельной папке воспоминания бывших узниц Равенсбрюка. Здесь рукописи немецкой коммунистки Эрики Бухман, француженки Мари-Клод Вайян-Кутюрье, польки Изы Сицинской, чешки Леа Броннер, русской Любови Конниковой.

Люба была врачом, ее взяли в плен на поле боя. В Равенсбрюке она отказалась работать на военном заводе, была избита и угодила в камеру штрафников, откуда бежала.

В записи Любы есть такие слова: «В моем побеге основную роль сыграла Антонина Александровна Никифорова».

Воспоминания были написаны Любой второпях, перед отъездом из лагеря на родину. Люба так спешила, что забыла указать свой адрес. Никифорова кинулась ее искать, но Конникова уже уехала домой, и следы ее затерялись.

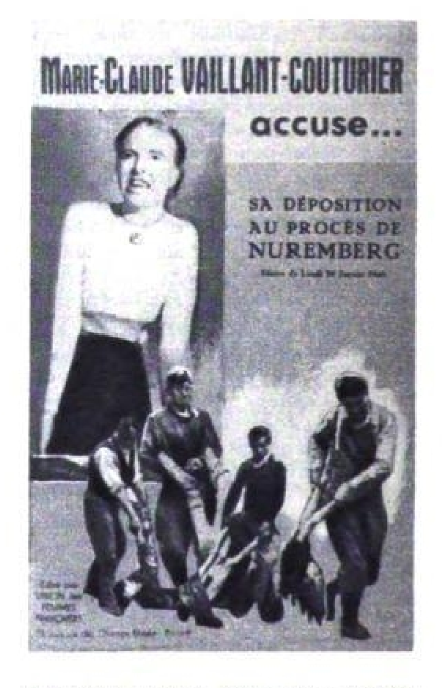
Где вы сейчас, товарищ Конникова? У Антонины Александровны хранятся ваши записи. И она будет рада, если вы, увидев эти строки, откликнетесь, подадите о себе весточку...

Немецкие коммунистки

— Немецкие коммунистки, — говорит нам Никифорова, — томились в Равенсбрюке с середины тридцатых годов, когда Гитлер громил компартию. Собственно, для них и был создан этот лагерь в восьмидесяти километрах от Берлина. Их руками строились тут бараки, земля засыпалась шлаком, возводились высокие каменные стены, которые пришлось потом трижды разбирать, отодвигая их дальше и дальше... Ряды коммунисток сильно поредели за годы заточения. Их прибыло сюда несколько сот, а остались десятки... Головы уцелевших были белы. Сквозь годы пронесли они свои идеалы, ни в чем не уступив. И здесь, в лагере, продолжали они бороться. Это от них узнавали мы правду о положении на фронте. Это они, будучи писарями, бельевщицами, раздатчицами на кухне, использовали малейшую возможность, чтобы помочь людям.

Антонина Александровна знала многих из них. Ей часто приходилось бывать в ревирной канцелярии. Сидевшие там немки-писари пробовали заговаривать с ней. Но Никифоровой трудно было поддерживать разговор. Запас немецких слов был недостаточен. Да и те, что знала, она произносила так, что писари невольно улыбались. И однажды высокая темноволосая немка перехватила Антонину Александровну у выхода из канцелярии, быстро сунула что-то в руку, шепнув: «Советскому врачу от коммунисток Германии». Это был немецко-русский словарь. Он очень пригодился Никифоровой.

Антонина Александровна помнит Марту Пауке, которая первой расписалась в ее ситцевом блокнотике, Марту-бельевщицу,

Обложка книги Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

Эту фотографию Мари-Клод Вайян-Кутюрье прислала А. А. Никифоровой с надписью: «Дорогой Антонине. В память нашей дружбы».

которая так вела свое хозяйство, что и перед старшей сестрой-эсэсовкой ухитрялась отчитываться в полном ажуре и постоянно имела резерв теплых вещей для тайного снабжения больных женщин.

Помнит Эрику Бухман, коммунистку. Она была старшей по десятому, туберкулезному блоку, жила вместе с чахоточными и самозабвенно ухаживала за ними. Дочь крупного юриста, она не побоялась порвать в молодости с семьей, сменить уют богатой квартиры на жизнь подпольщицы. Эрика мечтала о том часе, когда сможет вернуться к кипучей революционной работе. А пришел этот час, распахнулись ворота лагеря, и Эрика призналась Никифоровой, что немножко побаивается новой жизни. Тревожат ее сомнения, сможет ли она найти свое место в новых условиях, не растеряла ли за годы заключения качеств, необходимых пролетарскому бойцу... А потом, уже в Ленинграде, Антонина Александровна прочла в газете о выступлении на митинге коммунистки Бухман. И вскоре же промелькнула заметка о налете полиции на квартиру видной деятельницы германской компартии Эрики Бухман, о допросе и обыске, учиненных в стиле гестапо. Нет, не растерялась Эрика, нашла свое место в строю.

Помнит Никифорова и появление Розы Тельман в лагере. Слух об этом распространился с утра. А вечером в барак вошла маленькая женщина лет сорока со светлыми рыжеватыми волосами. И тут же к ней бросились со всех сторон военнопленные и «политические», подошли, прихрамывая, «кролики». Ее окружили, вручили букет осенних астр, который тайком нарвали с клумбы у эсэсовцев. На столе — угощение: хлеб, намазанный «мармеладом» из тертой свеклы, и чашка кофе — тоже из свеклы, но пережженной. А в глубине готовили постель, освободив для нее самую удобную койку. Притащили теплое одеяло, мягкую подушку, чистые простыни и ночную рубашку, добытые не без помощи Марты-бельевщицы... Все были так увлечены, что не заметили, как вошла надзирательница. На другой день Тельман была переведена в группу «тяжело политических», общение с которыми строго запрещалось. Но многие, и среди них Антонина Александровна, ухитрялись хоть немножко, а поговорить с Тельман то во время ее получасовой прогулки по двору, то у раскрытого окна, возле которого она лежала, когда была больна. Ей смогли передать, что ее дочь Ирма находится здесь же, в Равенсбрюке, в пятистах шагах от матери. Но встретиться в лагере им не удалось: Ирму отправили работать на завод. О гибели мужа в Бухенвальде Роза узнала от эсэсовцев: об этом они, конечно же, поспешили сообщить ей. Маленькая женщина держалась мужественно. Ей помогало молчаливое сочувствие сотен женщин, которые хотя и говорили с ней на незнакомых языках, но были ее сестрами.

«Доктор Антонина», читая о событиях в Западной Германии, о попытках разгромить там компартию, вспоминала многих своих немецких подруг. Никифорова знает, что они и в эту трудную пору сохранят стойкость и твердую волю, которые пронесли нерушимыми через все годы заточения в Равенсбрюке.

Дочери Франции

В ревире Антонина Александровна познакомилась с двумя француженками: писарем Мари-Клод и медсестрой Николь. Следуя лагерной традиции, Никифорова не спрашивала ни ту, ни другую, за что они попали в Равенсбрюк. Обе, судя по красным нашивкам на рукаве, были «политические». Но Антонина Александровна догадывалась по некоторым признакам, по привычкам, по манере держаться, что Мари-Клод — бывалая подпольщица-коммунистка. И позже эта догадка подтвердилась. А вот Николь совсем не была похожа на «политическую». Крошечная, худенькая, как девочка, с большими темными локонами и нежным румянцем, она летала по ревиру то с тазом, то с градусником, и задорный ее голосок слышался в разных концах барака. За маленькие, острые, чуть выступающие вперед зубы ее называли ласково «мышонком». Трудно было представить «мышонка» в качестве революционного борца. А она как раз была им, и достаточно опытным. Николь — это ее подпольная кличка. Ее звали Люсьеной Мишо. Дочь казненного рабочего-коммуниста, она в свои двадцать лет имела уже за плечами немалый партийный стаж, подполье, тюрьму, концлагери...

У Никифоровой были еще знакомые француженки. И от одной из них она узнала, что в лагере живет дочь известного парижского издателя-либерала Вожеля и вдова редактора «Юманите», популярнейшего деятеля французской компартии Поля Вайян-Кутюрье, сама тоже коммунистка, активный работник партии.

Как-то, вернувшись с очередной переклички, Антонина Александровна и Мари-Клод согревались коричневой бурдой, именуемой «кофе». Антонина Александровна спросила: «Мари-Клод, вы не знаете жену Вайян-Кутюрье?» «Знаю,— сказала Мари-Клод.— Это я».

Знакомство постепенно перерастало в дружбу. Незаметно они перешли на «ты». Никифорова иногда называла француженку «Маша-Клаша», и той это очень нравилось. Разговоры за чашкой свекольного кофе, которым Никифорова постоянно делилась теперь с приятельницей, превращались в своеобразные взаимные уроки французского и русского языка. В них принимала участие и Николь. Мешая французские и русские слова, все трое научились легко понимать друг друга. Мари-Клод была прирожденная рассказчица, и можно было заслушаться, когда она говорила о Москве, куда неоднократно ездила с отцом и мужем и где еще ни разу не были ни ленинградка Антонина, ни парижанка Николь.

Мари-Клод по нескольку раз на день исчезала из ревира, чтобы навестить другие блоки. Возвращаясь, она частенько говорила Никифоровой: «Там есть одна знакомая женщина...» И Антонина Александровна уже знала, что какой-нибудь заключенной нужна помощь. Нужно раздобыть или хлеба, или белья, или лекарства. И «доктору Антонине» приходилось прибегать к своим связям. Она шла к Марте, говорила: «Марточка, милая, там есть...» «Одна женщина... — подхватывала бельевщица.— И что же ей нужно?» Или направлялась Никифорова к другой немецкой коммунистке, Мице-стряпухе. Или разыскивала кого-нибудь из заключенных, работающих в швейной мастерской. Слова об «одной женщине» были как бы паролем, на который откликались все добрые сердца. И Мари-Клод ликовала всякий раз, когда удавалось что-то «организовать» для «одной женщины». Она все время должна была кому-то помогать. Она и писарем-то устроилась в ревир лишь потому, что здесь полагалась лишняя тарелка супа и ее можно было отдавать тяжело больной француженке-коммунистке.

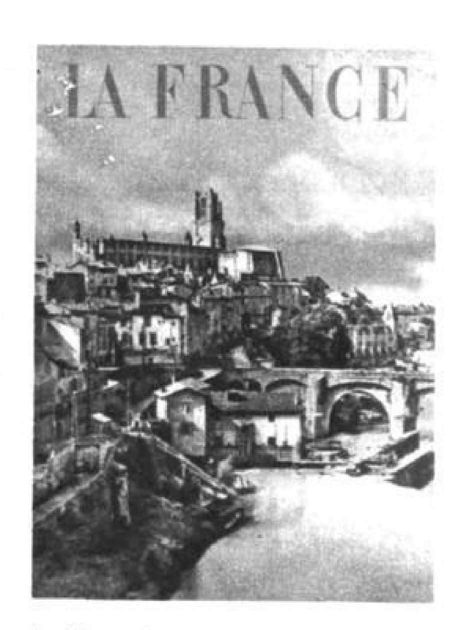
Но вот и сама Мари-Клод попала в беду: за ошибку в списках ее прогнали из писарей. И она лишилась ревирной привилегии, дополнительной тарелки супа, тем самым и вовсе его лишившись. Ведь одну свою порцию она относила подруге и продолжала это делать теперь, обрекая себя на голод. Узнав об этом, Антонина Александровна начала делиться обедом с Мари-Клод. Не работая в ревире, Мари-Клод все равно забегала сюда и утром, и днем, и вечером, принося новости из других блоков, где стала бывать еще чаще. Попрежнему она находила «одну женщину». Попрежнему она была полна забот о людях. И главное — спасти человека от газовой камеры. В последние месяцы существования лагеря эсэсовцы особенно бесновались. Они сотнями уничтожали заключенных, отравляя их газом в камере-душегубке. Жертвами ее едва не стали и Николь и Мари-Клод.

«Доктор Антонина» давно с тревогой поглядывала на «мышонка». Нежный румянец Николь стал что-то подозрительно ярок. Она часто нехорошо покашливает. Вдруг прибежала взволнованная, растерянная, показывает носовой платок. Он весь в крови. Сомневаться в диагнозе не приходилось. И Николь оказалась в туберкулезном блоке, у Эрики Бухман. Никифорова часто навещала «мышонка», хотя посторонним запрещалось входить в десятый блок. Но Эрика «не замечала» этих посещений. Как-то, идя к Николь, Антонина Александровна увидела газовую машину, подъехавшую к бараку. Из кабины выскочил эсэсовец. Никифорова бросилась к окну, у которого лежала Николь, тихонько стукнула в стекло и знаком показала француженке: одевайся. Та, сразу сообразив, накинула на себя платье, сунула ноги в башмаки, неслышно растворила окно и скользнула в объятия «доктора Антонины». На рукаве у Никифоровой была желтая ревирная повязка, которая давала ей право водить больных. И они благополучно добрались до лазарета. Наутро стало известно, что вчера в туберкулезном блоке гестаповцы забрали большую партию заключенных для очередной «заправки» газовой камеры. Эрика скрыла побег парижанки.

Николь обожали в ревире, и теперь все стремились укрыть ее от глаз сестер-эсэсовок. Николь нуждалась в усиленном питании, но не получала, как «мертвая душа», и обычного. А у больных она ничего не желала брать, зная, как они сами нуждаются в пище. И тогда Антонина Александровна, держа в руке миску, вышла ранним утром к дороге, по которой проходила на работу колонна заключенных. Вот приблизились француженки, и Никифорова, протянув миску, тихо проговорила: «Для Николь». На первый раз у проходивших, конечно, ничего не оказалось. А на другой день в миску положили печеную луковицу, несколько картошек, куски хлеба. На третий день миска была еще полней: прибавилась горстка фасоли. Так продолжалось день за днем, и вкладчиками в фонд Николь были не только француженки, но и шагавшие рядом с ними польки, голландки, бельгийки...

Снова попала в беду и Мари-Клод, и на этот раз в грозную беду. Возвращаясь однажды в свой тридцать второй блок, она еще издали увидела, что барак оцеплен эсэсовцами, стоят крытые машины и заключенных выводят во двор. Мари-Клод повернулась и медленно, чтобы не возбудить подозрений, пошла в сторону ревира. Когда она вошла туда, Никифорову поразила ее бледность. «Что с тобой?» — спросила она по-русски. «Ты знаешь, у меня все-таки есть какой-то маленький бог, — ответила Мари-Клод по-русски же. — Он... как это ты иногда говоришь?.. Он печется обо мне. Я только что ушла, кажется, от смерти...»

Мари-Клод не ошиблась. Весь

Альбом «Франция», присланный в подарок А. А. Никифоровой от Николь.

Антонина Александровна Никифорова.

Фото Я. Аврутина.

«тридцать второй» был уничтожен. Осталась лишь она одна, отныне «мертвая душа», вычеркнутая из списков, а значит, лишенная крова и пищи. Положение ее немного облегчалось тем, что к ней привыкли в ревире. Привыкли, что она проводит здесь почти весь день. И поэтому подозрений не возникло. Но где она коротала теперь ночи? Тут же в ревире... Вечером она прощалась с Никифоровой, с ее сожительницами по служебной комнате и уходила, громко топая деревянными башмаками. А потом, когда ревир умолкал, возвращалась босая, на цыпочках, и ныряла под одеяло к «доктору Антонине». Спали чутко, а полночи и вовсе не смежали глаз, перешептываясь. О чем они шептались? О времени, когда они скинут опостылевшие полосатые халаты и уже никогда-никогда в жизни не наденут платья в полоску, которое бы напоминало им их тюремное одеяние. О том, что нужно выжить и рассказать миру о пережитом... Перед рассветом Мари-Клод бесшумно исчезала из ревира, а с восходом солнца, продрогшая, являлась обратно. Так длилось три месяца — до самых последних дней лагеря.

...Мари-Клод Вайян-Кутюрье и Антонина Александровна Никифорова расставались, когда из бывшего лагеря разъехались уже почти все, кто мог двигаться. Никифорова была назначена главным врачом развернувшегося в Равенсбрюке советского военного госпиталя. А Мари-Клод задержалась в силу своей деятельной, кипучей натуры. Первые дни после освобождения, вспомнив, что была до войны фоторепортером, и раздобыв «лейку», она самозабвенно снимала, стараясь все зафиксировать на пленку. Снимала людей. Снимала бараки, штрафблоки, газовую камеру, крематорий. Потом участвовала в составлении актов о зверствах в лагере. Потом хлопотала об уезжающих, о транспорте для них, о питании в пути. Потом, улучив наконец свободный часок, засела за машинку и отпечатала через один интервал восемь страничек своих воспоминаний для летописи Равенсбрюка и вручила их Никифоровой...

И вот они, прощаясь, стоят друг против друга, молча, взявшись за руки, стоят минуту, другую, и наконец сдержанная в чувствах Мари-Клод стремительно притягивает к себе «доктора Антонину», прижимается к ней, целует и, так же стремительно повернувшись, быстро идет к поджидающей ее машине...

Бежит время... Одиннадцать лет они не виделись. Но не потеряли друг друга. Был, правда, момент, когда первые письма, посланные Мари-Клод на ленинградский адрес Никифоровой, не застали ее: Антонина Александровна уезжала к родным в Сибирь и работала там в сельской больнице. Но через Антифашистский комитет советских женщин Мари-Клод Вайян-Кутюрье, ставшая генеральным секретарем Международной демократической федерации женщин, разыскала свою подругу, и переписка наладилась. Стиль у Мари-Клод лаконичный, деловой. О личном мало. Пишет она по-русски: «Извини, что я так давно не писала. У меня так много работы. А мне трудно писать по-русски, и на это должно уходить немало времени. Но я думаю, что тебе было бы гораздо трудней, если бы я писала по-французски». Часть писем — от руки, часть — на машинке. Некоторые из них на бланках депутата Национального собрания Франции... Зная, что Антонина Александровна работает над книгой о лагере, Мари-Клод прислала ей свою брошюру, изданную в Париже. Это стенограмма ее свидетельских показаний на Нюрнбергском процессе как бывшей узницы Равенсбрюка. «Я уверена, что написанное тобой будет полностью соответствовать тому, что я бы сама рассказала. Конечно, людям, не пережившим все это, факты могут показаться неправдоподобными. Да уже и мне самой начинает не вериться, что это было...»

В отличие от писем Мари-Клод послания Николь обстоятельны и полны сведений личного свойства. По ее письмам Антонина Александровна знает о всех главных событиях в ее семейной жизни. Да, она уже давно не мадмуазель Мишо, она мадам Лотисье. Еще из самых первых ее сообщений «доктору Антонине» стало известно о появлении на горизонте некоего Жана Лотисье, тоже коммуниста, тоже бывшего узника концлагеря... Николь провела год в Швейцарии, в горном санатории, и залечила свою болезнь. Потом она написала, что вышла замуж и ждет ребенка. На сердце немного тревожно: в мире опять беспокойно, хорошо ли будет ее маленькому? Еще письмо: вот она уже мать, у нее сын, его зовут Мишель... Жан путешествует как журналист по Индии, Бирме, Китаю. А она, Николь, поступила на курсы активисток. Материнство не помешает ее общественной деятельности.

Идут письма... Теперь у нее и дочь, ее зовут Мари-Клод. Николь работает, она служит в туристском агентстве, которое организует поездки и в СССР. Слышала ли «доктор Антонина» о первом рейсе парохода «Баторий»? Он прошел замечательно. Будет много таких рейсов, и с одним из них, быть может, приедет в Ленинград она, Николь. Ребята уже совсем большие: Мишель пошел в школу, а Мари-Клод — в детский сад... Потом почта доставила толстый пакет. В пакете оказался альбом «Франция». 216 великолепных фотографий со вступительной статьей Поля Валери.

В прошлом году накануне Октябрьских праздников Никифорова получила открытку из Москвы. «Дорогая Антонина, — писала Мари-Клод. — Я снова в Москве, где происходит заседание бюро МДФЖ. Я надеялась остаться здесь на несколько дней, съездить в Ленинград, увидеть тебя после 10 лет разлуки. Но, к сожалению, это невозможно. Как депутат, я должна принять участие в избирательной кампании. Уезжаю из Москвы 8-го утром... Не смогла бы ты позвонить мне 7-го утром между 9 и 10? Для меня будет радостью услышать хотя бы твой голос, раз уж я не смогу тебя увидеть. Я живу в гостинице «Советская», комната № 206».

В праздничное утро Антонина Александровна была на переговорном пункте. Сначала обычные вопросы: «Как ты живешь? Как твое здоровье?» Какие-то случайные слова, которые при подобных обстоятельствах всегда всплывают быстрее необходимых. Пауза, словно не о чем говорить, когда сказать надо так много. Потом о сыновьях, об Аркадии и Тома́. Они ровесники, и оба заканчивают среднюю школу. «Когда же мы все-таки встретимся, Мари-Клод?» «Думаю, что десяти лет теперь ждать не придется». И тут голос телефонистки: «Осталась минута». И эта минута пролетает, как секунда. «Ваше время кончилось. Разъединяю». Но Мари-Клод успевает воскликнуть: «О, а я думала, что наше время только начинается!..» И это невольное замечание звучит символически, как вера в жизнь, в будущее...

* * *

«Доктор Антонина» выполнила свой долг. Она написала книгу, которую назвала «Я это видела». Книга должна быть издана! Она напоминание, она предостережение: не верьте ищущей забвения памяти. И вместе с советским врачом все ее подруги, все бывшие узницы Равенсбрюка, говорят:

— Мы это видели, видели и пережили. Это было! И не должно повториться.

ХЛЕБ

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

**Мальчишке было десять лет.
Он шел по переулку
И нес домой в плетенке хлеб,
Жуя дорогой булку.**

**В пути груженную песком
Он встретил пятитонку,
И недоеденным куском
Швырнул он ей вдогонку...**

**Но если б думал мальчик тот
О зернышке — о чуде,
И сколько мыслей и забот
В него вложили люди;**

**О том, что знает вся страна:
Путь от озимой травки,
Путь от проросшего зерна
До хлеба на прилавке;**

**О том, что хлеб пришел не вдруг
От копен желтокудрых,
А через сотни сильных рук
И механизмов мудрых;**

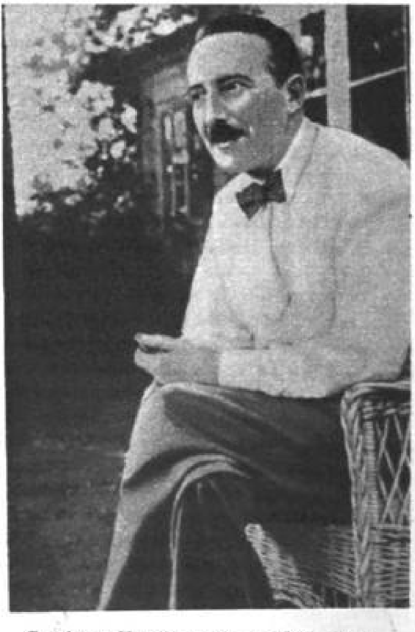
**И что он много испытал,
Хоть очень свеж и молод;
Что он на солнышке лежал
И в жерновах промолот;**

**В пекарне на дрожжах бродил
Прошел огонь и воду,
А уж потом в дома входил,
Чтоб пищей стать народу...**

**А вот сбирал бы паренек
Колосья меж стогами,
Так не лежал бы тот кусок,
Растоптанный ногами.**

**К вам обращаюсь, сыновья
Мои или чужие:
Отчизна, Хлеб, Любовь, Семья —
Понятия святые!**

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

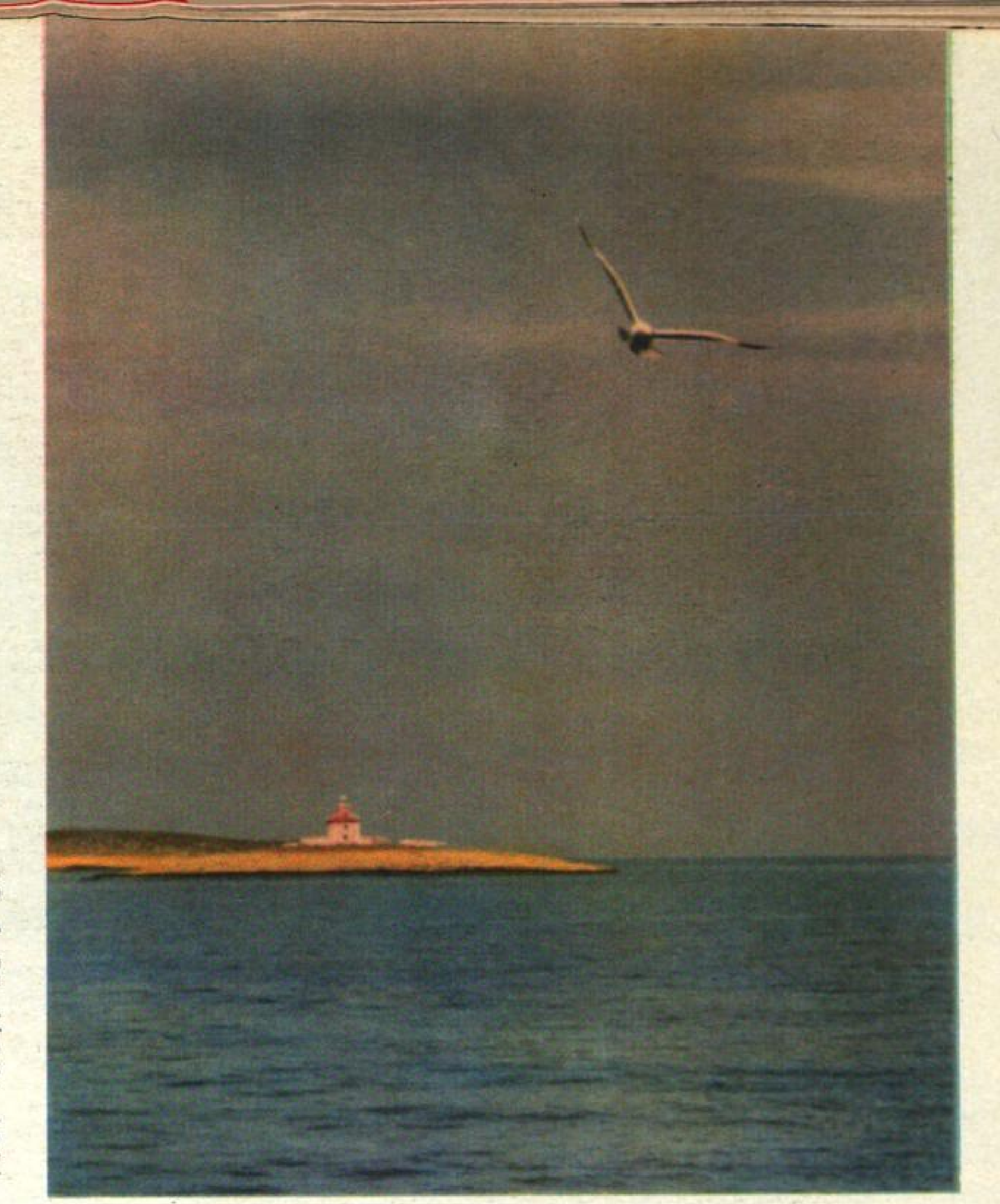
Стефан Цвейг летом 1941 года.

28 ноября литературная общественность отмечает семидесятипятилетие со дня рождения выдающегося австрийского писателя и публициста Стефана Цвейга, который, по словам А. М. Горького, счастливо сочетал в себе «талант глубокого мыслителя с талантом первоклассного художника». Цвейг умер в 1942 году в бразильском городке Петрополисе.

Государственное издательство художественной литературы недавно выпустило двухтомник избранных сочинений С. Цвейга.

Солнечная Адриатика

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

— Как, вы еще не были на Ядранском море? Тогда вы не видели самых красивых мест Югославии,— говорил мне знакомый белградский журналист.

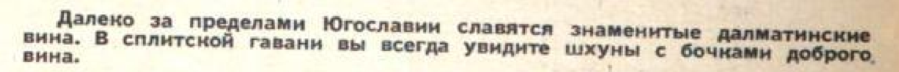
— Имейте в виду: не видеть Далмации — значит не видеть Югославии,— внушал другой.

И действительно, побережье Истрии, Далмации и Черногории не обманывает надежд путешественника. Это живописнейший район страны.

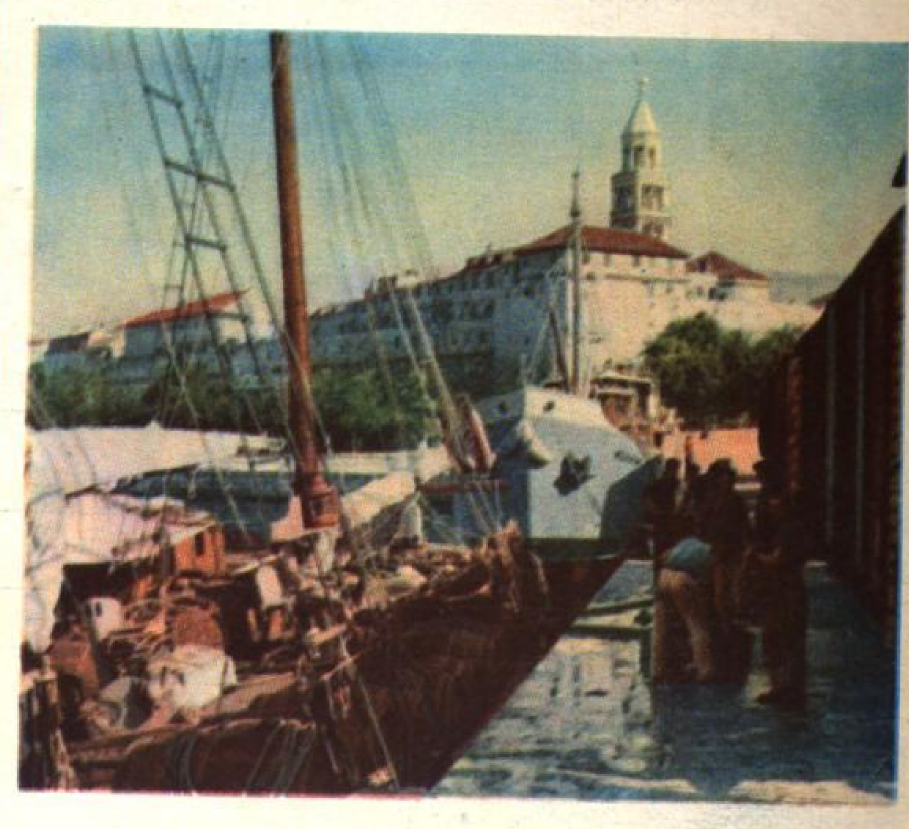
Почти на две тысячи километров протянулась очень извилистая линия морского побережья Югославии. Сюда приезжают многочисленные туристы из разных стран, чтобы полюбоваться красотой сказочно-синего моря, прибрежных скал и древних городов. Давайте и мы с вами с помощью фотоаппарата посмотрим на берега Адриатического моря.

Это Опатия — известный европейский курорт в Истрии. Каждый второй дом здесь — отель или пансион. В последнее время в Опатии открыто несколько санаториев и домов отдыха, где трудящиеся Югославии проводят отпуск. Некогда в Опатии побывал А. П. Чехов.

Город Сплит. Его красивая набережная — любимое место прогулок жителей Сплита.

Далеко за пределами Югославии славятся знаменитые далматинские вина. В сплитской гавани вы всегда увидите шхуны с бочками доброго вина.

Город Риека раскинулся по каменным склонам гор на границе Истрии и Далмации. Это большой порт. В Риеке работает крупнейший в стране судостроительный завод «Третье мая». Во время войны завод был разрушен. Сейчас он восстановлен и реконструирован. Познакомимся с двумя рабочими завода. Это сварщик Виктор Белич (слева) и мастер Иван Рожич. Коммунист Белич был партизаном. После войны он закончил школу электросварщиков при заводе и сейчас один из передовых рабочих. Иван Рожич более тридцати лет трудится на предприятии. Оба они члены рабочего совета завода, причем Виктор Белич — председатель его.

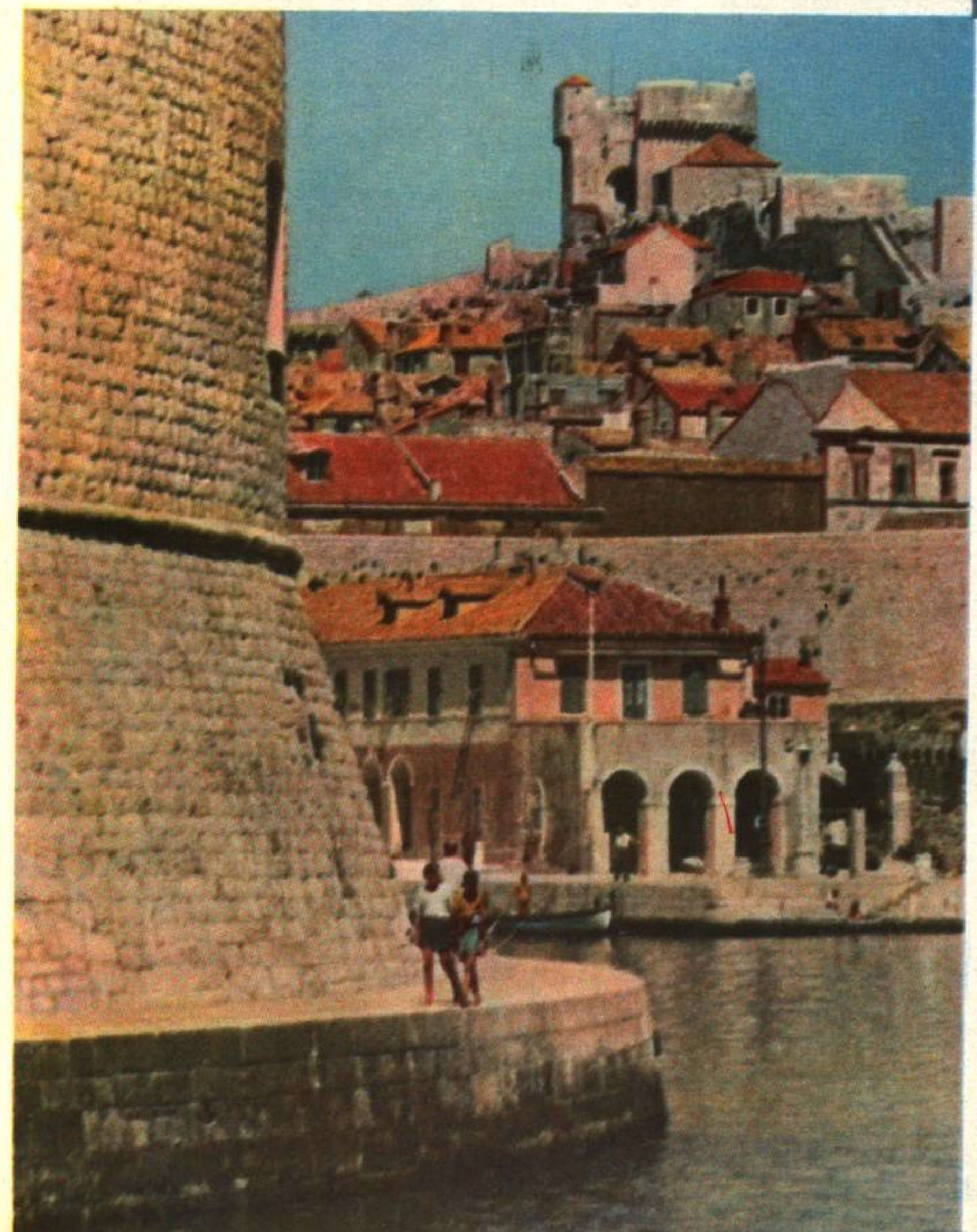

Жизнь большей части населения Далмации неразрывно связана с морем. Далматинцы — известные мореходы и искусные рыболовы.

На пристани города Хвар. Рыбак Джоре Готич уже продал почти всю свою рыбу и сейчас взывает к прохожим:

— Возьмите остаток! Дешево отдам.

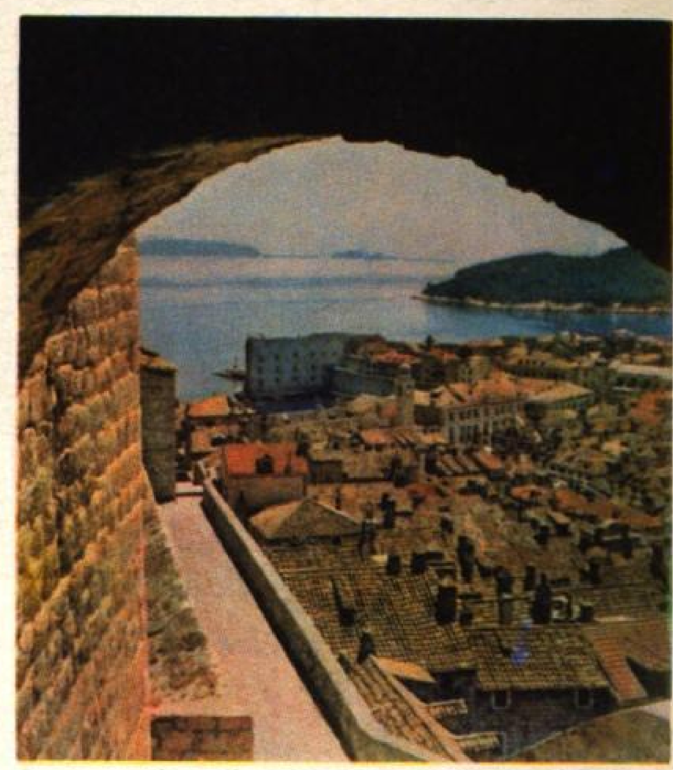
Город Дубровник по праву называют «Жемчужиной Далмации». Сейчас это город-курорт. Полностью сохранился его средневековый облик. Некогда грозные каменные бастионы повисли над морем. Могучая крепостная стена опоясывает, как ремнем, плотно сбившиеся дома.

Далматинские женщины привыкли носить поклажу на голове.

Основанный еще в VII веке, Дубровник долго был фактически независимой городской республикой. Расположенный на перекрестке торговых путей, Дубровник конкурировал с Венецией, его торговые представители были в Константинополе, Валенсии, Марселе, Александрии. В Дубровнике был и русский консул. В этом городе ремесленников и купцов бурно развивались искусства и литература.

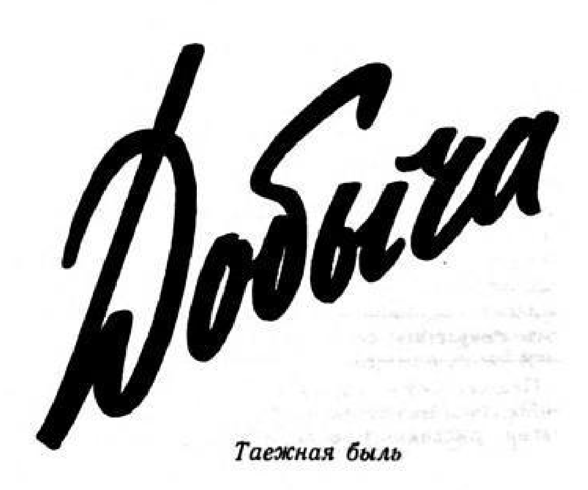

Весь город похож на какие-то огромные декорации. Улочки Дубровника узенькие — порой достаточно раскинуть руки, чтобы коснуться стен.

На базарной площади города кипит торг. Здесь можно полакомиться отменными фруктами и знаменитым далматинским вином. Крестьяне его привозят в мехах.

У каждого, кто побывал в солнечной Адриатике, навсегда останутся добрые воспоминания о ее трудолюбивых людях и голубых просторах.

Таежная быль

Станислав МЕЛЕШИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

I

В тайге раньше всех вставала охотница Пелагея — раньше петухов и солнца. Не могла спать: давили жаркие июньские ночи и неприкаянные, надоевшие мысли о том, что не удалась жизнь.

Изба Пелагеи на отшибе у громадной раздробленной обвалом скалы с тремя адающими соснами, и днем и ночью отраж ощимися в реке. Рядом юрта старика Мухина, а дальше, в тени от огромной, в полнеба, горы, вся деревня; над нею, всю ее накрывая, разросшаяся древняя черемуха: будто большое белое облако упало с неба однажды ночью да так и осталось качаться над избами. Утром, когда светит холодное небо, облако голубое.

Огород Пелагеи тоже зарос черемухой. Каждую рань, грохнув калиткой, она выходит из облака и тяжело, по-хозяйски ступает по земле, осторожно проходит по острым глыбам камней, раздвигает бедрами шуршащие травы — спешит к воде. Высокая, костистая; с грубоватым лицом, Пелагея всматривается в темноту хмурым взглядом, охватив плечи большими, сильными руками. Постояв с минуту и различив сизый свет на верхушках деревьев, она подходит к чистому стеклу воды и, наклонившись, смотрит на свое отражение.

Квадратный плоский лоб, черные волосы с пробором аккуратно уложены в узел сзади. Сильная гордая шея, в глазах колючие искорки. Красивого в лице — всегда алые губы и румянец во всю щеку.

В деревне ее не любят и боятся. Не любят за мужские повадки: ходит в тайгу с ружьем, пьет самогон, умеет драться. Не любят за то, что у нее непутевый больной сын двадцати лет, которого дразнят все, кому не лень, «недоноском». Особенно не любят охотницу бабы. Из женщин никто на охоту не ходит: у всех семьи, мужья и дети.

Посмотрев в воду, Пелагея грустно улыбается, отчаянно вздыхает и разгоняет свое отражение ладонью.

В камышах серебрится вода, течение булькает на чистом дне около камней; камни старые — черные, зеленые и желтые — обросли мохом. Если долго смотреть, можно увидеть фиолетовые струйки течения на дне. Тихо. Молчаливая каменная земля, тяжелая черная тайга и белое облако черемух на берегу — все давно знакомо, привычно и каждый день ново.

В тумане слышен тихий треск, будто лопаются мыльные пузыри. Пелагея ждет, когда из-за скалы неожиданно выкатится красный шар солнца, вспыхнут пламенно и берег, и вода, и стволы сосен, и небо, закачаются туманы, полные тишины; треск прекратится — и поплывут они тяжело и медленно, чуть касаясь воды, оседая на берегу, цепляясь за острые ветки, травы и камни.

В такие минуты, когда все в деревне спят, а ты нет, будто сторожишь их сон, сон нелюбимых людей, и где-то в глубине души жалеешь их, и знаешь про них что-то такое умное, о чем они и не догадываются,— в такие минуты приятно думается о судьбе, о человеке, о хорошем в жизни. И становится досадно, что вот она, Пелагея, ничего не видела и не была дальше Ивделя. Все люди, которых знала и видела, проходили мимо, ничего не оставляя. Один оставил ласки немного... и сына. А ведь живут люди на земле, и у всех какая-то другая, интересная жизнь. А она поутру греет воду, поливает огурцы и капусту, варит мясо, стирает, набивает патроны и чистит ружье... И всегда ее первое желание — скорей уйти из дому в тайгу.

Пелагея поднялась, взглянула на бледные ступни и красные от росы пальцы ног. Вот она сбросила длинную рубашку, оглядела себя: покатые могучие плечи, маленькие груди, белые тяжелые ноги. Вздрогнула всем телом от холодного воздуха, выпрямилась. Чуть пригнувшись, помахивая руками, вошла в воду. Прижав ладони к бокам, окунулась и, часто дыша, стала натирать тело руками. Засмеявшись над собой, что больше не может быть в холодной воде, пошла к берегу... Ей вдруг послышалось, что ее сын, рыжий Пашка, кричит ошалело: «Мам-ка-а-а!»

Она вышла из воды, натянула на мокрое тело рубашку и села на камень.

Вот так каждый день этот страшный крик в ушах!.. И некуда от него деться.

Да, неудачный родился сын! Как наказание за девичий грех. Давно-давно это было, а кажется, что вчера. Плыли мимо деревни вольные работные люди — плотогоны, остановили плоты на берегу, пришли в избы согреваться ячменным пивом. И среди них один — высокий, веселый, рыжебородый, с молодыми нежными глазами. Девки звали ее на вечорки, а она отказывалась: работы в огороде уйма! Копается ночь в земле — перемажется, рано утром идет к воде выкупаться. Однажды — это было двадцать лет назад — утром купалась и вдруг увидела: на другом берегу стоит, закрывая кусты своей громадной фигурой, человек, пряча улыбку в рыжей бороде.

Закрылась платьем, раскраснелась, будто кто ее ударил.

Неожиданно для себя самой выкрикнула:

— Эй! Чего глаза-то пялишь?! А ну-ка, иди сюда.

Подошел к берегу:

— Что, бабонька?!

Помолчали. Пелагее стало стыдно. Она хотела отругать непрошенного свидетеля, но он стоял на том берегу, кричать через речку было неловко, и она раздумала.

— Холодна вода-то?!— посочувствовал мужчина, кивнув на речку.

Пелагея не ответила. Она смотрела на тихие, задумчивые камыши, на чистое дно речки.

Зарделась от похвалы, когда он сказал: «Хороша!», — хотя и не поняла: речку хвалит он или ее.

Оделась, заплела косы.

— Что, как посватаю?! — усмехнулся он, стуча сапогами по мосткам.

— Всю видел? — в упор спросила Пелагея, когда он перешел мостки и встал рядом с ней — рост в рост!

— Всю не успел...— улыбнулся он и зажевал усы.— Женой никому не была? — неожиданно спросил шепотом, а потом обнял, приник к самому уху: — Будешь моей?

— А не обманешь? — просто спросила Пелагея, чувствуя, как колотится сердце: может быть, настал день, когда пришла любовь и она выйдет замуж. Высокий веселый плотогон ей понравился.

Вечером на улице плотогоны курили с мужиками, звали с собой на плоты, хвалили заработок. Пелагея стояла с девками поодаль, лузгая семечки, слушая, как раздобревшие мужики уговаривали плотогонов бросить свое «деревянное дело» и остаться жить в тайге, ходить на охоту, обещая невест. Пелагее очень хотелось, чтобы первым остался тот высокий, рыжебородый, что видел ее на берегу. И он остался.

Ночью они лежали с Пелагеей на сеновале. Григорий, заложив руки под голову, смотрел на звезды и жаловался, что не может найти счастливой жизни. Говорил, что был женат. Жена — сущая ведьма, тощая и злая, и не было детей от нее. Пелагея удивилась: как могла у веселого человека быть несчастливой жизнь?

Неделю она была счастлива. Григорий ласкал буйно и нежно, пугали только глаза его: с каждым днем они становились все грустнее и задумчивее. Потом в деревне остановилась вторая партия плотогонов — только на одну ночь,— а утром плотогоны уплыли. Уплыл с ними и Григорий, веселый человек, унес ее сердце с собой.

Полтайги было связано в плоты, полтайги тяжело и громоздко двигалось по речному течению. Плоты уплывали дальше и дальше... Тогда и она, сбросив одежду, поплыла за плотами, но отстала. А когда обессилела, вылезла на берег и зарыдала первый раз в жизни. Все видели, как она плыла за плотами, и все смеялись. Вот тогда и заполнили ее всю злоба и сожаление о том, что была любовь один раз, а она сама и женой не была...

Пелагея до ночи не возвращалась домой, все стояла на скале, разглядывая родную нелюбимую деревню.

Там в избах кержацкий люд: добытчики рыбы и дичи, коровники и лошадники, менялы и барышники. Им под стать поденщики леспромхозов и геологоразведочных партий, мастеровые-рублевики, огородники. Хозяева! Вольготно живется им на иждивении у богатой зауральской природы!

И она подумала тогда, что плотогон Григорий сбежал не от нее, а от такой жизни. Этот мир, в котором она живет, показался ему малым и тесным, так же, как и ей. И с тех пор она возненавидела всех, и ее перестали любить. Тогда она решила, что в жизни надо быть сильной, ничего не бояться и любить только самое себя. Сменяла лодку на ружье у тихого старика Мухина — известного в деревне ремесленника-умельца. В огороде упражнялась в стрельбе, срезала выстрелами зеленые шишки мака. Бабы шарахались в сторону и зло шептались: мол, рехнулась! Мужики посмеивались. Уходила в тайгу на неделю — возвращалась с богатой добычей. Подружилась с мужиками, стала пить самогон и ходить с ними на медведя. Удачи приносили радость, а время принесло горькое материнское счастье.

Родился сын хворый и долго орал. Пелагея обрадовалась, повеселела, ласково называла ребенка «оратором». Подруга, фельдшерица Раиса Завьялова, осмотрев дите, покачала головой и объяснила, что сын родился хворым от простуды. Пелагея погрустнела, вспомнила, как плыла в холодной воде за плотами. Надеялась, что ее Пашка станет взрослее — выправится в хорошего мужика. Но и в двадцать лет Павел не выправился, так и остался полоумным.

Пашка весь рыжий, волосы — будто пламя над головой. Лицо рябое: в детстве болел оспой. Когда Пелагея уходит в тайгу на добычу, сын остается за хозяйку. Сидит у двери, сложив руки на коленях, и поет, бездумно качая головой из стороны в сторону. Или спит в огороде, наевшись огурцов и моркови. Днем в избу Пелагеи приходят кому не лень и требуют Пашку для работы: сторожить сельсовет, косить травы, колоть дрова или переносить тяжести. Тогда прибегает Катерина и уводит его к себе. Она растолковывает ему все, что он должен делать и какую плату надо требовать.

Катерина — вдова с тремя ребятишками, молодая испуганная женщина, у которой своя юрта и огородик. Пашка почти живет у нее. Катерина жалеет его и делает все, чтоб парня не обижали люди. Он привязался к ней и иногда ночует в ее юрте. Катерина днем относится к нему, как к сыну, а ночью, как к мужу. Она называет Пелагею матушкой. Охотница не любит ее за кротость, набожность, ей кажется, что в этой женщине поселилась сама тишина, но уважает ее за хитрость, за заботу о Павле. Павел и Катерина любят друг друга, над ними смеются все в деревне, и Пелагея не знает, как отвадить сына от тихой вдовы.

...Пелагея подумала, что вот и сейчас Катерина пришла уже в ее избу и прибирается, ждет, когда проснется Павел, чтоб увести его к себе и накормить.

Охотница ревниво вздохнула и поспешила к себе домой. Захотелось увидеть сына, будто он еще совсем маленький и спит в зыбке, хотя зыбка давно заброшена и Пелагея разводит в ней капустную рассаду.

Земля уже стала желтой от солнца, и белая черемуха поникла от утренней жары. Деревня давно проснулась: бабы гремят ведрами, спускаясь на берег, лают пушистые северные собаки лайки, бродят около черных от пыли заборов тощие козы, босоногие мальчишки толпятся у сельсовета, где остановилась грузовая машина. Навстречу Пелагее идут полные, раздобревшие женщины с корзинами белья. Молча оглядывают ее, расступаются.

II

Пашка уже проснулся. Он, полусонный, почесывая грудь, сидел на кровати, свесив ноги в подштанниках. Когда Пелагея вошла в избу, он встал, высокий и толстый, и протянул к ней руки:

— И-исть хочу!

«Эк, вымахал, силище!» — грустно подумала мать и похлопала его по плечу.

— Сейчас.

Когда он, радуясь, ел вареное мясо, Пелагея осторожно спросила:

— Паша, пойдем в тайгу, на добычу? — Пашка, увидев злые зеленые глаза матери, поперхнулся, посмотрел на нее испуганным, понимающим взглядом. Пелагея сняла ружье и щелкнула затвором. — Пойдем, охотником станешь!

— Еще убьешь...— задумчиво ответил сын и заморгал глазами.

Пелагея скривилась и закусала губы. Ей хотелось закричать от обиды.

— Я уж лучше дома! — восхищенно проговорил Пашка, будто гордясь собой.

— Эх, ты... неудобный! Или женить тебя?! — Пелагея рассеянно оглядела избу, сняла с гвоздика, вбитого в бревенчатую стену, патронташ, что висел рядом с оленьими рогами.

— Женить...— Пашка не понял и заплакал, будто мать придумала для него страшное наказание. Она прижала сына к груди и стала осторожно гладить его рыжие волосы.

Пришла Катерина, робко встала у двери. Пелагея хмуро взглянула на нее и оттолкнула сына.

Катерина вышла на середину избы и поклонилась.

— Ой, матушка, не надо обижать Паву!..

Расплывшаяся, в цветном платке, повязанном на голове тюрбаном, она преданно заглядывала в глаза Пелагее сбоку, будто подглядывая мысли.

— Зачем пришла?!

Пашка перестал плакать и заулыбался, глядя на Катерину, как на игрушку. Катерина попросила:

— Дай мне его на день. Травы для коровушки покосить, а уж я его покормлю и...

— Я же приказала тебе не приходить больше и не травить Павла!

— Мне ведь тоже его жалко. Да разве ж я что... Да я, матушка, Паву-то берегу и ласкаю, как родинку мою, несчастную кровиночку...

Катерина упала на колени и запричитала. Пашка смотрел в потолок и качал ногами. Пелагея крикнула:

— Встань, подлая!..

Пашка перестал качать ногами.

Пелагея махнула рукой, указывая на дверь:

— Уходи!

У Катерины чуть дрогнули губы. Она кивнула в ответ, поправила платок полными белыми руками и вышла, опустив глаза.

— Ну, я на добычу! — кинула Пелагея Павлу, надела фуфайку, болотные сапоги, опоясалась патронташем, вскинула ружье и сумку с едой за плечи и, вздохнув, вышла на крыльцо.

В лицо ударил дурманящий запах увядшей от жары черемухи, и на сердце стало легче, будто освободилась от чего-то тяжелого и гнетущего.

Пока шла огородами, сторонясь людей и насмешек, встретила вдового старика Мухина. И он и Катерина жили в юртах, которые бросили манси, перекочевав на Лямью-Пауль, к Черемуховой речке. Работники сельсовета хотели устроить в юртах склады, но потом, видя, что уже живут в них, махнули рукой.

Мухин был известен в деревне своей добротой и независимостью. Кустарь-ремесленник, он жил приношениями натурой за мелкие поделки. Умел играть на баяне и на свадьбах веселить гостей. Все его любили. Пелагея уважала старика за ласковые слова при встрече, за то, что восхищенно звал ее «императоршей», когда был навеселе, и «добытчицей», когда был не в духе.

— На охоту, значит? — спросил Мухин, неся на плече связку длинных тальниковых прутьев для удилищ.

— В тайгу,— ответила Пелагея, посторонившись.

— И как ты, императорша, ночей не боишься?

— Я таежная...

— Ночи в доме хороши, в постели...— растянул Мухин, и глаза его нехорошо оглядели Пелагею.

— Прощай,— произнесла она тихо и зашагала прочь, вспоминая историю, которая произошла недавно.

Однажды Мухин пришел к ней в новой рубахе и пиджаке, бородка и усы подстрижены. Стесняясь, предложил:

— Давай жить?! Огороды у нас на одной земле, рядом. Сломаем плетень-границу, и будет наш большой огород один на двоих.

Пелагея не поняла сначала, а потом, когда Мухин замялся и досказал, что вот живут они рядом отдельно, а кому какое дело, можно жить и вместе, поняла, что пришел мужик свататься, и расхохоталась.

Встали друг перед другом. Она высокая, молодая, сильная, он перед ней маленький, сухонький старичок. Чтоб не обидеть его, сказала искренне:

— Да ведь ты со мной не совладаешь?!

— Кто, я?! — удивился Мухин и, подумав немного, закончил: — Дак ведь... кто знает.

— Ах ты, мухомор несчастный! Ну, давай, сватай. Будем пить.

Сели за стол. Пили самогон. Мухин трогал за руку, обнимал за шею, будто уже давно муж, похлопывал по спине, как лошадь, и, словно забывшись, клал руку на бедро. Пелагея молчала, как каменная, и думала о прошедшей молодости, сожалея, что наивный, добрый человек Мухин в мужья ей не гож. А когда Мухин, опьянев, уснул за столом, Пелагея подняла его на руки, как ребенка, и отнесла в юрту. Больше Мухин свататься не приходил.

Прошла мимо сельсовета, на котором висели выгоревшие от жары плакаты. У крыльца стоял грузовик, толпились экспедиторы и заготовители по сбору пушнины, битого мяса и рыбы. У избы-читальни, закрытой большим амбарным замком, заведующий — белобрысый паренек — глубокомысленно разбирал свежие газеты.

Пелагея оглянулась на деревню, постояла немного и, поправив на поясе охотничий кривой нож, вошла в тайгу.

III

В тайгу войдешь, оглянешься — и ты уже окружен соснами, и над головой тяжелая крыша ветвей. Глухо зазвенит в ушах комариным писком теплая пахучая тишина, зарябит в глазах от зелени и стволов. Стихнут за таежной стеной дневные звуки: голоса людей, грохот телег, плеск воды и скрип уключин, блеяние коз и лай собак, детский плач и бабьи выкрики на берегу. Погаснут дымки над деревней, погаснет литое золото солнечных лучей в чистых струях течения на перекатах, отодвинется знойное громадное марево под небом. Сомкнутся над головой вершины, и перед тобой трава, стволы, ветви. В тайге громче бьется сердце, сгорает страх: тишину расколет выстрел, голубой дымок из ружья повиснет, как кусочек неба, ветви всколыхнет птичий испуг и звериный рев.

И все же грустно на душе. Зреет в сердце большая обида на деревню, что ей, женщине, приходится скитаться по тайге в поисках добычи... Верится ей, что дальше так жить не будет, а как жить, не знает. Видно, такова уже ее судьбина: кругом тайга — и не уйти, не уехать...

А было, и она повидала лучшую жизнь! Недавно останавливались у Пелагеи на квартире студенты-практиканты из большого города Ленинграда — грамотные молодые люди. Называли себя лесниками и подолгу бродили в тайге. Готовила им обеды и часто уходила с ними проводником. Хорошее время было! Или вот... работала в леспромхозе поварихой, кормила лесорубов и сплавщиков. Все ее любили и ласково называли «кормилицей». Портрет на доске почета целый сезон висел! А однажды была даже в городе Ивделе на конференции работников общественного питания...

Пелагея долго кружила по папоротникам, пока ее не остановил медвежий рев. Будто треснул большой камень или переломилось сухое огромное дерево.

Охотница вздрогнула. «Чума рябая!..» — выругалась она.

Маленький дождик зашелестел над деревьями, застрелял каплями по веткам, и влага, шурша, начала стекать в разнотравье. Стало темнее, пасмурнее, зелень погасла, только заметно поголубели мокрые травы да от земли поднималась теплая пахучая волна воздуха. Пелагея присела, ухватившись рукой за куст малины. Что-то тяжелое поднялось и грузно опустилось за ветвями, будто земля вздохнула. Пелагея выставила дуло вперед, взвела курок.

Опять раздался медвежий рев, и вдруг Пелагея увидела: медведица придавила бурой тушей куст, легла на бок, растопырив лапы. Можно спустить курок, выстрелить в голову! Но стрелять в лежащую медведицу стыдно — будто из-за угла. Медведица повернулась на спину и протяжно, со стоном задышала, издавая короткий, с хрипотцой рык. Пелагея встала. Медведица играла с двумя медвежатами. Вот из-под нее выкатился, хрипло взвизгивая, черный мохнатый шар — медвежонок, покряхтывая, неуклюже встал на задние лапы, замотал мордочкой. Медведица, придавив другого медвежонка лапой, лизала его в бок; косматый и бурый хребет ее подрагивал, когда она вытягивала шею.

Пелагея смотрела, как переворачивается громадная туша, и над нею шелестит зеленая крыша, и где-то высоко-высоко видно синее стеклышко неба. «Играет, как человек», — подумала охотница, восхищаясь.

Медведица затихла. Медвежата лежали под ее лапами и непонимающе двигали головами.

Вот теперь, когда медведица подняла морду, можно стрелять! В сердце ничего не осталось, кроме охотничьей страсти. Пелагея вскинула ружье. Руки дрожали. Курок не сдвигался. Выстрел грохнул, казалось, где-то вдали. Прошелестели сбитые пулей листья кустов, и в траве заметался, громко взвизгивая, подстреленный медвежонок. Медведица угрожающе зарычала и пошла на выстрел, ломая сухие сучья. Пелагея выстрелила еще раз и опять промахнулась. В груди похолодело. Ощущение пустоты и странной слабости заставило охотницу сделать шаг назад. Спиной почувствовала ствол сосны. Вложила патрон в патронник. Ломая кусты, медведица продралась вперед и грузно поднялась на задние лапы, оглашая тишину ревом. Вот сейчас упадет вперед, накроет, задавит...

Пелагея спустила курок, закричала, закрыла глаза. Когда за дымом утихло эхо выстрела, разглядела спокойную зелень веток. Ветки чуть покачивались. И пожалела, что не видела, как рухнула на землю тяжелая медвежья туша.

Глупый медвежонок, хлопая ресницами,

уткнулся в ноги Пелагеи, царапая лапой сапоги, терся боком, скулил.

Необъяснимая жалость хлынула в грудь, ударила по сердцу, подкатила к горлу.

Охотница пошла прочь, осторожно ступая на папоротники, раздвигая руками дремучие метелки ветвей. И вдруг бросилась бежать, продираясь сквозь чащобу, отмечая костянику, как точки огня под ногами, воздушные бледнолапчатые огромные папоротники, будто с другой планеты, кедровые прошлогодние шишки, как круглые камешки, рассыпанные по траве, на пнях, на коряжинах, у красных стволов, прямые стебли саранки с пышными шляпками, ножевые листья тройчатого лесного лука... Сучки коряжин и стволов норовят в глаза. Сбивала их кулаком и рушила плечом.

Бежала долго, выхватывая из патронташа патроны, загоняла в ружье и стреляла вверх, освобождаясь от грусти, от усталости, и ревела по-бабьи — откровенно и громко, бежала долго, пока не увидела над собой небо.

Вспомнила вдруг, как она впервые пришла с ружьем в тайгу и убила молодого медведя с медведицей и радовалась этому, радовалась своей силе. А теперь... Да, не женское это дело!..

Дождик давно перестал, только поворачивались листья — это сверху шлепались в траву большие серебряные капли влаги. Над землей меж сосен и берез плыла теплая пахучая испарина, поднимался розовый парок над болотцем в низине.

IV

Пелагея взошла на высокую желтую поляну. Тайга раздвинулась, поредела. Солнце купалось в сухих желтых травах. Сонно жужжали невидимые пчелы. Жесткие кусты дикого вишняка подняли железные ветки вверх, и совсем не было тени.

Пелагея искала воды. Глоток из родника — и можно уснуть до синего вечера. Шла лысым ельничком мимо меловых глыб под открытым и темным от духоты небом. День гас. На белые скалы с березняком в расщелинах больно смотреть — будто смотришь на солнце.

Желтая поляна с черными гаревыми елками кончалась каменным обрывом. Там, в сумрачной низине, дрогли от болотного холода густые осины с голубыми стволами, и от ветерка темные зеленые тени качались на высокой траве. Тянуло сыростью. Рядом на горбу оврага поднимались над осинами высокие шершавые сосны. Розовые гранитные плиты выглядывали из-под корней, как раскаленное остывающее железо.

Пелагея перешла древнюю, заброшенную дорогу, поросшую вдоль колеи зелеными полосами травы, лопуха и подорожника. В овраге она отыскала родник, опустилась перед ним на колени и припала горячими губами к синей, пахнущей ледком влаге, забыв о медведице, о тайге, о деревне и о сыне. На дне отражалась небесная серебряная звездочка, холодные живые струи шевелили ржавые камешки. Какой-то белый лепесток плавал сверху по синему стеклу и не хотел остановиться. Холод родниковой влаги ломил зубы.

Вдруг увидела над травой лицо человека — мужчины. Он шел быстро, будто плыл, загадочно улыбаясь. Увидела, вздрогнула, и сразу ее охватило любопытство и тревога. Так бывает, когда неожиданно встречается человек с человеком один на один в тайге.

Пелагея встала, вскинула ружье. Человек предупредительно поднял руку.

— Я пришел на выстрел,— громко сказал он, остановившись, и стал снимать тяжелый рюкзак с плеч.

Он смотрел ей прямо в глаза, думая о чем-то своем, и Пелагея успела отметить, что глаза у него молодые, хотя все лицо заросло щетиной, и что лет ему за тридцать.

— А кто ты?

— Прохожий,— ответил он и усмехнулся.

Усмешка не понравилась Пелагее, и она грубо крикнула:

— Знамо не медведь! Откуда? Что в тайге делаешь?

— А ты... — Он уважительно оглядел ее мужскую одежду и добавил удивленно звонким, мальчишеским голосом: — Баба!

Засмеялся и стал медленно подходить, будто именно ее он искал и вот наконец-то нашел. Пелагея отступила, ружье направилось ему в грудь. «Глаза у него голубые»,— отметила она. Прохожий нахмурился.

— Убери палку! Не съем! Вот документ.— Он постучал себя по сердцу и кашлянул.— Геолог я... заблудился.

Пелагея опустила ружье и, все еще не веря ему, насмешливо растянула:

— Ге-о-лог! Сколь плутаешь?

— Четыре дня... и спички кончились. Не могу выйти на Суеват-Пауль. Там наша база. Болота не пускают. Дымов моя фамилия. Геолог Дымов...— Сел, обхватил колени руками, прислонился спиной к сосне.

— Болота...— проговорила Пелагея и всмотрелась в его коричневое лицо со светлой пушистой бородкой, с облупленным носом, выпуклым расцарапанным лбом.

Ей стало жаль его.

— Эк тебя приморило!.. Есть хочешь?.. Давай-ка костер,— сказала она сама себе и, собрав охапку хвороста и валежин, раздула пламя. Повесила котелок на треногу, насыпала крупы, достала из заплечного мешка сухую воблу и бутылку самогона. Услышала — Дымов посмеялся над собой:

— Искал марганец — нашел железо.

Она заметила, как он хорошо улыбнулся и закрыл глаза.

— Кому его, железо-то? — спросила охотница равнодушно, сожалея, что ходят люди в тайгу за такими пустяками.

— Рудник разобьем. Город поставим. Сейчас партия двигает промышленность на восток, в Сибирь и на север. И в вашу тайгу тоже!

«Веселый»,— одобрила Пелагея геолога и предложила ему самогона:

— На-ка, милый! Для согрева берегу.

Дымов отпил глоток.

— Фу, мерзость какая!..— Сплюнул.

— А ты не ершись. Пей знай. Сама варила.

Он пристально посмотрел ей в глаза и стал пить.

— Кто к вам на рудник работать пойдет? Рабочих-то вон сколь надо! — строго сказала Пелагея и отобрала бутылку.

— Ну, рабочих не занимать. Ленивых деревень вокруг много. Расшевелим,— кивнул Дымов в сторону тайги и утер ладонью губы.— Все по-другому будет! Сейчас в тайгу люди со всей страны идут — ставить новые заводы, открывать рудники.

Пелагея с восхищением слушала его и удивлялась, что человек этот совсем из другой жизни, о которой она знает только понаслышке.

— Ты что же, милая женщина, по тайге одна бродишь, да еще с ружьем? — с укором спросил человек из другой жизни.

Пелагея отложила ружье в сторону.

— Кормиться-то надо. Свой хлеб добываю...

— А-а!..— уважительно протянул Дымов.— Охотница, значит. В кого стреляла?

— В медведицу.

— Ну-ну,— не то одобряя, не то осуждая, кивнул геолог и добродушно усмехнулся.

Подбросил в огонь сухих веток. Пламя вскинулось кверху. Сразу потемнело небо, и звезды нависли над огнем. Освещенные сосны шагнули ближе к костру. Дымов смотрел на Пелагею, и она смущенно отводила взгляд от его глаз.

От еды, и тепла, и выпитого самогона оба повеселели, разомлели. На душе весело, спокойно, будто давно знают друг друга. И не стыдно Пелагее оправить юбки, снять сапоги, расстегнуть фуфайку, чтоб грудь легче дышала. Дымов отвернулся и неспокойно закурил, пуская дым папиросы в дым костра. Пелагея усмехнулась мысли, что вот угораздило их встретиться и что есть какая-то хорошая сила, заставляющая ее быть смелой и открытой, а его сдержанным и уважительным. Наступило долгое молчание, которое подчеркивало, что они, в сущности, чужие друг другу.

Она поняла его неспокойность, посуровела и подумала: «Нет. этого не будет».

Дымов глядел на нее ожидающе и виновато, лежа на спине, ловил взглядом ее взгляд, будто чем был недоволен.

Пелагея закрыла глаза. Она не поняла: то ли от костра ей жарко, то ли просто ей жарко.

— Ты не спишь? — обратилась она к Дымову на «ты».

— Холодно,— отозвался он звонким, веселым голосом и замолчал.

Тишина. Слышался комариный писк у костра, будто гудит воздух.

Пелагея засмеялась тихо и грустно: «Ведь вот какой смирный. Уважительный человек!» Ей стало досадно, что не спросила его имени и женат ли он, будто могла оскорбить кого-то третьего.

— Я пойду,— сказал Дымов, поднимаясь.

— Куда же ты... уйдешь?

Лежать бы так рядом и смотреть в небо, где застыли черные верхушки сосен — переплелись ветвями, а в них подрагивают, мерцая, запутавшиеся звезды. Лежать вот так и молчать. Где-то там реки и горы, люди и избы уже спят, и никто из людей не знает о встрече ее с этим геологом... Она глубоко вздохнула и заметила, что геолог, пряча глаза, разглядывает ее могучую фигуру.

Таежные ночи холодны. Из глубин темного сверкающего звездного неба опускается густая свежая прохлада, к рукам льнет холодная зеленая трава, и только огонь согревает. Постреливает пламя костра, нагретый жаркий воздух пощипывает лоб и щеки, и пахнет дымом, а за спиной молчат темные сосны.

Прокричала ночная сонная птица, прошелестела в ветках, затихла. И опять глухая тишина с ночными шорохами. У Пелагеи пылали щеки. Дымов накрыл ее фуфайкой и подбросил в костер сухих веток.

— Стара я для тебя?..

Дымов тихо засмеялся в ответ: «Спи» — и погладил ее по щеке, как маленькую. Она обиженно закрыла глаза.

Утром Пелагея вывела геолога на дорогу. Вместе они прошли через болота по заросшей тропе к Суеват-Паулю. До базы оставалось километра три пройти сухим березняком. Прощались взволнованно, радостные, что встретились, и грустные оттого, что расстаются. Дымов узнал о ее жизни — по дороге она рассказала ему о себе — и пригласил работать к геологам. Их проводник — старый манси Анямов — заболел малярией, и его отправили на самолете в Ивдель. Пелагея сказала:

— Да, без проводника плохо... Я подумаю,— и покраснела, польщенная приглашением.

В душе было такое чувство, будто снова к ней вернулась молодость. Дымов благодарил охотницу за помощь, долго тряс ее руки, сжимая их своими сильными ладонями, а потом неожиданно притянул ее к себе и молча поцеловал. У Пелагеи запылали щеки, она опустила голову и пожалела, что прошла без поцелуев целая ночь.

Дымов ушел. Пелагея долго смотрела ему вслед. Он оглянулся и помахал рукой. Когда геолог скрылся за березами, она запрятала в кустах ружье и вернулась в деревню.

V

Шла не крадучись огородами, как раньше, а по главной улице, мимо изб и заборов. Шла, гордо держа голову, торопилась домой. Впереди ее бежали босоногие мальчишки и кричали:

— Пелагея идет! Пелагея идет!

Хлопали калитки, натужно скрипели ворота, качались плетни. Сходились, шушукались о чем-то бабы и кивали друг другу в сторону мужчин, которые стояли у огромного черного сарая, курили и о чем-то громко спорили, ругаясь. Кто-то из них заметил Пелагею и крикнул:

— Добытчики, глянь! С охоты!

Расхохотались.

— Где твоя добыча?

Пелагея сжала кулаки, свернула к мужикам. Притихли от ее гневного взгляда, пряча усмешки в небритые бороды и усы.

— Что присмирели?

Встала перед ними, расправив плечи, руки в бока, смотрит на каждого в упор. Заметила одного с перебинтованной головой и кровь на руке у другого. Еще один сидел за спинами на бревне и гладил, должно быть, ушибленную ногу. Вспомнила выстрел и рев медведицы, ночной костер, поцелуй Дымова и крикнула в лица:

— Добыча?! Там...— Кивнула в сторону тайги.— Медведица за оврагом... убила... вам на прокорм.

Кто-то подтолкнул старика Мухина. Он вышел, поглаживая ладошкой бородку, намереваясь что-то сказать.

Пелагея остановила его, подняв руку:

— Всё тайгу трясете. Всю жизнь на подножном корму. От скуки и дикости головы друг другу бьете!

— А ружье-то где? Хотел я лодку-то обратно тебе отдать, да самому на охоту идти,— начал издалека Мухин.

Пелагея усмехнулась:

— Да разве тайга тебя такого примет, огорченного таракана?

Мужики засмеялись.

— Сын-то твой того... чуть пожар не учинил,— сообщил Мухин.

Пелагея схватилась за сердце:

— Как?!

— Да вот... побили его малость и связали. А то чуть было деревню не поджег. Разве можно этого дядю одного оставлять?

— Где?!— крикнула Пелагея и быстро затопала по густой горячей пыли.

Позже Пелагея узнала: Павел поджигал спичками тополиный пух — пушистые облачка в расщелинах и у заборов. Облачка быстро таяли от огня, огонь будто шагал по пуху, и Павла радовали стремительно движущиеся ленты пламени.

Кто-то дико закричал: «Пожар!»,— на крик сбежались мужики, отобрали у Павла спички, раздели, связали и бросили в крапиву. Павел орал: «Мам-ка!»,— и это было смешно. Прибежала плачущая Катерина, расталкивая всех, вынесла Павла из крапивы. Кто-то предложил:

— И ее свяжем!

Окружили. Катерина вырвалась и стала кидать в них камни.

В это время и закричали мальчишки:

— Пелагея идет! Пелагея идет!

Павел сидел дома, успокоившийся, обласканный и тихий. Рядом стояла Катерина и гладила его по голове.

Когда вошла Пелагея, Катерина, потупившись, отодвинулась от Павла, произнесла:

— Пришла матушка! — и заплакала.

Пелагея обняла ее и расцеловала.

— Бери Павла, бери, если любишь и жалко тебе его.

— Я согласна,— тихо прошептала Катерина.— Вот ребеночек у меня... уже дышит.— Катерина положила на живот полные белые руки и густо покраснела.

Пелагея уважительно взглянула на сына. Ну вот и стала она как мать свободна...

Свадьбы никакой не играли, просто Катерина перебралась с тремя ребятишками из своей юрты жить к Пелагее. Вдвоем женщины обновили плетни, пропололи огороды, заготовили дров. Пелагея отдала Катерине денежные сбережения и свою избу.

Теперь она присмирела и подолгу лежала, думая о чем-то своем. Ей было остро жаль, что всю жизнь тратила силы и душу на жалость к сыну и к самой себе, на охоту и нелюбовь к соседям... Вот она такая здоровая и бесстрашная женщина, а жизни-то настоящей и нет. Да, и ей этот мир тесен и мал, как плотогону Григорию!

Стал ей сниться по ночам Дымов — крепкий русоволосый мужчина со светлой бородкой, его голос и разговор о том, что он искал марганец — нашел железо, что и рудник разобьют, и город поставят, и будет она жить в этом городе, рядом с хорошими людьми.

Вот ее добыча, и никому она ее не отдаст! «Как же без проводника-то?.. Нет у них проводника-то!»— и думала о себе с уважением, будто без нее они никак не смогут обойтись.

Каждую ночь полыхают над тайгой душные июльские зарницы. Меж трех падающих сосен, на скале, с которой видны по одну сторону Вижайский лежневый тракт, а по другую — далекий Суеват-Пауль, простаивала охотница Пелагея и все смотрела и смотрела на тайгу, на далекие дымки мансийских юрт, на горные кряжи, на синие ленты рек и чаши озер...

Однажды утром Пелагея исчезла. Она ушла, не простившись с сыном и Катериной. Куда, никто не знает. Через две недели в деревне спохватились о ней. Катерина приставала к рыбакам, отплывающим далеко по реке, к охотникам, уходившим в тайгу, с просьбами поискать ее. И сама Катерина, и Мухин, и Павел неделю бродили окрест в поисках Пелагеи, но так и не нашли. Больше ее нигде не видели. Одни говорили, что она утопилась, другие, что сошла с ума и где-то пропала, а третьи махали рукой: так ей и надо! Один проезжий человек сказал, что видел охотницу с геологами на Черемуховой речке, но ему не поверили.

Тем и закончилась эта грустная история, которая никогда не повторится, потому что другой такой Пелагеи в деревне нету.

Колхозный дом для престарелых

Этот большой белый дом возле молодого парка в станице Старо-Корсунской, Краснодарского края, отдан в распоряжение престарелых тружеников колхоза имени Буденного. Одиноких стариков кормят, одевают за счет колхозной кассы взаимопомощи. Во дворе молодой сад, небольшой огород, всюду чисто, опрятно.

Кто же здесь находится?

Устинье Ивановне Зайцевой 75 лет.

— Живем мы в полном достатке,— говорит она.— В доме тепло, уютно. Есть радиоприемник, патефон. Свежие газеты, журналы всегда на столе. Кино смотрим бесплатно.

Устинья Ивановна Зайцева проработала в колхозе 20 лет свинаркой. За эти годы она вырастила огромное стадо — 5 100 свиней.

Пока позволяла погода, обедали во дворе, на воздухе.

Фото А. Кельберга.

Вечером собрались послушать граммофонные пластинки.

К старости Зайцеву постигло большое горе: умерли у нее все родные, и осталась она, как казалось ей, совсем одна.

Но колхоз позаботился о заслуженной труженице, обеспечил ее всем необходимым. Однако, отдыхая, Устинья Ивановна не забыла дороги на свиноферму. Она часто там бывает, проведывает молодых свинарок, дает им советы.

— В колхозе теперь четыре свинофермы,— рассказывает Зайцева,— около двух с половиной тысяч свиней. А свинарок-то старых да опытных мало осталось. Вот придешь на ферму, соберешь свинарок, расскажешь, как, бывало, ночи не спали, за малышами следили, выхаживали.

В доме для престарелых вы встретите и Авксентия Федоровича Ковшарова, 117 лет, и его жену Харитину Дмитриевну, 101 года, и других стариков, ушедших на заслуженный отдых.

Наталья Елисеевна Могилевская — заведующая домом — показала нам все помещения. Комнаты просторны, светлы, и от каждой из них веет хорошим домашним уютом. Радуют глаз обилие цветов, тюлевые занавески на больших окнах, новые широкие кровати в белых чехлах с красивыми одеялами и большими пуховыми подушками.

Заботливо оборудован красный уголок, где вечерами после ужина собираются старики.

Таких домов для престарелых, как у буденновцев, в Краснодарском крае уже двадцать.

С. БРАТОЛЮБОВ

Макет двенадцатого квартала.

Новые Черемушки, квартал № 12...

Интервью «Огонька»

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ,
первый заместитель председателя исполкома Моссовета, начальник Главмосстроя

Мне довелось ознакомиться с только что вышедшим из печати схематическим планом Москвы. На нем обозначены достопримечательности города, старые и новые, начиная от седых стен Кремля и кончая железобетонной громадой стадиона в Лужниках. Плотный широкий лист карты свидетельствовал о том, как быстро меняется облик Москвы, как растет столица. Однако недолго суждено этой карте оставаться «актуальной»: жизнь быстро движется вперед.

Новые Черемушки вопреки своему благозвучному названию совсем недавно представляли собой огромную свалку. Ныне это жилой массив с населением в десятки тысяч человек. Но составители плана даже не упомянули про Новые Черемушки. Правда, никем пока не узаконено, что они часть Москвы, быстро раздвигающей свои границы. И сейчас возник редкий казус: стройки, школы, больницы в Новых Черемушках городские, а торговая сеть все еще в подчинении у областных организаций.

Московские строители по праву гордятся Новыми Черемушками, называют их полигоном широкого экспериментирования. Здесь отрабатываются приемы, нормы, эталоны, которые впоследствии лягут в основу всего нашего массового строительства. В одном квартале, по счету девятом, проверят архитектурно-планировочные и объемно-пространственные решения домов и квартир, в другом, одиннадцатом,— прогрессивные конструкции, а рядом...

Дата рождения двенадцатого квартала — август 1956 года. И вот уже бригады, вооруженные современной техникой, приступили к выполнению «нулевого цикла». Так на языке строителей именуется вступительная часть работ, завершающаяся возведением фундаментов.

Заглянем в ближайшее будущее.

Отделенный от соседей полосами деревьев и кустарников, двенадцатый квартал состоит из трех зон: центральной и двух боковых. В центральной — школа на 880 учащихся, детский сад и ясли, магазины, стадион, хозяйственный блок с клубом, библиотекой, прачечной. Обе жилые зоны насчитывают по восемь одинаковых пятиэтажных крупноблочных домов прямоугольной формы. Но их однотипность отнюдь не означает унылой монотонности. Дома расположены не в одну строку, а свободно, с разрывами, с отступами от «красных линий». Благодаря блокам с углубленным рельефом достигается разнообразие фасадов, а зелень и цветы перед домами создают живую игру красок.

В чем же новизна двенадцатого квартала? Прежде всего в том, что это первый в Москве опыт застройки большой территории домами со стенами из крупных шлакобетонных блоков весом до трех тонн. Строительство на потоке дает серьезный выигрыш времени.

Вспомните, как обычно «начиняются» квартиры. Сюда тянут вводы для газа, водопровода, теплоснабжения, канализации. Трубы приходится прокладывать в стенах. Это дорого и трудоемко, не говоря уже о том, что они портят внутренний вид помещения. В домах двенадцатого квартала вместо многих не связанных друг с другом труб применят санитарно-техническую панель, сошедшую с конвейера. Она объединяет в себе всю систему трубопроводов. После установки панели строителям останется лишь подключить к ней санитарные приборы и газовую плиту. И снова существенная экономия времени.

Мы не встретим в квартирах батарей отопления. Тепло дадут монтируемые вместе с блоками отопительные панели, в теле которых заложены змеевики. Такой же принцип принят и на лестницах. Только там тепло будут излучать плиты лестничных площадок.

Известно, что устройство перегородок между комнатами и квартирами отнимает немало труда и времени. Дома двенадцатого квартала получат перегородки, изготовленные путем прокатки на специальных станах. Кстати, первое предприятие по выпуску перегородочных панелей размером в стену комнаты уже вступает в строй.

То, к чему мы давно стремились, близко к воплощению. Строительство переходит в более высокий класс культуры. Вы не услышите в двенадцатом квартале привычного для строек шума и грохота, не увидите ни штабелей кирпича, ни бревен, ни металла.

Мы присутствуем при рождении домов, все элементы которых поставляются на стройки в готовом виде. Труд каменщика становится здесь ненужным. Здание сооружает комплексная бригада из двенадцати человек — монтажников и такелажников, обладающих техническими навыками и знаниями. На смену им впоследствии придут сантехники и отделочники. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что недалеко время, когда строительные площадки полностью превратятся в монтажные, а слова «строительство дома» будут заменены словами «сборка дома».

Как известно, о достоинствах здания надо судить и по его экономическим показателям. Приведу несколько цифр, убедительно говорящих об экономической выгодности двенадцатого квартала. На сооружение кубометра дома из кирпича затрачивается примерно 1,2—1,4 человекодня, а в крупноблочном доме — 0,6—0,7 человекодня.

Лучшая пятерка каменщиков в состоянии уложить за смену от силы 8 тысяч кирпичей, другими словами, 20 кубических метров стены. В переводе на язык крупноблочной технологии это равнозначно 10—15 блокам, в зависимости от размера. А на их установку уходит не более трех часов. Как видите, эффект весьма значительный.

Три месяца — срок, необходимый строителям от момента окончания «нулевого цикла» до предъявления дома к сдаче. Мы рассчитываем, что в декабре — марте 16 домов один за другим будут заселены.

Таковы черты индустриальности, технического прогресса в строительстве Москвы. Год от года, месяц от месяца они становятся заметней. И каждый очередной квартал приносит новые успехи в развитии советского строительного мастерства.

Так будут выглядеть новые дома.
Рисунок архитектора В. Свирского.

ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМПОЗИТОР

К 100-летию со дня рождения С. И. Танеева

А. СВЕШНИКОВ,
директор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

С. И. ТАНЕЕВ.

Думая о жизненном и творческом пути автора «Иоанна Дамаскина», «Орестеи», симфонии c-moll и множества других произведений, вошедших в сокровищницу русской музыки, знакомясь с деятельностью С. И. Танеева в роли директора Московской консерватории, музыкального исполнителя, педагога, теоретика, нельзя не удивляться масштабности его многогранного творческого труда.

Сергей Иванович Танеев пользовался любовью и уважением среди своих учителей, и товарищей, и учеников. Когда Танееву был всего 21 год, П. И. Чайковский — его учитель, а затем и лучший друг Сергея Ивановича — писал: «...только близкие ему люди знают, сколько бесконечной доброты, какой-то идеальной честности и, можно сказать, душевной красоты в этом невзрачном на вид, скромном человеке». Другой корифей русской музыки, С. В. Рахманинов, имевший счастье быть учеником Танеева и близко наблюдать его в течение многих лет, в некрологе говорит о Танееве не только как о первоклассном художнике, но и человеке большого благородства.

А. К. Глазунов, называя С. И. Танеева «мировым учителем», указывал и на то, что вся его жизнь может служить примером бескорыстия, суровой требовательности к себе, верности своему призванию.

Эти нравственные качества особенно сильно сказались во время бурных событий 1905 года. Возмущенный деспотическими действиями директора В. Сафонова, Танеев демонстративно вышел из состава профессуры. Нелегким был этот разрыв с учебным заведением, которому он отдал почти всю свою жизнь. Но ничто не остановило Танеева, и его мужественный и решительный шаг вызвал целый поток благодарственных приветствий, телеграмм, писем. Тогдашнее настроение передовой интеллигенции прекрасно выразил в своем письме к Танееву великий русский композитор Римский-Корсаков, назвав его «непримиримым врагом произвола и неутомимым борцом за правду».

Для творческой деятельности С. И. Танеева характерны непоколебимая верность реализму, всегдашние поиски точного, выразительного музыкального языка, стремление раскрыть глубину и красоту человеческих чувств.

Танеев всегда верил в духовную силу народа, в его неиссякаемую творческую мощь; в ней он видел залог новых, еще более значительных побед национальной русской музыки. «Прочно только то, что корнями своими гнездится в народе»,— говорил он, питая глубокий интерес к народной мелодии. Сергей Иванович был одним из создателей так называемой народной консерватории. Он любил говорить о «неисчерпаемом богатстве народной музыки», о «богатых музыкальных силах, заложенных в недрах русского народного гения». «Надо заботиться,— призывал Танеев,— чтобы дремлющие творческие силы нашего музыкального народа пробились наружу и проявили себя в созданиях, стоящих на уровне тех бессмертных народных мелодий, которые составляют недосягаемые образцы для нас, ученых музыкантов».

Требуя всестороннего изучения фольклора, Танеев сам записал и обработал много русских и украинских народных песен, опубликовал интересную запись о музыке народов Кавказа. Известны его активное участие в работах Московской музыкально-этнографической комиссии, сочувственное отношение к деятельности собирателя русского музыкального фольклора М. Е. Пятницкого.

Работа над русским фольклором благотворно сказалась в творчестве Танеева, сообщив ряду его произведений свободное дыхание, широкую песенность, светлую лирическую окраску, богатство и многообразие интонаций, которые так характерны для нашей народной песни.

Для нас, педагогов, воспитывающих молодых музыкантов, исключительный интерес представляет учебная практика выдающегося композитора. Правда, эта сторона деятельности Танеева нуждается еще в специальных исследованиях, и было бы жаль, если бы из-за недостатка таковых исчезла хотя бы малейшая крупица драгоценного опыта. Ведь именно С. И. Танееву мы обязаны расцветом многочисленных талантов, обогативших нашу музыкальную культуру, талантов ярких, выдающихся, самобытных. Среди его воспитанников — А. Скрябин, С. Рахманинов, К. Игумнов, А. Гречанинов, С. Ляпунов, Н. Метнер, З. Палиашвили, И. Сац, С. Василенко, Р. Глиэр, А. Александров и много других замечательных мастеров музыкального искусства.

Замечательный художник, великан русской музыки и удивительный трудолюб, С. И. Танеев необычайно обогатил жанры камерно-инструментальный и камерно-вокальный.

Может быть, не все равноценно в наследии этого замечательного композитора, но разве был в мире большой художник, создававший всегда произведения одного уровня? Взятое в целом, творчество С. И. Танеева является утверждением искусства, служащего идеям добра и света.

У картины Леонардо да Винчи, драгоценной жемчужины Эрмитажа, собрались рабочие паровозоремонтного завода. Это большие друзья музея. По воскресным дням в театре Эрмитажа они слушают лекции.

Сокровищница мировой культуры

Н. СВЕТЛОВА, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Сегодня воскресенье.

На улицах Ленинграда много народа. По мостовой шагает группа школьников. Они проходят по Дворцовой площади на набережную Невы и останавливаются перед входом в Эрмитаж. Здесь приходится немного подождать. Несмотря на то, что музей расположен более чем в трехстах залах, он не вмещает сегодня всех экскурсантов.

С самого начала осмотра внимание посетителей привлекает архитектура Эрмитажа и Зимнего дворца, колоннады, торжественные марши лестниц, лоджии Рафаэля, плафоны и орнаментированные стены залов.

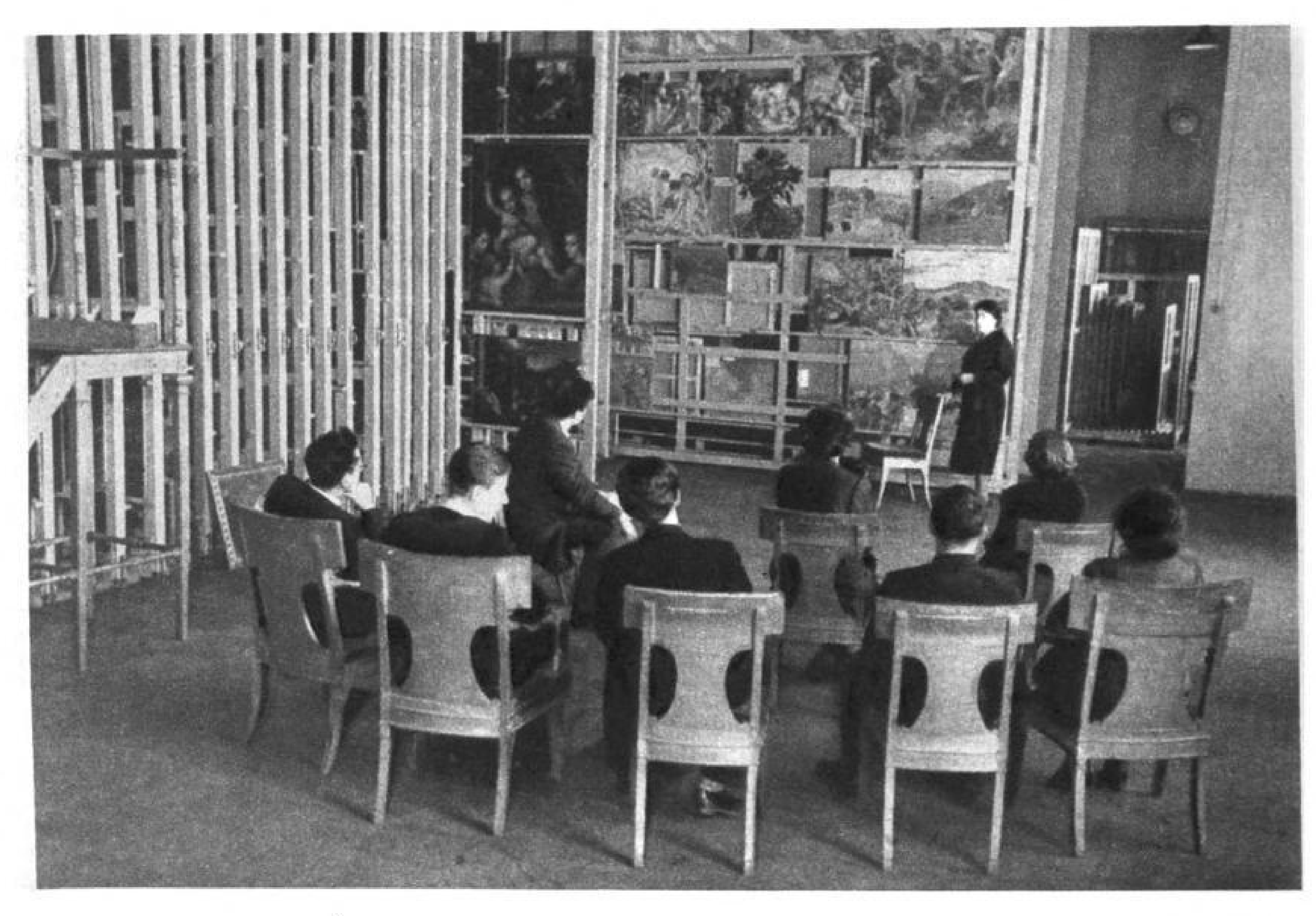
Чтобы осмотреть Эрмитаж, надо пройти по его залам 25 километров. Но истинных любителей искусства это не может смутить. Если вы обратитесь в экскурсионное бюро, первое, что вас спросят: сколько времени в вашем распоряжении? В зависимости от этого вы можете выбрать трехчасовую обзорную экскурсию по Эрмитажу и цикловые трех-, четырех-, десятиразовые, рассчитанные на неделю, месяц и на весь зимний сезон.

Ни один музей в мире не может сравниться по числу посетителей с Эрмитажем — полтора миллиона человек за год!

Так советская действительность переосмыслила значение слова «эрмитаж», означающего «жилище отшельника», «уединенный уголок». Дворцовый музей возник в XVIII веке. В ту пору его имели право посещать даже не все до-

В то время, когда самые ранние посетители Эрмитажа ждут открытия музея, здесь уже идут занятия смотрителей залов. Научный сотрудник Т. Т. Коршунова проводит сегодня беседу с техническим персоналом. Она знакомит своих слушателей с работами крупнейшего скульптора Италии XVIII—XIX веков Антонио Кановы. Во время своей работы дежурные охраняют порядок в залах. Но посетители часто обращаются к ним с самыми разнообразными вопросами: где посмотреть картины Гвидо Рени или сибирские археологические раскопки; как пройти в залы искусства Голландии XVII—XVIII веков, Георгиевский зал; где карта СССР из русских самоцветов?.. Чтобы ответить на многочисленные вопросы экскурсантов, дежурные должны сами хорошо ориентироваться в экспозиции музея.

В экспозиции Эрмитажа два миллиона экспонатов, но фонды музея значительно богаче. В специально оборудованном хранилище на стеллажах в определенном порядке расположились еще многие тысячи полотен, скульптур... Здесь искусствоведы, студенты и аспиранты художественных институтов могут более подробно изучить творчество интересующего их живописца, искусство той или иной эпохи. Антонина Григорьевна Барская знакомит группу болгарских искусствоведов с французским искусством конца XIX века.

пущенные ко двору. «Всем этим любуются я да мыши», — писала Екатерина II в письме к французскому философу Гримму об Эрмитаже.

За последние десятилетия бесконечно увеличилось число посетителей, во много раз выросло и само собрание Эрмитажа. Музею по решению советского правительства предоставили все здание Зимнего дворца.

Старейший, опытный художник-реставратор Ф. А. Каликин восстанавливает недавно приобретенную Эрмитажем византийскую икону XIV века. За свою долгую работу в Эрмитаже замечательный мастер вернул к жизни много великих творений. В этой же мастерской работает его ученица А. М. Малова.

Сейчас в Эрмитаже больше двух миллионов экспонатов. Это все подлинные, уникальные памятники искусства.

В отделе, рассказывающем о многовековой культуре зарубежного Востока, есть экспонаты, пережившие десятки веков. В Эрмитаже хранится мумия египетского жреца Петесе, жившего 3 тысячи лет назад. Тут же можно увидеть папирусы, которые относятся к XXII—XXI векам до нашей эры.

Глубокие и различные чувства вспыхивают у зрителей, проходящих по залам европейского искусства. Осматривая произведения лучших живописцев Италии, Франции, Германии, Англии, памятники русской культуры и искусства, вы не раз услышите и непосредственные возгласы восторга и мнение профессионала, который будет подробно разбирать достоинства картин. И уж обязательно к вам обратится мальчуган в школьной форме с неизменным вопросом: как пройти в Рыцарский зал?

Частью отдела русской культуры является знаменитая портретная галерея Отечественной войны 1812 года. Об этой галерее у А. С. Пушкина есть строки, которые теперь высечены на стене:

У русского царя
в чертогах есть палата:
Она не золотом,
не бархатом богата...
Толпою тесною художник
поместил
Сюда начальников
народных наших сил,
Покрытых славою
чудесного похода
И вечной памятью
двенадцатого года.

В Эрмитаже есть несколько комнат, в которые заходят только сотрудники музея: реставрационные мастерские, химические лаборатории, рентгеновский кабинет. Здесь идет повседневная большая работа, о которой мало знают посетители музея.

За час до открытия музея научные сотрудники обходят залы, внимательно осматривая каждую картину: нет ли трещин, отслоения красок, не запылилась ли она. «Заболевшие» картины срочно отправляют на «лечение» в реставрационную мастерскую, «подозрительные» — на профилактику. Опытные диагносты с помощью рентгеновских и инфракрасных лучей определяют «заболевание» и возможность «лечения», подлинность живописи.

Благодаря рентгеноскопии работники музея сделали немало важных и интересных открытий в искусстве. Долгое время на широко известной картине Тициана «Несение креста» передний план был закрыт оградой, и эта композиция считалась тициановской. Рентгеновские лучи показали, что часть подлинной живописи Тициана была закрыта изображением каменной ограды, которая как бы отделила зрителей от Христа.

Вот на исследование в рентгеновский кабинет попадает портрет красивой молодой женщины, одетой в красное платье. А рентгеновский снимок обнажает ее тело, показывает подлинную живопись неизвестного художника Возрождения, позже стыдливо прикрытую.

Затем дело за реставраторами. Медленно, кропотливо эти мастера совершают чудеса, оберегая и восстанавливая каждый миллиметр живописи великих творцов.

И зрители снова видят в экспозиции картины, как бы не тронутые временем. А то, что посетители Эрмитажа не замечают трудоемкой, кропотливой работы сотрудников музея, пожалуй, самая хорошая рекомендация ей.

В один из воскресных дней в Эрмитаж пришел старый путиловский рабочий Александр Карпович Мирошников со своей семьей. Не только красота Малахитового зала, созданного по проекту архитектора А. П. Брюллова — шелковистые малахитовые колонны, пилястры, золоченый орнамент потолка, резной рисунок цветного паркета,— нет, не только это привлекло сюда сегодня Александра Карповича.

В этом зале до первого выстрела с крейсера «Аврора» заседало Временное правительство. Александр Карпович рассказывает своему внуку, как 25 октября 1917 года с винтовкой в руках он штурмовал Зимний.

Саломонс ван Рейсдаль. Около **1600—1670.** СТАДО НА ОПУШКЕ ЛЕСА.

Государственный Эрмитаж.

Франц Гальс. 1585(?) — 1666. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. Государственный Эрмитаж.

Чей это почерк?

Василий Петрович Юдин: «Почерки как будто разные, а написаны обе бумаги одной рукой».

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

Смешной, но поучительный случай приключился с преподавателем-доцентом Московского заочного педагогического института. Его злоключения — результат собственной трусости, обошедшейся ему в немалую сумму — ровно в пять тысяч рублей.

Однажды сосед доцента по квартире, механик по ремонту кассовых аппаратов Н. В. Ильин, вернувшись с улицы, сказал, что у подъезда какой-то неизвестный спросил его, тут ли живет такой-то преподаватель института, и, получив подтверждение, исчез.

Доцент ходил озабоченный: кто бы это мог быть? Вскоре пришло на его имя письмо. Оно было написано рукой малограмотного человека и начиналось словами: «Многоуважаемый Н. Г.! Извените за беспокойства». Несмотря на такое вежливое вступление, содержание письма было грубым: автор анонимки от имени группы своих сообщников требовал от доцента пять тысяч рублей, угрожая в случае отказа или заявления властям «финку в бок и глаза долой».

Тут-то и проявилась натура доцента. Он мучительно решал: давать или не давать деньги? Обратиться к властям за защитой или молчать? И он решил подчиниться: черт с ними, с деньгами, спокойствие дороже! Вот и сосед Ильин, ставший первым его советчиком, рассказал, что еще до войны с ним произошел аналогичный случай: он отдал деньги, и больше к нему никто не приставал.

А доценту меж тем чудилось, что за ним неустанно следят. Страх нарастал.

Через несколько дней Ильин вернулся с работы встревоженный:

— Они меня опять подстерегли. Дали письмо для вас. Кончайте с ними, а не то и себя и меня погубите!

На этот раз письмо содержало такое же вежливое начало, но дальше было более конкретным: предлагалось вручить пять тысяч «подателю сего», который передаст у входа в ресторан «Днепр» деньги неизвестным; они будут ждать его в условленный час. В заключение снова фигурировала «финка в бок и глаза вон».

Теперь доцент, не задумываясь, вручил Ильину деньги.

А вскоре прибыла телеграмма:

«От вас все получено. Благодарим вас коллективом. Ждите письмо».

«Ждите письмо»... Что им еще нужно?

Кто-то из знакомых преподавателя все же сообщил следственным органам об угрозе, нависшей над доцентом. И потребовалось всего несколько дней, чтоб раскрыть это нехитрое мошенничество. Вымогателем был, как нетрудно догадаться, Ильин, прекрасно изучивший трусливый нрав своего соседа.

...Перед нами два анонимных письма, так испугавшие доцента, и подлинник «благодарственной» телеграммы.

Их показывает Василий Петрович Юдин, старейший эксперт-график, человек необычной профессии. Он уже чуть ли не тридцать лет занимается исследованием документов, выявлением невидимого текста, проверкой подлинности подписей, определением почерков.

— Определить автора анонимных писем и телеграммы было не трудно, — рассказывает Василий Петрович. — Как ни старался Ильин изменить почерк, обман был раскрыт. Внешне почерки могут казаться разными, но если внимательно, кропотливо изучить характер письма, обнаружится сходство. То одинаково соединяются некоторые буквы между собой, то совпадают особенности при написании отдельных букв, то обращают на себя внимание характерные упрощения. Вот и получается, что внешне почерки разные, а принадлежат они одному лицу.

Конечно, нередко встречаются и сходные почерки, до того сходные, что и специалист сразу не разберется. Но опыт, умение и настойчивость безошибочно раскрывают правду. Поэтому заключение эксперта-графика является для суда важнейшим доказательством.

И в деле с анонимными письмами эксперт дал категорическое заключение: они написаны Ильиным! Народный суд воздал их автору по заслугам.

Василий Петрович, рассказывая об этом, провел нас в комнату, где сидели, склонившись над столами, эксперты. Одни разглядывали в лупы лежавшие перед ними бумаги, другие изучали пожелтевшие от времени документы, третьи старательно выводили какие-то знаки на разграфленных листах.

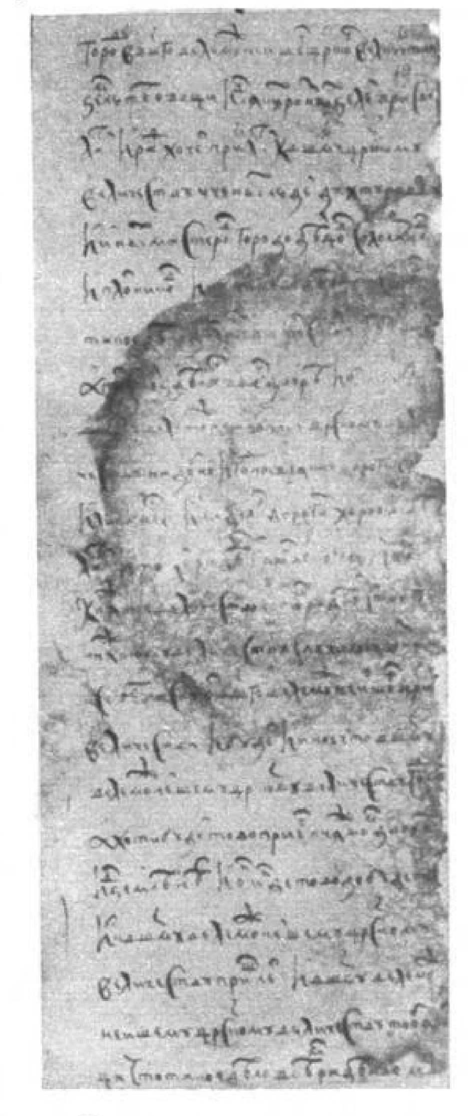
Нина Федоровна Симачева, молодая еще женщина, но опытный эксперт-график, держала перед собой несколько исписанных листков. То, что она делала, называется разработкой почерка. Попросту говоря, она старательно изучала каждую букву исследуемого документа. В разграфленный лист она заносила точное воспроизведение букв, как они написаны автором в начале, в середине и в конце слов. Она сравнивала их с образцом почерка того лица, который, по предположению, писал исследуемый документ.

— Она не виновна! — коротко бросила Симачева. — Не ее почерк...

Эти слова она произнесла, обращаясь к Василию Петровичу Юдину. Вот о чем шла речь. Людмилу М. вызвали в милицию и сообщили, что дело по обвинению ее в спекуляции передается в народный суд.

— Какая спекуляция?! Я ничего не понимаю! — возмутилась она.

Этот документ был написан в 1602 году. Темные пятна удалось уничтожить, и текст раскрылся заново.

— В ГУМе.

— Я не была в ГУМе.

— Вот ваша подпись под протоколом, а вот и расписка в получении возвращенных вам денег.

— Ничего не понимаю: в ГУМе я не была, протокола не подписывала, денег не получала. Какая-то ошибка!

Она представила справку: весь тот день, не отлучаясь, была на работе. Она дала образец своего почерка, чтобы убедить, что подпись под протоколом и расписка в получении денег написаны не ею.

Да, чуть было не совершилась ошибка, но Симачева предупредила ее. В ГУМе задержали спекулянтку, которая назвалась фамилией Людмилы. Не проверив этого, ее отпустили. А теперь Людмила едва не стала без вины виноватой. На грех еще, почерк Людмилы и спекулянтки, ловко ускользнувшей из рук милиции, оказался на редкость сходным. На первый взгляд, писал один человек. Так показалось вначале и Симачевой. Но потом, тщательно изучив отдельные буквы, она заметила еле видимую разницу. Только кропотливый сравнительный графический анализ позволил установить различия в деталях.

Рядом с Симачевой сидит за столом ее подруга Галина Павловна Квашнина.

В практике Квашниной тоже был случай, когда она пресекла возможную ошибку.

Квартирные кражи воровка совершала по одному методу: она звонила в дверь и спрашивала кого-либо из отсутствовавших членов семьи.

— Можно видеть Валентину Ивановну?

— Ее нет дома.

— Разрешите оставить ей записку.

Пока искали бумагу и карандаш, воровка брала что-нибудь ценное и исчезала. Оставалась только записка: «Вал. Иван. Была у вас, не застала. Таня». Бывали и варианты: она подписывалась разными именами.

И вот следователь позвонил, что преступница задержана, но нужна помощь эксперта-графика. Она не сознается, хотя две потерпевшие ее опознали. На экспертизу посылаются записки, оставленные воровкой, и образец почерка подозреваемой.

Квашнина работала долго и терпеливо. Она несколько раз проверяла себя, пока не заявила категорически:

— Не она!

— Как же так?! — возмутился следователь.— У нас есть улики, да и потерпевшие узнали ее.

— Не она! Не ее почерк!

Экспертиза оказалась правильной. Через некоторое время задержали настоящую преступницу.

А вот еще один случай.

Об одной интеллигентной женщине, окончившей МГУ, матери трех детей, уже несколько лет шла недобрая слава. Ее отношения с соседями становились все хуже, хотя и без видимых причин. Она не понимала, почему всякий раз ей бросали в лицо обидное слово: «Доносчица!» Она стала нервной, раздражительной и нередко в кухонных перебранках уже выходила из себя.

Наконец все разъяснилось: в различные организации поступали за ее подписью заявления, возводившие напраслину на соседей.

Потребовалась экспертиза. На стол к эксперту легли собранные со всех учреждений исписанные мелким почерком листки бумаги с клеветой на ни в чем не повинных людей. И под каждым заявлением после слов «по поручению жильцов» стояла фамилия, написанная четко и разборчиво.

Конечно, это был не ее почерк.

Разговор с жильцами состоялся прямой и откровенный. Хорошие отношения были восстановлены.

...На графическую экспертизу поступают и документы, имеющие историческую ценность. Экспертам приходилось решать вопрос о том, написано ли письмо рукой Пушкина, был ли Лермонтов автором какого-нибудь четверостишия.

В руках у Сергея Семеновича Абакумова мы увидели пожелтевшие от времени листы бумаги. Они присланы из Центрального государственного архива древних актов с просьбой к экспертам прочесть зачеркнутые, выцветшие и залитые чернилами места.

Вот другой документ, относящийся к 1602 году. Он написан скорописью, но текст его, как выражаются специалисты, погас, выцвел и настолько отсырел, что по бумаге расползлись сплошные темные пятна. Этот документ характеризует отношения России с Тосканой и говорит об отправке сына придворного врача Бориса Годунова на обучение в Италию. Путем подбора сверхконтрастного проявителя часть документа уже восстановлена, и там, где были большие пятна, оживают слова, написанные более чем 350 лет назад.

...Так работают эксперты-графики, возрождающие к жизни документы седой старины, читающие невидимые тексты, помогающие правосудию стоять на страже законности.

Г. П. Квашнина у аналитической кварцевой лампы.

Кадр из фильма «Тайна двух океанов». Слева направо: профессор Лордкипанидзе — В. Нинуа, Дружинин — П. С. Соболевский и капитан Воронцов — С. Д. Столяров. Производство «Грузия-фильм».

На киностудиях страны

«Грузия-фильм»

— Какие перемены в работе вашей студии произошли в последнее время? — спросили мы у директора Грузинской киностудии Г. И. Гиголашвили.

— Поворот в нашей работе начался с выпуска фильма «Стрекоза» режиссера С. Долидзе,— сказал Г. И. Гиголашвили.— В 1955 году студия выпустила пять фильмов. Среди них «Лурджа Магданы», отмеченный премией на недавнем Международном фестивале кинофильмов в Каннах. В этом году зрители ознакомились уже с двумя новыми кинокартинами «Грузия-фильм» — «Песня Этери» и «Тень на дороге». В последнем фильме дебютирует молодая способная киноактриса Лия Элиава.

Недавно студия закончила работу над фильмом «Тайна двух океанов». Этот фильм соединяет в себе любимые зрителем, но чрезвычайно трудные для воплощения жанры: он и приключенческий и научно-фантастический. Фильм в двух сериях по одноименному роману Г. Адамова снимал режиссер К. Пипинашвили. Съемочной группе приходилось много работать над сложными комбинированными съемками, так как большинство эпизодов происходит под водой.

Работаем мы и над комедией «Заноза». Занозой прозвали веселую девушку-шофера, в которой зритель узнает уже виденную в «Стрекозе» актрису Леилу Абашидзе. До конца года студия выпустит еще две картины: «Баши Ачуки» — из прошлого Грузии — и лирическую комедию Г. Мдивани «Наш двор».

Сейчас мы выпускаем в год пять — шесть художественных фильмов, к концу пятилетия увеличим это количество до десяти. В ближайшее время предполагается расширение площади студии.

И. МЕСХИ

Студия дебютантов

В Одессе любят кино, любят и знают его деятелей. Стоит на улице появиться актеру, режиссеру, как тут же любой встречный мальчишка вам сообщит, в каких фильмах этот актер снимался, кого играл, и уж непременно добавит: «Съемки-то у нас проходили».

Да, многие режиссеры натурные съемки проводили в Одессе: обилие солнечных дней, море... А зимой здесь было затишье.

Одесская студия ныне зажила полнокровной творческой жизнью. Актеры, режиссеры, сценаристы, операторы, лаборанты, монтажницы, художники, осветители — все здесь молодые и почти все создают первый фильм.

Над своей первой ролью в кино работала московская школьница Лена Доброхотова, снимаясь в фильме «Я с тобой, Фернана». Действие этой картины происходит в капиталистической стране, герои — юные борцы за мир и среди них маленькая Анита, которую играет Лена. Имена автора сценария А. Батрова и режиссеров фильма В. Кочетова и Е. Некрасова также мало известны любителям кино.

Еще занимаясь в Государственном институте кинематографии, Ф. Миронер и М. Хуциев написали вместе сценарий «Градостроители», по которому впоследствии снимали дипломные работы. Темой сценария была жизнь рабочей молодежи. Когда представилась возможность на Одесской киностудии сделать первый самостоятельный фильм, дебютанты вновь обратились к полюбившейся и знакомой им среде рабочей молодежи и создали фильм «Весна на Заречной улице».

В фильме много новых исполнителей. Это молодая актриса Нина Иванова — исполнительница роли учительницы Татьяны Сергеевны, студентка Государственного института кинематографии В. Пугачева (Зина), участник самодеятельности Н. Ключнев (Федя). Новые черты дарования проявил артист Н. Рыбников (Саша).

Скоро на экраны страны выходит и другой фильм Одесской киностудии — «Капитан старой черепахи» — по повести Л. Линькова. Режиссеры Г. Габай и В. Воронин также недавние выпускники ВГИКа.

О дружбе и любви, о выборе жизненного пути по окончании школы рассказывает картина «Повесть о первой любви», которую ставит режиссер В. Левин по повести Н. Атарова. Режиссер В. Жилин снимает фильм «Моя дочь» (автор — Н. Таубе) — о воспитании детей в семье. В этом фильме зритель встретится с известными актерами В. Аксеновым, О. Жаковым и другими. Главную роль играет молодая балерина Большого театра Виктория Радунская.

Студия дебютантов — так по праву можно сейчас назвать Одесскую киностудию.

И. ВЕРШИНИНА

В горах

Перец МАРКИШ

Перец Маркиш (1895—1952) — известный советский еврейский поэт, автор поэм «Братья», «Чертополох», «Война», романа «Из века в век», сборников «Рубеж» (1933), «Голос гражданина» (1938), «Стихи и поэмы» (1945). В литературном наследстве Маркиша остался ряд неопубликованных произведений, среди которых большой роман «Поступь поколений» и много стихов. Некоторые из них печатаются ниже.

БАРЕЛЬЕФ ЛЕНИНА

Нужны большие ветви эти,
Чтоб ель могучая могла
Над барельефом простереть их
Крылами вольного орла.

Вся прочность горного гранита
Нужна граниту, чтоб века
Хранил, как до сих пор хранит он,
Труды резца и молотка.

И даль с полями и холмами
И рощи над речной дугой
Нужны, чтобы в достойной раме
Нам видеть образ дорогой.

Перевела М. Петровых.

1948.

ПОЛМИРА В ТЕНИ

Луч солнца пробует себя на облаках:
Добротно ль золото его на них ложится,—
И кажутся они с земли, издалека,
Тончайшей кожей серн, что розовым лоснится.

Потом косым лучом, как пекарь помазком
По белой шапке теста с подгоревшим краем,
Оно вершины гор раскрасит, как желтком,
И вниз опустится — к избушкам и сараям.

Уже не рано... Слышится из кузни звон...
Закрыты облаками контуры Памира,
И золотой фольгой сверкает небосклон...
Но все еще в тени покоится полмира.

Перевел Давид Маркиш.

1947.

СОЛО

Когда всему молчать приходит срок
И засыпают музыканты ночи,—
Все звонче, все отточенней сверчок
В потемках озабоченно стрекочет.

Он шелковым шуршаньем входит в сон,
Он ткет в нем все, что только лишь захочет,
И ждет, в свою работу погружен,
Ничем не отделяя дня от ночи.

Поет он все смелей и горячей —
Кому на горечь, а кому в усладу.
Назначен он хранителем ночей,
Он трудится — с ним никакого сладу.

Таинственен его волшебный труд,
Не знающий границ меж днем и ночью.
С причудами, а то и без причуд
Самозабвенно он во тьме хлопочет.

Свое поет он соло. Минет срок,
И наш сверчок — теперь уже сверхсрочник.
Ему подтянет горный родничок
Или свистун — заблудший полуночник.

Они хотят парить над тишиной,
Их голоса взвиваются все выше,
Но только он царит в глуши ночной,
И спящий мир его лишь пенье слышит.

Перевел Лев Озеров.

1947.

РАДУГА

Шел дождь. И дождь ей не мешал. Она одним концом
На плечи каменной горы легла, как коромысло,
Потом, полнеба охватив сияющим полукольцом,
Она, черпнув морской воды, над тучами повисла.

Казалось, из морских глубин забил фонтан живой.
И кровь из отворенных жил внезапно запылала.
Кругом толпились облака, и радуга, как верховой,
Переметнулась через них и крепко оседлала.

Шел дождь. Светился дождь. Насквозь пронизанный зарей,
Переливался, трепетал, почти лишенный веса.
А радуга была за ним и вспыхивала над горой,
И колыхалась перед ней прозрачная завеса.

Перевел Д. Самойлов.

1948.

ГОРЫ ВЕЧЕРОМ

Они стоят во весь свой рост,
Одеты в золотое платье,
Как будто ждут с далеких звезд
Гостей желанных на закате.

Но, опустив к траве рога,
Приходит грустная корова...
За ней пастух. И тихо снова.
И тишь божественно строга.

За ними вслед ложатся тени...
Сума и палка, хлеб сухой...
И горы, сквозь туман осенний,
Обозревают их с тоской.

Идет, хотя повсюду сыро,
Пастух с коровою вперед,
Как будто он хозяин мира,
Как будто горы он пасет!

Он достает кисет пахучий,
Глядит, куда хватает глаз,
И кажется, что он сейчас
Прикурит от звезды падучей.

Перевел С. Липкин.

1947.

В ТРЕТИЙ РАЗ

— Прочь, дурень-ветерок! Не спрашивай, куда!
Дорога горная здесь колдовски петляет.
Машина, мчись вперед, свободою горда.
Встречает ветер нас, а солнце провожает.

Пространств распахнутых здесь не охватит взор,
И солнце на полях, как на стекле, блистает,
Ярясь, кидается прибой на локти гор,
Под ними облаков клубящаяся стая.

Голубизна небес рассветно глубока,
Мне замок золотой мерещится под нею.
Закинув голову, гляжу на облака,
И раскрываются глаза мои жаднее.

— Я видеть все хочу! Там тоже что-то есть!
О, жажда, ты всегда, как небо, бесконечна!
Вот ширится оно — его пространств не счесть,—
Как гимн, могучее и молодое вечно!

А ветер выкрики глотает на лету,
И я с прозрачностью, как в битвах рукопашных.
Машина к счастью мчит, и эту быстроту
Пронизывает вихрь на поворотах страшных.

Со взглядом в пропасти, с угрозою шальной,
Чтоб услыхать гудок летящего навстречу.
И налетает шум упругою волной,
Там белизна платков и радостные встречи.

Так в третий раз зарю мы поднялись встречать,
Да, в третий раз встречать у вод зеленых Рицы.
Но мало этого! Пусть через год опять
Здесь наши встретятся шаги и наши лица.

Перевела А. Ахматова.

1947.

У НАРОДНОГО ПОЭТА АБХАЗИИ

В. КОРОТЕЕВ

Поэт сидел в глубоком кресле на своем любимом месте — в углу маленькой веранды, затененной листьями винограда. Скосив глаза, он наблюдал за игрой внука с котенком, и в его глазах загорались искорки смеха. Поэт отдыхал. Но руки его, вечно трудовые, удивительно подвижные руки, не умели отдыхать; они находили сухую ветку виноградной лозы, и в знойной недвижимости осеннего дня виноградные листья трепетали под длинными легкими пальцами.

Сколько ему лет? Может быть, шестьдесят... Но почти незаметны морщины на смуглом лице, а при улыбке он обнажает совсем молодые и крепкие зубы.

Дмитрию Иосифовичу Гулиа уже за восемьдесят. У него за плечами долгая и нелегкая жизнь. Она может быть замечательным уроком молодым.

— Помните рассказ Алексея Максимовича Горького «Рождение человека»? Место действия его — между Сухуми и Очамчири, на берегу реки Кодор, недалеко от моря, где сквозь веселый шум горной речки ясно слышны глухие всплески морских волн. Так вот, я родился в этом месте — там, где белопенный Кодор вырывается из гор к Черноморью. Спасибо отцу, бедному крестьянину: он помог мне выучиться читать и писать на русском и грузинском языках у местного священника. В годы моего детства было трудно, почти недоступно абхазцу попасть в школу — легче море переплыть. Три года меня заставили ждать «вакантного места» в школе, то есть когда кто-нибудь из учеников помрет или будет уволен.

Чуть-чуть посмеиваясь, поэт рассказывает, как отец нашел на базаре писаря, выставил ему бутыль вина, чтобы тот написал прошение губернатору принять сына в школу. Писец пишет и пьет вино стакан за стаканом; по мере того, как бумага покрывается чернилами, уровень вина все понижается. И в то мгновение, когда в бутыли не осталось ни капли вина, писец поставил на бумаге последнюю точку.

— Моя настойчивость, видимо, помогла мне получить образование, и в семнадцать лет я стал учителем.

Тогда абхазской письменности не существовало, и сельский учитель Гулиа участвует в составлении абхазского алфавита, а в 1892 году издает первый букварь.

Талант Гулиа вырос на благодатной земле Абхазии, он впитал в себя красоту ее гор, грозные бури Черноморья и ласковый плеск морской волны. Дедушка абхазской литературы, как его называют,— крупнейший знаток абхазского фольклора.

— Всю жизнь я припадаю к родникам народного творчества. Я исходил вдоль и поперек всю Абхазию, изучал быт, записывал народные сказки, песни, пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, которыми очень богат язык абхазцев. Слушая рассказы стариков,— продолжал Дмитрий Иосифович,— я держал блокнот на коленях, под столом. Знаете, когда человек видит, что его речь записывают, у него язык словно костенеет...

Д. И. Гулиа со школьниками в Сухумском ботаническом саду.
Фото С. Короткова.

Первая книга Д. Гулиа вышла в Тбилиси в 1910 году. Эпиграфом к ней была абхазская пословица: «Лошадь умирает — поле оставляет; человек умирает — слово оставляет».

Елена Андреевна, жена поэта, женщина с добрыми и внимательными глазами, рассказывает, что эту книгу он издал на свои деньги — пришлось продать буйвола. Залез в долги и сам распространял книжку, а после рассылал по школам, дарил знакомым.

Изумительна почти энциклопедическая разносторонность таланта Гулиа: он историк и этнограф, прозаик и поэт, драматург и переводчик. Его перу принадлежат «История Абхазии», переводы Пушкина и Лермонтова, «Слова о полку Игореве», «Витязя в тигровой шкуре», стихотворений Тараса Шевченко; он перевел на абхазский язык «Интернационал».

Есть у Гулиа стихотворение «Река». В нем поэт рисует картину большой реки, несущей свои воды в море и отражающей в них жизнь берегов. Поэт ищет истоки реки и находит начало ее в горах.

И что ж увидел я? Из-под
камней бьет струйка...
Но играет сила в ней,
Прозрачный ручеек течет,
не тает.
Земля щедра, земля его питает.

В этом стихотворении отражена жизнь самого поэта, чье яркое и самобытное искусство свыше шестидесяти лет назад вышло из народа, словно ручей из гор.

В его произведениях — жизнь Абхазии, ее национальные традиции, песни, легенды, ее горестное прошлое и новая, светлая жизнь.

И первый абхазский роман «Камачич», о тяжкой жизни абхазской крестьянки, и драма «Призраки», в которой раскрыта трагедия семьи старика-богатея Гудима, враждующего с сыновьями, и лаконичные, весьма поучительные рассказы-новеллы, своеобразные по своей форме, и в особенности светлая лирика — все произведения народного поэта отмечены печатью большого и самобытного таланта.

В 1913 году вышла поэма Гулиа «Любовное письмо» — первый образец абхазской лирики. Стихи эти пленяют красотой внутренней гармонии и ритма. С того времени прошло почти полвека. Ныне творчество Дмитрия Гулиа известно и любимо не только в Абхазии; сегодня имя поэта любимо во всей советской стране. Гулиа говорит, что он не написал еще многое из того, что хотел: «За недоделанное я скорблю душой». Когда у него ослабло зрение, врач запретил ему писать, но поэт, как всегда, пишет, придвинув к себе свой круглый металлический столик, за которым он работает много лет. «Правда, у папы теперь не такой аккуратный почерк»,— говорит дочь поэта, Татьяна Дмитриевна, его неустанный помощник.

Поэт писал в назидание молодым: «Когда бездействуешь хотя бы день один, ты, значит, умер на день раньше срока!»

И сегодня стихи старого поэта истинно простые, ясные по своей мысли, изящные и чистые по форме, в них юношеская свежесть, неизменный оптимизм, неповторимая сердечность, добрый юмор.

Он читает нам свои стихи тихим, глуховатым голосом и изредка останавливается, чтобы посмотреть, как принимают их слушатели.

Много превосходных стихов у Гулиа о дружбе. Вот две строчки: «Счастье в сердце вырастает вдвое от того, что рядом счастлив друг».

Чувство долга перед отчизной с большой силой выражено в стихотворении «Признание».

Если мне скажет народ, что
в пустыне
Нужен я больше, чем в отчем
дому,—
Будут короткими сборы
простые,
Скоро в пустыне друзей
обниму.

Старый поэт написал немало стихов для детей, стихов теплых, образных. Он умеет выразить большое в малом. В стихотворении «Тропинка туристов» он пишет о маленьком роднике на горной тропе. Здесь утоляют жажду ребята из разных концов страны: мал родник, но он течет, не тужит; он со всей большой страною дружит. Такова Абхазия, родная земля Гулиа.

«О самом дорогом» — так назвал Гулиа свои вдохновенные стихи о партии, о Ленине, об Октябре.

Вот над землей сияет солнце,
грея
Просторы мира в ясный день
весны...
А Партия во много раз
светлее —
Ее огнем сердца озарены.

Чтение утомило старика, и разговор прерывается. Потом Татьяна Дмитриевна рассказывает о

переменах в Абхазии, о том, как изменился Сухуми.

— Видели наш парк? Когда-то на этом месте была трясина.

— В этом деле и моя лопата,— вступает в разговор Дмитрий Иосифович, — пусть немного—все же виновата...

Это он вспомнил одно из своих стихотворений.

— Я пишу, как правило, ночью, это привычка с молодых лет, когда днем мне приходилось заниматься с детьми в школе. Сейчас я не учительствую, а привычка сохранилась...

Спустя минуту он вновь заговорил.

— Для некоторых восточных поэтов характерно этакое созерцательное погружение в природу. Я избежал этой болезни, у меня нет пассивного отношения к природе. Я очень люблю могучую природу Кавказа. Особенно люблю море, часами могу сидеть на берегу, слушая неумолчный шум волн. Для меня море — живое существо, с морем я на «ты».

О чем поэт хочет писать сегодня?

— О Ленине, о дружбе народов. Очень хочется писать для детей,— вздыхая, говорит поэт, словно он сам виноват в своем нездоровье.— Написать стихи и рассказы о птицах. Знаете, я очень люблю птиц. У меня несколько лет жили шесть воробышков. Людям со стороны все они казались одинаковыми, а я всегда отличал каждого...

Мне сейчас больше восьмидесяти, — продолжает Дмитрий Иосифович, — и в этом возрасте человек может делать кое-какие выводы из своей жизни. Когда я был сельским учителем, я больше всего старался учиться языку у крестьян. А надо уметь говорить с крестьянами. Мне удавалось находить общий язык с ними потому, что я никогда не отказывался говорить с крестьянами обо всем, что вечно и живо интересует их.

Начиная свой поэтический путь, я не знал и не мог знать абхазской письменной поэзии: ее еще не было. Зато жило богатейшее устное творчество моего народа, и я, естественно, обратился к нему в поисках национальной формы.

Мои стихи и рассказы, мой роман и пьеса дают ответ на вопрос, что такое национальная форма.

Я уже как-то отмечал: нельзя научить писать отличные стихи. Знавал я людей, составлявших рецепты, как писать стихи, но они сами по своим рецептам ничего сносного не написали и мучают наш слух серыми, бесцветными стишками. Поэт тогда становится настоящим поэтом, когда он чувствует в себе общественного деятеля. Если стихи поэта еще не стали явлением общественным, это означает, что пока еще не родился настоящий поэт. В молодые годы я сложил немало стихов, они у меня не сохранились, и я не жалею об этом. Поэтом я себя почувствовал в то время, когда царские власти «заинтересовались» моим стихотворением «Ходжан Большой» и началось тайное следствие. Об этом я узнал случайно и понял тогда, что значат стихи.

Дмитрий Гулиа — заботливый воспитатель молодежи, он щедро делится своим опытом. Многим известны его статьи «Как я стал поэтом», «О поэзии и поэтах». С гордостью говорит он о том, что сегодня в Союзе писателей Абхазии 23 человека да, кроме того, более ста начинающих — вот какая буйная поросль поднимается в абхазской литературе.

— Главное для литератора — постигать веселую и озабоченную, требовательную и мудрую жизнь, труд и быт народа, его богатейший опыт. Без этого наше творчество — пустоцвет. Все для стихов — таких, как жизнь сама!

Прощаясь, Дмитрий Иосифович говорит:

— Знаете, у нас на Кавказе есть такая притча. Один спрашивает у другого:

«Что за человек твой брат?»

«Я с ним не был в дружбе, поэтому не могу сказать», — отвечает тот.

Хороший друг — это больше, чем родственник. Дружба — это сильнее всего на свете.

Взволнованный этими словами, я ухожу, унося с собой в памяти образ мудрого поэта.

Уже стоя во дворе, я вижу, как наверху, на балконе второго этажа, в листьях винограда белеет сухонькая, удивительно подвижная рука, перебирающая листья. И мне кажется, будто эта не знающая отдыха рука срослась с могучей и крепкой виноградной лозой и так же, как виноградная лоза, получает свою силу от красивой, благодатной абхазской земли.

ДВА РИСУНКА

В. В. МАЯКОВСКИЙ.
Рисунок Г. Геллерта.

ГУГО ГЕЛЛЕРТ.
Рисунок В. В. Маяковского.

В «американской» записной книжке Маяковского меня заинтересовал рисунок — изображение неизвестного лица, сделанное Маяковским в Америке.

Текст под изображением (на английском языке) гласит: «Ей-богу, вы не только великий поэт, но и художник. Гуго...»,— а дальше неразборчиво: не то «Эдлерт», не то «Хэллер».

— Кто это?—спросил я работников отдела фондов Библиотеки-музея В. В. Маяковского И. А. Успенскую, Н. М. Жебровскую и В. А. Арутчеву, вложивших много любви и энергии в дело собирания, изучения и хранения записных книжек поэта.

— Не знаем,— честно признались они.

Долго ломали мы голову, пытаясь расшифровать подпись под рисунком, и так и этак вертели ее, разглядывали под лупой — ничего не помогало.

Прошло несколько лет. Недавно в ЦГАЛИ СССР я в очередной раз перелистал альбом с вырезками из иностранных газет и журналов, составленный Маяковским для выставки «20 лет работы». Есть в этом альбоме вырезка из газеты «Уорлд» за 9 августа 1925 года — интервью Маяковского известному американскому писателю-коммунисту Майклу Голду, данное поэтом через несколько дней после его приезда в Нью-Йорк. Интервью иллюстрировано: портрет Маяковского, выполненный карандашом в твердой, энергичной манере.

Всмотрелся в подпись под иллюстрацией — и сразу все стало ясно: Гуго Геллерт.

Известный американский график Гуго Геллерт родился в 1892 году в Венгрии. В раннем возрасте вынужден был эмигрировать с родителями в Америку. Основал там в 1911 году в тесном содружестве с Джоном Ридом и другими прогрессивными американскими поэтами и писателями журнал, выходивший под названиями «Либерейтер», «Мессес», «Нью мессес» (выходит и сейчас под названием «Мессес энд мейнстрим») Сотрудничал в «Дейли Уоркер» и других коммунистических органах печати, а также в «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и т. д. Иллюстрировал «Капитал» Карла Маркса (1934). Эту свою работу посвятил памяти брата Эрнста, пролетарского революционера, погибшего в марте 1918 года — двадцати двух лет от роду — в военной тюрьме (форт Ханкок) в Нью-Йорке.

Работы Геллерта имеются в крупнейших американских музеях (Музей современного искусства, Филадельфийский музей и т. д.), есть они и у нас, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. В 1932 году художник посетил Советский Союз.

Геллерт пришел к Маяковскому, очевидно, вместе с Майклом Голдом, и пока тот брал интервью у поэта, сделал набросок, воспроизведенный выше. Но не успел он, должно быть, закончить свою работу, как Маяковский показал ему его же собственное изображение. Сходство было поразительное, чувствовалось, что рисунок сделан рукой мастера. Тут, вероятно, у Геллерта и вырвалось восклицание, которое он не преминул занести в записную книжку поэта.

С. КЭМРАД

Писательница Любовь Федоровна Воронкова Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Трудового Красного Знамени в связи с пятидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии советской литературы.

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии советской литературы писатель Иван Петрович Шухов Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За заслуги в развитии советской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения азербайджанский поэт и драматург Рустам-заде Сулейман Али Абас-оглы Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с шестидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии грузинской советской литературы писатель Пармен Онисимович Лория награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА»

ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧАЕТСЯ!

Прочитала я в вашем журнале фельетон «Дипломированная невеста». Это поучительный рассказ. В нем затронуты важные вопрсы.

Больше всего меня волнует: почему некоторые девушки, такие, например, как Соня Кожухарь из этого фельетона, не хотят ехать в село на работу?

Мне хочется сказать им:

— Не забывайте, девушки, что пройдет еще немного времени, и село станет не хуже города. Вы не узнаете его. Посмотрите, сколько молодых москвичей, киевлян, юношей и девушек многих других городов приехало на село помочь осваивать целинные и залежные земли! Сколько молодежи откликнулось на призыв партии и правительства помочь собрать урожай! И они не побоялись трудностей, поехали туда по зову коммунистов.

Приезжайте, девчата, работать в любой колхоз, и вас примут там с радостью. И в колхозах нужны кадры со средним и высшим образованием.

Правильно поставлен в фельетоне и вопрос: зачем сельскохозяйственный институт находится в Москве?..

Действительно, почему бы не перевести его куда-нибудь поближе к сельской местности? Например, на Кубань. Там и у преподавателей было бы больше возможностей для практики по своей специальности.

Лидия МАЕВСКАЯ,
закончившая десятилетку, а сейчас работающая в колхозе.

Винницкая область,
Тульчинский район, с. Васильевка.

ОЗЕЛЕНЯТЬ И БЕРЕГА РЕК

После обращения ЦК ВЛКСМ к советской молодежи с призывом начать поход за озеленение эта работа проводится у нас в Московской области, в городах и поселках, заметно активнее.

Но, к сожалению, попрежнему остаются без внимания берега подмосковных рек,— растительности здесь становится все меньше и меньше. Многие живописные уголки, где раньше можно было и позагорать на солнце и хорошо в тени отдохнуть, совершенно оголились и приобрели унылый, непривлекательный вид.

Надо помнить еще и о том, что растительность на берегах рек не только украшает пейзаж, но и предохраняет реки от обмеления.

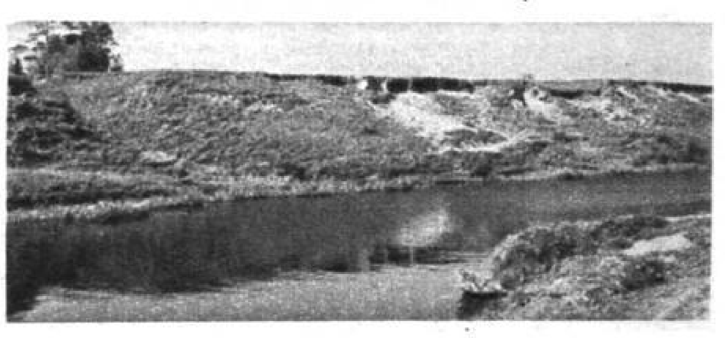
В планы озеленения надо обязательно включить посадки деревьев (например, ивы) по берегам рек и озер в местах, наиболее удобных для отдыха, недалеко от железнодорожных станций.

Инженер М. РЕВКОВСКИЙ

Берега Клязьмы между поселками Черкизово и Мурашки в 1940 году.

То же самое место в 1956 году.

Музей в руинах...

Фото автора.

Кто не знает Шлиссельбургской крепости! Еще издали, увидев мрачные крепостные стены с выделяющимися на их холодной глади башнями, невольно чувствуешь, какая крайняя безысходность и тоска охватывала тех, за спиной которых закрывались тяжелые полосатые ворота...

Крепость Шлиссельбург расположена на острове Ореховом, находящемся в Ладожском озере, при выходе из него реки Невы, в 60 километрах от Ленинграда.

В сырых и темных казематах крепости томились многие лучшие люди России. Четыре с половиной года провел там просветитель и журналист XVIII века Н. И. Новиков; здесь отбывали заключение 12 декабристов; народовольцы Н. А. Морозов, Вера Фигнер, М. Ф. Фроленко. Во дворе Шлиссельбургской крепости казнены студенты Петербургского университета А. И. Ульянов и его товарищи; в 1905 году — Н. П. Каляев. Отбывал каторгу в одиночной камере Серго Орджоникидзе и многие революционеры, боровшиеся за светлое будущее своего народа.

В марте 1917 года узники крепости были выпущены на свободу рабочими Шлиссельбурга. С августа 1928 года крепость стала филиалом Ленинградского государственного музея революции.

1941 год. Фашистское нашествие... Война не пощадила и этого исторического памятника нашей страны!

Сейчас глядят на нас выбитыми оконницами, развороченными лестничными клетками и перекрытиями скелеты домов. Силой взрывов оторваны и брошены наземь куски стен, толщина которых превышает полтора метра. Около развалин буйно разрослись травы и дикорастущий кустарник. Внутри здание музея все искромсано, вздыблено.

Тщетно вы будете искать мраморную доску, установленную на месте казни Ульянова и его товарищей. Нет и следов памятника работы скульптора И. Я. Гинцбурга, воздвигнутого в память казненных и умерших в 1884—1905 годах. Музей истории Шлиссельбурга, как политической тюрьмы,— лишь полуразвалившийся остов здания...

Ничего даже отдаленно напоминающего музей не осталось на острове. Лишь хладные волны омывают много видевшие на своем веку стены крепости.

Нам кажется, что Шлиссельбургская крепость, один из интереснейших памятников истории нашей Родины, не может дольше находиться в таком плачевном состоянии.

Татьяна ДОСТУПОВА

СТОЛЕТНИМ ЛЮДЯМ — ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПОЧЕТ

Большое удовлетворение доставила нам статья С. Нариньяни «После ста» в № 38 журнала «Огонек». Давно пришло время вспомнить о наших богатырях-людях, умеющих жить так долго, что их жизни хватит на двоих. В самом деле, нужно уметь жить, а главными условиями этого умения являются волевой, жизнерадостный, систематический труд и ровный, скажу больше, уравновешенный, то, что в народе называют справедливый, мудрый характер.

Вот у нас в селе Глазовке, Шмаковского района, Приморского края, живет стодвенадцатилетний колхозник Андрей Пантелеймонович Пономаренко. Дочери его 66 лет, сыну 63 года, младшей дочери, которая живет в соседнем селе, 58 лет. Старших детей уже нет в живых. Живет Андрей Пантелеймонович в своем скромном домике один. Он никому не позволяет ухаживать за собой: сам готовит пищу, печет хлеб, даже стирает, пилит и колет дрова, ходит в лес за грибами и диким виноградом. Он работает в колхозе: изготовляет бочки, лопаты, грабли. Здоровье у него замечательное: ходит без палки, зрение хорошее, память глубокая, помнит он даже, как при крепостном праве жил. Андрей Пантелеймонович никогда не болел, и только один раз, говорит он, произошел с ним любопытный случай. Будучи в молодости на Украине, когда приходилось ему возить соль из Крыма, он сильно простудился в пургу, проболел недолго и... умер. Три дня его не хоронили, и вдруг он проснулся: это у него был, оказывается, летаргический сон.

Трудовой стаж Андрея Пантелеймоновича — сто лет, целый век! И когда глядишь на него, то с гордостью думаешь: сколько в Советском Союзе таких удивительных людей! Но мы очень мало о них знаем, о них почти никогда не говорят по радио, их не показывают в кино, редко пишут о них в газетах и журналах. Не догадаются и писатели составить со слов таких глубоких долгожителей-стариков книги изумительных рассказов, гораздо более впечатляющих, чем многие архивные документы. Может быть, со временем будут ставить памятники старейшим людям в нашей стране.

Мне хочется еще пожелать, чтобы наше правительство нашло возможность отмечать 100-летие, 125-летие и тем более 150-летие советских людей со дня их рождения, чествовать их необычайно долгую и плодотворную трудовую жизнь на благо Родины, награждая их орденами и медалями и назначая своевременно таким долгожителям персональные пенсии.

И еще хотелось бы, чтобы при встречах Нового года мы по радио услышали слово одного из старейших людей нашей страны — его напутствие молодым поколениям, вступающим в новый год своего пути к коммунизму.

В. ШУМОВА

с. Глазовка,
Приморского края.

Разводите голубей

В Москве будет проходить Всемирный фестиваль молодежи. Готовясь к нему, молодежь, любители природы стали усиленно разводить голубей. Прекрасное, благородное дело!

Всем по нраву эта приятная птица, символизирующая борьбу народов за мир. Много радости доставляет она в городах и детям и взрослым, украшает площади и парки городов.

Голубиная служба широко применяется в нашем сельском хозяйстве, связывая животноводов кочующих стад с колхозной усадьбой, полевые станы между собой и отдаленные, нерадиофицированные тракторные бригады с МТС.

К сожалению, нередко мы плохо заботимся об этой славной птице. В городах не всегда голуби обеспечены кормами и ночным приютом, в особенности в зимнее время, хотя сделать это весьма несложно.

Общественным голубеводством занимается население городов, но организаторами должны быть Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов и ДОСААФ.

В местах скопления голубиных стай следует организовать пункты (можно автоматы) для продажи пакетов с голубиным кормом. Такие пункты были еще в старой Москве.

Надо найти стандартные типы голубятен и наладить их производство в одной из артелей или мастерских. Райисполкомы должны отвести места для размещения общественных голубятен.

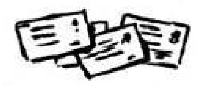
Не так уже много потребуется на это строительного материала и денежных средств.

Комсомольцы, учащиеся, конечно, будут застрельщиками этого дела на местах. Вступив в члены общества охраны природы, они с его помощью могут развести в городах тысячи и тысячи голубей.

Городским Советам депутатов трудящихся не мешало бы издать специальные постановления об охране общественного голубеводства.

П. СТАНИСЛАВСКИЙ,
член Центрального совета Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов.

Календарные системы и летосчисление

Читатели «Огонька» А. Г. Дригайло, П. С. Степанов (Североморск) и П. М. Клинский (Мелитополь) просят рассказать «о календарях, которые существенно отличаются от григорианского», и о «происхождении летосчисления», в частности мусульманского. Выполняем их просьбу.

Кроме нашего, солнечного, календаря, по которому мы живем, известны календари лунные и лунно-солнечные. Принятый у мусульман лунный календарь, как видно из его названия, связан с движением Луны. Так как длина лунного месяца составляет примерно 29,5 суток, месяцы в этом календаре попеременно содержат 29 и 30 дней, так что каждое первое число обычно приходится на день, когда на небе появляется молодая Луна, а год содержит то 354, то 355 дней. В среднем этот год на 11 дней короче солнечного, вследствие чего мусульманский новый год приходится по нашему календарю каждый раз на 11 дней раньше, чем в прошлом году, и за 33 наших года проходит 34 мусульманских. Таким образом, мусульманский счет времени постоянно обгоняет наш и с сезонными изменениями в природе не связан.

Примерами лунно-солнечных календарей являются старый китайский и древнееврейский. Календари эти сложны, в основу их положено лунное счисление времени с поправкой на солнечное, для чего периодически вставляется добавочный, тринадцатый месяц.

Календарный счет времени ведется от того или иного памятного события, так называемой эры. Известно множество самых разнообразных эр, связанных с именами богов, царей, с войнами, явлениями природы, с легендарными и действительными событиями.

Принятое у нас, как и во многих других странах мира, летосчисление — 1956 год новой эры — идет от произвольно установленной даты так называемого рождения Христа. До 1 января 1700 года в России счет годов вели от «сотворения мира».

В древности было распространено летосчисление от легендарного года основания Рима — 753 до новой эры. Мусульмане ведут счет времени от переселения основателя их религии Мухаммеда из Мекки в Медину, которое относится к 622 году новой эры.

Б. АЛЕКСЕЕВ

«Ботинок богатыря»

«В верховье Волги много различного камня. В пойме, на полях можно встретить довольно интересные по своей форме «тарелки», «цилиндры» и т. п. Но такой причудливый гранитный камень, который видите на снимке, лишь недавно обнаружен в районе Ржева. «Ботинок богатыря» — такое название дали ему местные жители»... — пишет читатель «Огонька» Н. Т. Журавлев (Ржев). Размер гранитного «ботинка»: высота подъема — 40 сантиметров, длина подошвы—полтора метра. Читателя интересует происхождение подобных камней.

Ученый секретарь Института географии Академии наук СССР Д. В. КРАВЧЕНКО сообщил:

— Камни на полях в верховье Волги—след давно минувших оледенений земли. Огромный ледник, спускавшийся со Скандинавского полуострова, медленно, но верно сокрушал все на своем пути, ломал скалы, прорезывал в них фиорды, отрывал куски каменных пород и тащил их под собой все дальше к югу, на сотни километров, постепенно окатывая их. Потом ледник стал таять, отступать, оставив как одно из напоминаний о себе разбросанные по полям валуны — те камни, о которых пишет читатель. В Европейской части СССР такие валуны встречаются вплоть до Кременчуга по Днепру и до устья реки Медведицы по Дону.

Форма валуна зависит от первоначальной формы обломка, от рельефа и образующих его пород той местности, по которой ледник нес валун. Когда ледник растаял, формирование валуна довершали вода и ветер.

Большинство валунов невелико — с кулак или с голову, но встречаются и крупные, до 10 метров в диаметре. Памятник Петру I в Ленинграде, знаменитый «Медный Всадник», установлен на ледниковом валуне.

Столкновение с кашалотом

Читатель «Огонька» Г. А. Старостин (Магадан) прислал в редакцию вырезку из газеты «Магаданская правда» от 19 июля 1956 года, в которой описывается, как шедший в Эвенск буксирный теплоход «Заря» «наскочил на кашалота. Удар получился мягкий. Носовая часть буксира приподнялась при этом на полметра, а судно дало крен в 15 градусов. Тут же кашалот спокойно погрузился в воду и дал возможность буксиру свободно продолжать движение».

Читателя интересует, бывали ли подобные случаи раньше и мог ли кит ударом хвоста перевернуть буксир или баржу, которую тот вел.

Известны разные случаи столкновений судов с китами, в частности, нападения раненых кашалотов на суда. Удар хвоста такого великана, как кашалот, достигающего двадцати метров длины и восьмидесяти тонн веса, может иметь серьезные последствия, но, по свидетельству китобоев, орудием защиты и нападения более страшным, чем хвост, у кашалота служит могучая голова.

В 1947 году у Командорских островов с китобойного судна «Энтузиаст» загарпунили семнадцатиметрового кашалота. Кит нырнул и неожиданно, как тараном, ударил головой под корму судна. Удар был так силен, что стальной гребной вал сломался и потонул вместе с винтом, а рулевое управление было повреждено. При этом, как потом оказалось, череп кашалота нисколько не пострадал, была разорвана только кожа на голове.

Примерно такой же случай произошел в Антарктике с судном «Слава-10». Ударом головы по гребному винту и валу загарпуненный кашалот на несколько недель вывел судно из строя.

Разумеется, чем легче судно, тем опаснее может быть столкновение с кашалотом.

А. БОРИСОВ

Молниеотводы в древности

В 1688 году вышла во Франции книга путешественника Габриэля де Магалан «Новый рассказ о Китае». Повествуя о домах китайцев семнадцатого века, автор указывает, что «их крыши изогнуты, нижние острые концы, похожие на рога, украшены драконами. Языки чудовищ, вонзенные в небесный простор, соединены с металлическими стержнями, концы которых вкопаны в землю. В случае, если в дом ударит молния, она направляется по пути, указанному ей языком дракона и стержнем, и поглощается землей, не причинив никакого вреда».

Таким образом, пишет нам С. Я. Русаковский (Одесса), молниеотводы применялись в Китае еще в семнадцатом веке.

Где же и когда впервые они появились?

Попытки защищаться от молнии известны задолго до начала нашей эры. Во время археологических раскопок в Египте были найдены на стенах разрушенных храмов надписи, из которых видно, что установленные вокруг храма, например, в Эдфу, мачты служили для защиты «от небесного огня». Дошедшие до нас другие египетские надписи свидетельствуют о том, что заостренные сверху и по повелению Рамзеса III (за много веков до нашей эры) позолоченные сорокаметровые мачты отводили от храма грозы и огонь.

Древнеримский писатель и ученый Плиний Старший в своем известном энциклопедическом труде сообщает, что, по преданиям, жрецы во время обрядов переводили молнию в землю, пользуясь высоким металлическим шестом. В истории четвертого и пятого веков также находятся следы использования некоторых устройств, подобных молниеотводам.

Интересная заметка из книги Г. де Магалана служит еще одним доказательством, что молниеотводные устройства применялись с давних времен.

Научное же объяснение молниеотводов, неправильно называемых в повседневном быту громоотводами, и их широкая популяризация начались уже гораздо позже — трудами Франклина в Америке, Ломоносова, Рихмана в России, Долибара во Франции, Дивиша в Моравии, а также других ученых — лишь в середине XVIII века.

И. С. СТЕКОЛЬНИКОВ,
доктор технических наук.

Причудливое дерево

«Этот клен был сфотографирован мною зимой на сквере Дерибасовской улицы в Одессе. Чем вызвано причудливое сплетение его ствола и ветвей?» — спрашивает читательница Е. Бакланова (Киев).

Такие искривления древесных растений обычно вызываются самыми различными механическими повреждениями, причиняемыми насекомыми, животными. Искривления могут произойти и от грибковых заболеваний, а также от резких колебаний температуры. В некоторых местах весьма причудливые формы растений создаются искусственно, например, в Японии, и служат декоративными украшениями в садах и комнатах.

В. ТИМОФЕЕВ,
профессор, доктор сельскохозяйственных наук.

Медаль русского фотографического общества

Недавно я обнаружил среди разных домашних безделушек у своей родственницы В. С. Головановой, живущей в Воскресенске, Московской области, большую бронзовую медаль. На ней не указан ни год, ни имя владельца ее. Очевидно, медаль была вручена какому-то известному фотографу на большой выставке фотографии. Среди родственников В. С. Головановой никогда не было фотографов, и она не помнит, откуда взялась медаль.

В. ФРОЛОВ

Москва.

На лицевой стороне присланной нам бронзовой медали дано изображение старинного герба Москвы — всадник, поражающий копьем дракона, а по окружности надпись: «Русское фотографическое общество в Москве». На оборотной стороне медали представлена сложная композиция: край палитры с кистями и фотографическая камера с покрывалом, слева лавровая ветвь, в центре на фоне лучезарного солнца, освобожденного от облаков, орел с широко распростертыми крыльями. Вокруг этого символического изображения девиз: «Человеческий гений, орлиными крыльями разгоняя тучи невежества, само солнце призывает к труду».

С помощью научных сотрудников Государственного исторического музея установлено, что образец этой медали изготовлен медальерами Базылевым и Дмитриевым. Можно предполагать, что проект медали разработан художником Каразиным.

Старейший советский фотограф-художник, ныне пенсионер Н. И. Свищев-Паола, состоявший в течение многих лет членом правления Русского фотографического общества, подтвердил, что именно эта медаль была учреждена обществом в 1895 году в связи с предстоящей в следующем году большой выставкой фотографии. Она состоялась в залах Верхних торговых рядов (ныне здание ГУМа) и имела огромный успех.

Оставалось выяснить происхождение оригинального девиза. В создании Русского фотографического общества и в его выставках принимал активное участие знаменитый ученый-революционер Климент Аркадьевич Тимирязев. Он был избран членом правления, а вскоре и пожизненным почетным членом общества. Тимирязевские снимки родной природы были в центре внимания посетителей выставки.

Прочитанную весной 1895 года лекцию для молодежи «Фотография природы и фотография в природе» К. А. Тимирязев закончил словами: «Луч света оставляет прочный след не только в нашей камере, но и везде в природе. Свет несет с собою жизнь и смерть: жизнь — тому, что является началом дальнейшей жизни, и смерть — тому, что заедает чужую жизнь. Не вправе ли мы с еще большим убеждением и сознанием повторить предсмертное восклицание великого поэта: «Свету, побольше свету!»

На основе этого призыва ученого и был сформулирован девиз, данный на медали.

П. ЧУМАК

КОГДА ЖЕНЫ НЕТ ДОМА...

Рисунки Л. Самойлова. Рига.

КОРЕЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Лягушка забывает, что и она была головастиком.

Увидев рыбу, не радуйся зря, а беги готовить сети.

Чем полнее колос, тем ниже он склоняется.

Даже мед, если принимать его как лекарство, горек.

Кто начнет красть иголки, тот дойдет и до коров.

Рис рассыплешь — собрать можно, слово скажешь — назад не вернешь.

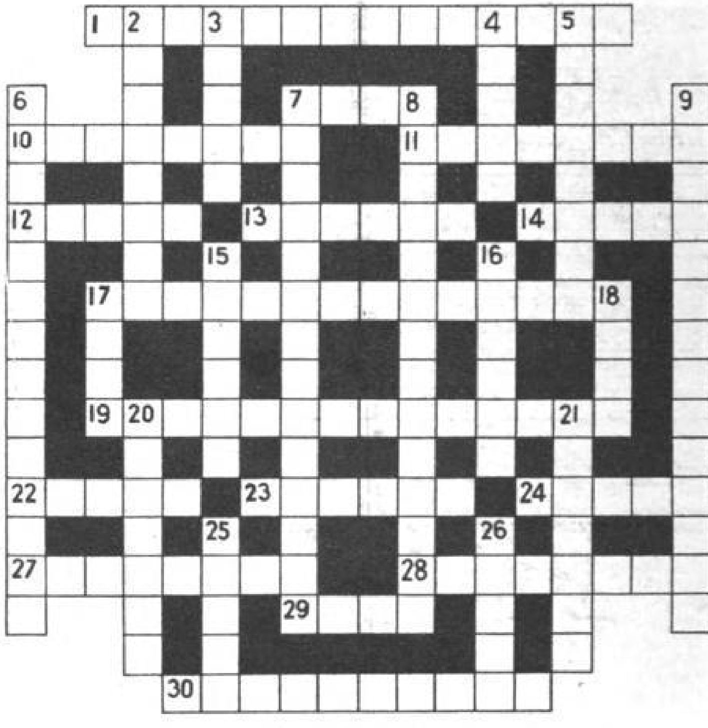
Если в гневе пнешь камень, то только ноге будет больно.

Пальцы родились в один день и один час, но все они разные.

Перевод Ли Марии и Ким Владимира.

Пхеньян.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Целая часть логарифма. 7. Воздушный шар с самопишущим прибором. 10. Русский живописец-портретист. 11. Сплочение, солидарность. 12. Конечная фаза в развитии насекомых. 13. Часть оптического прибора. 14. Ответвление основной горной цепи. 17. Увеличение напряженности. 19. Чтец. 22. Французский астроном и физик XVIII—XIX веков. 23. Рыба из семейства карповых. 24. Шерстяная ткань. 27. Город в Кемеровской области. 28. Врожденная форма поведения животного. 29. Порт на Азовском море. 30. Сторона прямоугольного треугольника.

По вертикали:

2. Коренной житель. 3. Горная система в Европе. 4. Река в западной части Китая. 5. Город в Великобритании. 6. Передовой работник. 7. Соединение звуков. 8. Ученик старшего класса. 9. Отсутствие знаний. 15. Лепное украшение на зданиях в виде гирлянды. 16. Озеро в Карелии. 17. Приток Иртыша. 18. Вид клена. 20. Персонаж «Медного Всадника» А. С. Пушкина. 21. Врач. 25. Бухта в море Лаптевых. 26. Предварительный набросок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

3. Блуминг. 6. Текстовинит. 9. Кемери. 11. Орлеан. 13. Клупп. 15. Валторна. 17. Анаконда. 19. Двигатель. 20. Кинетика. 23. Снование. 25. Нонет. 26. Цитата. 27. Апатит. 28. Деноминация. 29. Ливадия.

По вертикали:

1. Пластика. 2. Антилопа. 4. Метеор. 5. Фиалка. 7. Местоимение. 8. Напоминание. 10. Фундамент. 12. Кальций. 14. Аджария. 16. Навык. 18. Нулин. 21. Ирасек. 22. Анатомия. 23. Старание. 24. Опарин.

Серый варан

Это серый варан. Его длина — 1 метр 30 сантиметров, он песчаного цвета, с бурыми поперечными полосами на спине и хвосте.

Мне удалось сфотографировать варана в Юго-Восточных Кара-Кумах, в окрестностях колодца «Кизылчá-Бабá», вблизи трассы Каракумского канала.

Серый варан принадлежит к семейству ящериц, обитает в песчаных пустынях и в предгорьях. В СССР встречается в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и в южной части Казахстана.

Е. КРАСИЛЬЩИКОВА,
доктор физико-математических наук.

Кунцево.

ПОДЗЕМНАЯ РАДУГА

Радуга — обычное небесное явление. Причины ее возникновения люди поняли давно. Радуга появляется в теплый период года во время дождя и всегда привлекает наше внимание.

Необычно видеть радугу под землей.

В конце 1955 года сотрудниками Кунгурского стационара Уральского филиала АН СССР при электрификации Кунгурской ледяной пещеры в одном из ее гротов была замечена радуга. Она довольно отчетливо выделялась на темном фоне свода грота «Руины» в виде белесоватой дуги со слабым разделением цветов.

Благодаря своеобразному воздушному режиму Кунгурской пещеры многие ее гроты отличаются очень высокой влажностью воздуха. Лучи света от электрической лампочки, преломляясь в мельчайших капельках, и создали подземную радугу.

А. ТУРЫШЕВ,
Ю. ЕЖОВ

Кунгур.

На вкладках этого номера репродукции картин: Рембрандта ван Рейна «Возвращение блудного сына», Герарда Терборха «Бокал лимонада», Саломонса ван Рейсдаля «Стадо на опушке леса», Франца Гальса «Мужской портрет» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12738. Подписано к печати 21/XI 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛ 2.5 бум. л. — 6.85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 990. Заказ № 3100.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Московский радиолюбитель - коротковолновик В. Г. Василищенко установил прямую связь с радиостанцией поселка Мирный. Трехлетний сынишка Саша тоже захотел послушать голос из далекой Антарктики.

Фото С. Раскина.

Цена номера 3 руб.

